



Р. В. Борисов

# **США:**

## **Ближневосточная политика в 70-е годы**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1982

Ответственный редактор  
Н. А. СИМОНΙΑ

В книге освещаются в комплексе основные проблемы политики США на Ближнем и Среднем Востоке в 70-е годы XX в. Рассматриваются движущие силы и мотивы ближневосточной политики США, вскрываются империалистические интересы влиятельных финансово-нефтяных групп США.

В книге также характеризуется политическое положение в регионе, показаны успехи и трудности национально-освободительного движения народов, основные направления неоколониалистской и военной политики США в регионе и ряд других вопросов.

Б 0804000000-071—59-82.  
013(02)-82

*Ростислав Васильевич Борисов*

США: БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА В 70-е ГОДЫ

Редактор *М. И. Штемпель*. Младший редактор *Л. А. Добродеева*. Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 14427

Сдано в набор 19.10.81. Подписано к печати 11.03.82. А-04059. Формат 60×90<sup>1/8</sup>. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать выская. Усл. п. л. 13,5. Усл. кр.-отт. 13,75. Уч.-изд. л. 15,16. Тираж 5000 экз. Изд. № 5099. Тип. зак. 540. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»  
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1  
3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы  
издательства «Наука», 1982.

В предлагаемой читателю книге показаны в комплексе основные проблемы политики США на Ближнем и Среднем Востоке в 70-е годы — в период нахождения у власти республиканских администраций Р. Никсона и Дж. Форда и правления администрации партии демократов во главе с президентом Дж. Картером. Обобщены те новые явления и процессы, которые произошли в этот отрезок времени в сфере политических, экономических и военных отношений США с ближневосточными государствами.

В рассматриваемый период обстановка в ближневосточном регионе была сложной и напряженной. Ближний и Средний Восток оставался активным фронтом борьбы революционно-демократических сил против империализма и сионизма, узлом острых классовых, национальных, религиозных, межимпериалистических противоречий современной эпохи. Обстановка в регионе характеризовалась дальнейшим развитием освободительной борьбы народов арабских стран и Ирана. Эта борьба включала широкий спектр движений за укрепление политической и экономической независимости, осуществление прогрессивных преобразований в экономике и общественной жизни, проведение антиимпериалистической политики на международной арене, развитие сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Освободительное движение в ближневосточном регионе — важная составная часть мирового революционного процесса.

Со своей стороны, империализм США, действовавший совместно с сионизмом и правой арабской реакцией, делал все, чтобы затормозить развитие освободительной борьбы, модернизировать по капиталистической модели отжившие социальные структуры, продлить эксплуатацию, хотя и в более гибких, чем прежде, формах, нефтяных ресурсов Ирана и арабских государств, ослабить революционно-демократические правительства, удержать страны этого района в системе мирового капиталистического хозяйства и в фарватере внешней политики Запада. В этих целях США использовали все имевшиеся в их руках рычаги, в том числе военный, политический и экономический нажим, свою агентуру в регионе в лице монархо-автократических кругов, сил правой реакции; колебания и непоследовательность национальной буржуазии, склонявшейся к компромиссам с США; неразвитость местного рабочего класса и слабость его

влияния на политическую обстановку в странах региона; сращивание правых режимов в ключевых нефтедобывающих странах с американскими нефтяными монополиями и взаимопереплетение их интересов; усиление внутриарабских разногласий; агрессивную политику израильских экстремистов. Чрезвычайную взрывоопасность обстановке придавали создание Соединенными Штатами нового очага напряженности и конфликтов в районе Персидского залива и Индийского океана, а также неурегулированность ближневосточного конфликта и агрессивная политика Израиля, в том числе и в Ливане. В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС указывалось, что «произошло новое обострение обстановки в регионе. Ближневосточное урегулирование оказалось отброшенным назад» [6, с. 14].

В последнее десятилетие Ближний и Средний Восток занял ключевое место в глобальных империалистических планах США, стал одним из центральных узлов международной политики, в которую вовлечены интересы многих государств. Этот район стал рассматриваться Вашингтоном как один из главных центров противоборства двух систем — социалистической и капиталистической, как источник острых конфликтных ситуаций и кризисов в обозримом будущем. Игнорируя закономерности общественного развития и не считаясь с интересами иранского и арабских народов, США произвольно объявили ближневосточный регион сферой своих «жизненно важных интересов». Вашингтон открыто угрожал использовать все средства, вплоть до военной силы, чтобы обеспечить выгодное империализму соотношение сил в регионе, а также гарантированный доступ к ближневосточной нефти. Были гальванизированы прежние агрессивные установки США на то, чтобы «сдержать» СССР на Ближнем и Среднем Востоке, закрепить империалистическую стабильность, обеспечить прочность южного фланга НАТО.

Все это замедляло решение принципиальных задач национально-освободительной борьбы в регионе. Не были полностью вытеснены американские нефтяные монополии из арабских стран. Начатые в некоторых из них прогрессивные преобразования не были доведены до конца, а кое-где и повернуты вспять. Ударом по арабской освободительной борьбе явился отказ египетского режима А. Садата от прогрессивных завоеваний народа Египта, достигнутых в 50—60-е годы под руководством президента Г. Насера; предательство этим режимом коренных интересов арабской нации, выход Египта — этой ключевой и наиболее крупной страны арабского мира — из состояния конфронтации с империализмом и сионизмом и включение Каира в орбиту политики США. Сепаратный «мирный» договор между Египтом и Израилем, заключенный 26 марта 1979 г., укрепил позиции империализма в регионе, усилил агрессивность политики Израиля, ослабил общеарабскую борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии. В 70-х годах возросла финансовая и по-

литическая мощь правых арабских режимов. Не были преодолены межарабские противоречия. Сохранился капиталистический путь развития в большинстве ближневосточных государств.

Однако если подходить к оценке результатов национально-освободительной борьбы с принципиальных позиций исторической перспективы, то в целом можно констатировать, что освободительное движение на Ближнем и Среднем Востоке развивалось в 70-е годы по восходящей кривой, совпадавшей с общим поступательным развитием мирового революционного процесса. Революционно-демократические силы добились реализации ряда принципиально важных национальных задач. Большим успехом освободительной борьбы было завершение процессов полной ликвидации системы английского колониального господства в регионе. Политическая независимость была завоевана всеми без исключения арабскими странами. В 1971 г. добились политической независимости народы юго-восточной части Аравийского полуострова. В ряде арабских стран укрепились позиции прогрессивных, революционно-демократических сил. Была ликвидирована прежняя открыто грабительская система отношений между нефтяными транснациональными корпорациями (ТНК) и странами — производителями нефти. Нефтяные монополии в значительной мере лишились прежних господствующих позиций в регионе. Развалилась концессионная система империализма, ближневосточные государства установили контроль над своими нефтяными ресурсами, они развивают национальную нефтяную индустрию. Впервые в истории нефтедобывающие арабские страны использовали нефть в качестве средства политического давления на США. Палестинское движение сопротивления стало активным, боевым отрядом арабской национально-освободительной борьбы. Из сферы контроля империализма было выбито важное стратегическое звено — Иран. В результате исламской революции 1978—1979 гг. и свержения шахского режима в Иране Соединенные Штаты лишились своего империалистического жандарма в районе Персидского залива. Развалился военный блок СЕНТО. Вашингтону не удалось осуществить планы создания какого-то альтернативного варианта этого блока.

Бесспорным является то, что, несмотря на отдельные спады в развитии арабской освободительной борьбы, на Арабском Востоке проходили процессы консолидации общеарабского единства и солидарности в борьбе против империализма, сионизма и израильской агрессии; активизировались совместные усилия арабских стран по противодействию кэмп-дэвидской стратегии США; возросла поддержка палестинского движения сопротивления и национально-патриотических сил в Ливане. Арабским странам удалось провести несколько всеарабских совещаний на высшем уровне. Хотя на этих совещаниях проявлялись противоречия между консервативными и прогрессивными арабскими правительствами и не все включавшиеся в повестку дня вопросы

удавалось разрешить, на них были разработаны совместные конкретные меры по противодействию диктату западных нефтяных ТНК, по объединению сил и материальных ресурсов арабского мира для борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии и подрыв навязывавшихся Вашингтоном сепаратных сделок по империалистическому «урегулированию» ближневосточного конфликта, по оказанию совместной экономической и политической помощи палестинскому движению сопротивления в его борьбе за реализацию неотъемлемых прав арабского народа Палестины. Движение за консолидацию арабских государств на антиимпериалистической основе получило новое развитие в связи с развернувшейся в конце 70-х годов общеарабской борьбой против кэмп-дэвидских соглашений.

Успехи национально-освободительной борьбы ослабили общий фронт империализма в ближневосточном регионе. Укрепились позиции сил, выступавших за проведение политики неприсоединения, осуществление прогрессивных социально-экономических преобразований, полную ликвидацию империалистического господства. По ключевым политическим проблемам — борьба против империализма и неокOLONиализма, за равноправное экономическое и политическое сотрудничество, за укрепление мира — ближневосточные страны сделали немалый шаг в сторону проведения такой внешней политики, которая отвечает интересам народов. Развитию национально-освободительной борьбы способствовали изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма и мира, углубление и развитие разрядки международной напряженности. Разрядка создавала более благоприятные условия для решения коренных задач национального освобождения, для борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии и очага войны в регионе. Она скрывала наиболее агрессивные проявления в политике США, препятствовала использованию Соединенными Штатами интервенционистских методов борьбы против освободительных сил.

Достижения освободительной борьбы народов Ирана и арабских стран во многом стали возможными в результате всесторонней политической, экономической и иной поддержки со стороны Советского Союза и других социалистических государств. Советский Союз неизменно выступал и выступает в поддержку борьбы народов Ближнего и Среднего Востока против империализма и израильской агрессии, за укрепление их национальной и экономической независимости и социальный прогресс. Советским Союзом осуществляются постоянные контакты со многими странами ближневосточного региона, координация действий с ними во внешнеполитической сфере. Советские руководители проводили встречи и переговоры с руководящими деятелями многих арабских государств. Ширилось советско-арабское двухстороннее политическое, торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. Развитие событий в регионе показыва-

ло, что помощь и поддержка со стороны СССР способствовали успешному решению принципиальных задач национально-освободительной борьбы, упрочению сопротивляемости ближневосточных государств нажиму со стороны США и Израиля, осуществлению прогрессивных социально-экономических преобразований в их внутренней жизни. Советский Союз активно противодействовал попыткам Вашингтона использовать разрядку в целях консервации социально-экономического статус-кво в ближневосточном регионе.

По своему содержанию данная работа построена так, чтобы в первую очередь выделить концептуальные основы и общие закономерности, положенные в основу ближневосточной политики США. Одновременно показываются основные направления американской политики применительно как к узловым проблемам региона, так и к отдельным странам. Актуальность раскрытия внутренних пружин этой политики США определяется задачами внешней политики КПСС, сформулированными в выступлениях Л. И. Брежнева и решениями XXVI съезда КПСС — установление прочного и справедливого мира на Ближнем и Среднем Востоке, противодействие проискам империализма, ликвидация военного очага в зоне Персидского залива и последствий израильской агрессии, достижение политического урегулирования ближневосточного конфликта на основе учета законных интересов всех вовлеченных в конфликт государств, в том числе арабского народа Палестины. «Мы будем продолжать вести последовательную линию на ликвидацию опасного военного очага на Ближнем Востоке тем более, что этот район находится в непосредственной близости от рубежей нашей страны, да и других стран Варшавского договора», — указывалось в речи Л. И. Брежнева 5 октября 1978 г. в Москве в связи с визитом в СССР президента Сирии Х. Асада [2, т. 7, с. 484].

Если кратко суммировать общее содержание работы, то в ней рассмотрены движущие силы и мотивы политики США, оценивается степень воздействия отдельных факторов на формирование этой политики. Подчеркивается при этом приоритетное влияние классовых интересов американской финансовой олигархии, вытекающих из стремления удержать Ближний и Средний Восток в системе мирового капитализма, противодействовать укреплению там позиций СССР. Показаны империалистические интересы влиятельных американских нефтяных ТНК, направленные на сохранение в изменившихся условиях доступа к ближневосточной нефти.

Значительное место отводится анализу военно-стратегических шагов США на Ближнем и Среднем Востоке, определяемых расчетами на использование этого района в американских планах глобального противоборства с СССР. Охарактеризованы основные параметры военного присутствия США в регионе.

В книге дается характеристика американских империалисти-



ческих доктрин доступа к ближневосточной нефти, «партнерства» и «взаимозависимости», «равноудаленного подхода» США к Израилю и арабам; концептуального подхода США к национализации западных нефтяных активов в регионе, «доктрины Картера» и др.

В работе показаны успехи и трудности национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока против империализма и колониализма. Охарактеризованы мероприятия США, направленные на подрыв прогрессивных правительств, укрепление правых режимов. В работе также показана роль Израиля в военно-политической стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке, охарактеризована позиция США по проблеме урегулирования ближневосточного конфликта, раскрывается содержание кэмп-дэвидской стратегии США.

Район Ближнего и Среднего Востока рассмотрен в книге как цельная структурная единица в политике США.

### ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И МОТИВЫ ПОЛИТИКИ США НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

#### Роль Ближнего и Среднего Востока в империалистических планах США

Ближний и Средний Восток — средоточие широкого спектра империалистических интересов США: военных, политических, идеологических, экономических. Согласно современным американским внешнеполитическим установкам, выпадение ближневосточного звена из мировой системы капитализма привело бы к «неприемлемому» для Запада нарушению сложившегося баланса мировых сил, вызвало бы необходимость в принятии со стороны США и НАТО мер, направленных на корректировку «дестабилизирующих факторов», или, иначе говоря, на борьбу против освободительных движений народов. В докладе конгрессу США о внешней политике страны от 3 мая 1973 г. Р. Никсон утверждал, будто «никакой другой кризисный район земного шара не имеет столь большого значения или приоритета для США, как Ближний и Средний Восток» [87, с. 134]. Дж. Картер в одобренной им в августе 1977 г. президентской «директиве № 18» произвольно объявил Ближний и Средний Восток «жизненно важным» для США районом. В выступлении в конгрессе США 23 января 1980 г. в связи с посланием о «положении страны» он заявил, что для защиты интересов США в этом районе может быть использована вооруженная сила. Все это — открыто империалистические, агрессивные установки, направленные на оправдание политики экспансии и милитаризма, осуществляемой Вашингтоном в ближневосточном регионе.

В своих агрессивных планах США учитывают важное стратегическое значение Ближнего и Среднего Востока: он расположен на перекрестке трех континентов и у южных рубежей СССР, через его территорию проходят Суэцкий канал и система кратчайших сухопутных и воздушных коммуникаций, связывающих Европу, Азию и Африку, а также бассейны Атлантического и Индийского океанов. Разумеется, американский империализм прельщает и богатейшие нефтяные ресурсы ближневосточного региона и его положение как главного нефтедобывающего центра капиталистического мира.

В 1981 г. объем разведанных нефтяных запасов на Ближнем и Среднем Востоке оценивался в 49,7 млрд. т, что в 13,8 раза превышало запасы нефти на территории самих США [279, с. 50]. Общую стоимость этих запасов (исходя из мировых цен на нефть в 32—37 долл. за баррель в 1980 г.) можно было бы оценить в 11—13 трлн. долл. В последние годы объем здесь нефтедобычи превысил 1 млрд. т в год. В условиях острых энергетических трудностей в мире капитализма Ближний и Средний Восток стал рассматриваться Соединенными Штатами как важный источник нефти для США, Японии, западноевропейских стран НАТО. В докладе министерства обороны США за 1978/79 финансовый год указывалось, что США «в возрастающей степени зависят от внешних источников сырья, причем нефть представляет собой самый наглядный и тревожный пример этой зависимости. По одной этой причине США значительно заинтересованы и вовлечены в дела Ближнего и Среднего Востока, хотя нашими главными торговыми партнерами являются Канада, Япония и страны Западной Европы» [77, с. 16].

Американские внешнеполитические стратеги рассматривают Ближний и Средний Восток как район активного противоборства США с Советским Союзом. Принятый на вооружение внешней политикой США при правительстве Дж. Картера концептуальный подход к отношениям с СССР как сочетание «соперничества и сотрудничества» предусматривал необходимость проведения политической, экономической и идеологической борьбы с Советским Союзом в «жизненно важных» для США районах, прежде всего в тех, которые располагают крупными ресурсами стратегического и энергетического сырья, в первую очередь нефти. Постоянные ссылки на «советскую угрозу» Ближнему и Среднему Востоку служили прикрытием посягательств США на национальный суверенитет и право арабских стран и Ирана распоряжаться своими ресурсами.

Политика США в ближневосточном регионе представляла собой равнодействующую всех тех сил, которые оказывают воздействие на процесс принятия решений в высших эшелонах государственной власти в Вашингтоне. Эта политика отражает интересы всей правящей верхушки США, а не отдельных монополистических и иных групп, какими бы могущественными они ни были. Именно поэтому на первое место в анализе системы движущих сил американской ближневосточной политики должны быть выдвинуты фундаментальные и долгосрочные факторы. Субъективистские, конъюнктурные элементы в истоках этой политики играют лишь подчиненную, второстепенную роль.

Следует сказать, что комплексный подход к анализу пружин ближневосточной политики стал признаваться и некоторыми буржуазными американскими учеными. Видный специалист-ближневосточник У. Куандт в книге «Десятилетие решений: американская политика в ближневосточном конфликте, 1967—

1976» подвергал анализу не один, а систему факторов, воздействующих на процесс принятия решений по проблемам ближневосточной политики США. Он указывал, в частности, на влияние стратегических факторов, вытекающих из потребностей глобального противоборства США с СССР; на воздействие факторов внутривосточного порядка (активность проарабского и произраильского лобби); факторов, связанных с функционированием бюрократической машины Вашингтона (в том числе и наличие групп с неоднозначными интересами в ближневосточных делах в государственном департаменте и в Пентагоне); с политическими интересами и лидерством президента страны и т. д. [235, с. 3, 4, 25].

Попытки создать и обосновать теорию воздействия различных «заинтересованных групп» в спектре внутренних сил США на формирование ближневосточной политики Вашингтона предприняты в работе профессора университета штата Огайо Р. Трайса «Заинтересованные группы и внешнеполитический процесс: политика США на Ближнем и Среднем Востоке» [257]. Автор с использованием метода системного анализа подробно показывает характер и степень влияния на политику США произраильского и проарабского лобби, настроений американской общественности, воздействия печати и других средств массовой информации США. Работа Р. Трайса — это одна из немногих попыток буржуазных американских ученых раскрыть и оценить внутривосточные пружины ближневосточной политики США.

На многоплановый характер империалистических интересов США в ближневосточном регионе указывалось и в книге американского профессора Дж. Чурбы «Политика поражения» [166]. Автор, относящийся к числу ученых, стоящих на правых, реакционных позициях, пишет, что «интересы США на Ближнем и Среднем Востоке являются комплексными и многоплановыми. Они включают поддержание стратегического доступа к региону и гарантированного доступа к его нефтяным ресурсам, сдерживание местных конфликтов, продолжение экономического развития и социального прогресса (разумеется, по американской модели.— Р. Б.), защиту американских инвестиций и их вклада в платежный баланс США, продвижение американской торговли, а также сохранение и развитие культурных связей с народами этого района» [166, с. 25].

Вместе с тем У. Куандт, Р. Трайс и Дж. Чурба затрагивают в своих исследованиях лишь часть общей проблемы движущих сил американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Эти американские ученые, как и большинство других, работающих по ближневосточной проблематике, не придают в своем анализе должного значения факторам воздействия на политику США империалистических интересов американской финансовой олигархии, а это главное, если говорить о реальных пружинах и истоках политики США в регионе. Так, например, в научной

литературе США явно недостаточно раскрыты проблемы воздействия нефтяных ТНК на формирование ближневосточной политики США; принятия Белым домом решений по конфликтным ситуациям в ближневосточном регионе; существа разногласий между различными группировками в правящих кругах США по вопросам, относящимся к Ближнему и Среднему Востоку и т. д. Можно полагать, что это те области, которые американский правящий класс стремится держать вдали от глаз общественности, не допустить просачивания информации, раскрывающей подлинный механизм капиталистической эксплуатации народов арабских государств и Ирана.

Ленинская методология анализа движущих сил и мотивов внешней политики буржуазных государств указывает на то, что при определении истоков ближневосточной политики США во главу угла должны быть положены классовые критерии, отражающие империалистические интересы американского правящего класса, связанные с учетом значимости района Ближнего и Среднего Востока для осуществления военно-стратегических, колониалистских и эксплуататорских задач стоящей у власти в США финансовой олигархии. В этом плане большую роль играет стремление США как лидера мировой капиталистической системы затормозить процессы развития национально-освободительного движения народов стран ближневосточного региона, отграничить этот регион от мирового революционного процесса, сохранить Ближний и Средний Восток в орбите капиталистического хозяйства и политической структуры Запада.

Вашингтон исходит также из расчетов на ослабление роли и престижа Советского Союза в регионе, подрыв советско-арабского сотрудничества. В книге группы ученых университета штата Колорадо «Ближний и Средний Восток: критический выбор для США» указывалось в этой связи: «Соединенные Штаты осуществляли активные дипломатические усилия на Ближнем и Среднем Востоке. Цель этих усилий состояла в том, чтобы предотвратить дальнейшее возрастание советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, в районе Средиземного моря и в Восточной Африке и в конечном итоге побудить Египет и другие арабские страны прекратить их связи с Советским Союзом» [217, с. 24].

Тем же классовым интересам правящих кругов США отвечало стремление крупнейших нефтяных монополий продлить доступ к эксплуатации ближневосточной нефти. Разумеется, рамками классовых интересов определялась и ставка США на расширение своего военного присутствия в регионе, закрепление «прав» на использование его в американских военно-стратегических целях.

Важно отметить, что движущие силы и мотивы ближневосточной политики США переплетены друг с другом; их следует рассматривать в виде единой, взаимоувязанной системы. Выде-

ление при анализе истоков ближневосточной политики США — в качестве главного и единственного — какого-то одного фактора, придание другим факторам подчиненного положения может дать неточные, несбалансированные результаты. Так, например, если признать фактор нефти главным и единственным и поставить другие воздействующие на политику США силы в зависимое от него положение, то основанный на таком подходе анализ вряд ли привел бы к получению взвешенного и точного результата. Такой подход не объяснил бы тот, например, факт, почему администрация США в условиях, когда приоритетным и главным был доступ к нефти, долгое время ориентировала свою ближневосточную политику на открытую поддержку израильской агрессии, на развитие одностороннего военно-политического союза с Израилем, а не с арабскими странами, хотя очевидно, что связанные с нефтью долгосрочные интересы США толкали американскую политику по прямо противоположному пути — по пути развития отношений именно с арабскими партнерами Вашингтона.

В рамках господствующей в США капиталистической системы основные движущие силы и мотивы ближневосточной политики США действуют в одном стратегическом направлении — в направлении осуществления империалистических, неокOLONиалистских шагов, нацеленных на закрепление политических, экономических и военных позиций США в ближневосточном регионе, борьбу против национально-освободительных движений, сохранение доступа к ближневосточной нефти. Вместе с тем при стабильности базового направления американской политики ее составляющие компоненты входят зачастую в противоречие с потребностями и задачами общей ближневосточной стратегии США. Так, например, имеют место определенные расхождения между интересами нефтяных монополий и интересами сионистских кругов; между позицией конгресса, в котором большим влиянием пользуется произраильское лобби, и позицией вашингтонской администрации, и в частности госдепартамента, стремящейся проводить более или менее «сбалансированный» курс в арабо-израильском конфликте. Эти обстоятельства приносят в ближневосточную политику США элементы противоречивости и непоследовательности; они зачастую сталкивают американскую администрацию на путь проведения шагов, не укладывающихся в рамки долгосрочных интересов США, побуждают Вашингтон к широкому использованию в своей политике в регионе беспринципного лавирования и маневров.

Разумеется, большое влияние на формирование ближневосточной политики США оказывают факторы «внешней среды». К ним относится все то, с чем США сталкиваются при проведении своей политики в самом регионе. Прежде всего, это освободительная борьба народов ближневосточных государств против американского империализма, обостряющиеся межимпериали-

стические противоречия в регионе, противоречия между империализмом США, с одной стороны, и национальной буржуазией ближневосточных государств — с другой, и т. д. Эти факторы также вынуждали Вашингтон вносить коррективы в свою политику, осуществлять компромиссные мероприятия.

Важно ответить на вопрос о том, насколько стабильной является ближневосточная политика США, не подвержена ли она изменениям в связи со сменой администрации в Вашингтоне в рамках двухпартийной политической системы США. Здесь с полным основанием можно сделать вывод, что американская политика на Ближнем и Среднем Востоке носит «двухпартийный» характер. Это означает, что в своей основе она не зависит от того, какая из двух главных буржуазных политических партий США — республиканская или демократическая — находится в данное время у власти. Обе партии выражают интересы американского монополистического капитала, в том числе крупнейших нефтяных групп, эксплуатирующих энергетические ресурсы ближневосточного региона. Предвыборные платформы и практическая деятельность республиканцев и демократов в сфере ближневосточной политики исходят из одних и тех же концепций и установок на защиту империалистических позиций США, всестороннюю поддержку Израиля, укрепление консервативных режимов, борьбу против освободительных движений народов. Так, избирательные платформы республиканской партии на президентских выборах 1972, 1976 и 1980 гг., содержание предвыборных выступлений республиканских претендентов на президентский пост и аналогичные предвыборные документы партии демократов в части, касающейся Ближнего и Среднего Востока, были в сущности идентичными по содержанию. В этих документах декларировалась приверженность той и другой партии к гарантированию «безопасности» Израиля, оказанию этому государству всесторонней военной и экономической помощи со стороны США, непризнанию Организации освобождения Палестины (ООП) и т. д. Если в предвыборных документах республиканцев и демократов и были какие-то различия, то они касались не существа, а лишь отдельных деталей и нюансов (см. [237, с. 431—433]).

Близкое совпадение позиций республиканской и демократической партий было, в частности, продемонстрировано на президентских выборах 1980 г. Несмотря на разыгравшуюся между обеими партиями шумную предвыборную перепалку, позиции республиканцев и демократов по основным вопросам политики на Ближнем и Среднем Востоке и оценке ситуации в регионе были тождественны. Кандидаты обеих партий на пост президента Р. Рейган и Дж. Картер заявляли, например, что они выступают за полную и всестороннюю поддержку Израиля, удовлетворение его требований о предоставлении американского вооружения и т. д. Ни с той, ни с другой стороны не было при-

зывают к урегулированию ближневосточного конфликта с учетом справедливых интересов всех вовлеченных в конфликт сторон. Претенденты на президентский пост выступали с единых позиций защиты нефтяных монополий, борьбы против антиимпериалистических арабских правительств, против исламской революции в Иране.

В предвыборной платформе республиканской партии на выборах 1980 г., одобренной на съезде этой партии в Детройте 14 июля 1980 г., указывалось: «Суверенитет, безопасность и целостность государства Израиль являются моральным императивом и служат государственным интересам США. Республиканцы подтверждают свое фундаментальное и неизменное обязательство этому принципу... Мы полностью признаем стратегическую важность Израиля и сдерживающую роль его вооруженных сил на Ближнем Востоке» [238, с. 67]. В республиканской программе высказывались возражения против создания независимого палестинского государства, признания ООП и переговоров США с этой организацией.

В предвыборной платформе партии демократов на выборах 1980 г., принятой на партийном съезде 13 августа 1980 г. в Нью-Йорке, содержались те же штампы о «безоговорочной поддержке» Израиля, обеспечении его «выживания», отказе от создания палестинского государства и т. д. Предвыборный документ демократов требовал «поддержать безопасность Израиля», «противодействовать созданию независимого палестинского государства», «не вести переговоры и не признавать ООП» [323, с. 62]. Израильские меры по аннексии Иерусалима были поддержаны как в республиканской, так и в демократической избирательных платформах.

Правительства Р. Никсона и Дж. Форда, представлявшие партию республиканцев, проводили политику империалистической экспансии на Ближнем и Среднем Востоке; они предпринимали активные шаги по борьбе против освободительных движений арабских народов, много внимания уделяли решению военно-стратегических задач США в регионе, защите интересов нефтяных монополий, поддержке их притязаний на получение более выгодных условий эксплуатации ближневосточных нефтяных ресурсов. В принципе ту же самую жесткую империалистическую политику проводило в 1977—1980 гг. пришедшее на смену республиканцам правительство партии демократов, возглавлявшееся президентом Дж. Картером.

Солидаризируясь в главном — в защите интересов нефтяных монополий, борьбе против освободительных движений, поддержке Израиля — партии демократов и республиканцев в то же время использовали не всегда однозначные методы проведения ближневосточной политики. Эти различия вызваны, в частности, тем, что существует определенная разница в масштабах связей руководства республиканцев и демократов с монополистиче-



скими нефтяными группами США, а также с Израилем и американскими сионистскими кругами.

Республиканская партия традиционно более тесно связана с крупным нефтяным капиталом США, чем партия демократов. Республиканская верхушка особенно близка к занимающимся эксплуатацией ближневосточной нефти монополиям Рокфеллеров и Меллонов. Представители группы Рокфеллеров входили в состав руководства республиканской партии (например, вице-президент в администрации Дж. Форда Нельсон Рокфеллер). Нефтяные ТНК являлись щедрыми жертвователями средств на финансирование партии республиканцев и ее избирательных кампаний. В отличие от четкой линии партии демократов на широкое использование рычагов государственного регулирования для ослабления энергетических трудностей США республиканцы делали большую ставку на меры частнокапиталистического, рыночного порядка в целях стимулирования подъема национальной энергетики. В партии демократов более сильно влияние промышленных корпораций и банков, контролируемых еврейским капиталом. По американским данным, 60% взносов в избирательные фонды демократов, в том числе свыше 50% разовых взносов, составлявших 10 тыс. долл. и выше, поступали от еврейской буржуазии [184, с. 283]. В проводимой правительствами демократов ближневосточной политике традиционно прослеживалась тенденция к более тесному блокированию с Израилем, активному использованию этого государства в качестве орудия американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Лидеры демократов выступали инициаторами законопроектов об оказании израильским экстремистам громадной военной и другой помощи со стороны США. Особую активность в заверениях в «верности» Израилю партия демократов проявляла в периоды президентских избирательных кампаний.

### **Нефтяные аспекты американской политики и их истоки**

Воздействие фактора нефти на политику США на Ближнем и Среднем Востоке определялось быстрым ростом значения ближневосточной нефти для экономики и военной машины США. Это связано, с одной стороны, с коренными структурными особенностями системы обеспечения США жидким горючим, а с другой — с открыто экспансионистской, грабительской политикой американских нефтяных ТНК, которые (вместо развития отечественной энергетики в США) ориентировались на эксплуатацию высокоприбыльных нефтяных ресурсов самого крупного нефтедобывающего центра капиталистического мира — Ближнего и Среднего Востока.

Для США было характерным значительное превышение по-

требления нефти над добычей внутри страны. В 70-е годы уровень добычи отечественной нефти сокращался. Если в 1970 г., по официальным данным, в США было добыто 488,5 млн. т нефти, то в 1980 г. — 430 млн. т. В то же время американское потребление нефти возрастало: в 1970 г. — 750 млн. т, а в 1980 г. — уже 900 млн. т [294, с. 757, 759; 296, VIII.1981, с. S-31]. Рост спроса на нефть в США определялся быстрым развитием научно-технической революции, увеличением потребностей Пентагона в топливе и горючем и в немалой степени — энергорасточительной структурой американской экономики и всего образа жизни в США (свыше 44% всей нефти расходовалось на транспортные нужды) [323, 19.III.1979, с. 66].

Для восполнения возраставшего дефицита нефтяного баланса США ориентировались на ввоз иностранной нефти. Такой путь, с одной стороны, способствовал сохранению внутренних энергетических ресурсов, а с другой, обеспечивал монополиям сверхприбыли за счет эксплуатации дешевой нефти развивающихся государств, которая, однако, сбывалась потребителям по монополюно высоким ценам. Объем импорта в США нефти и нефтепродуктов возрос со 173,3 млн. т в 1970 г. до 430 млн. т в 1977 г., а затем упал до 350 млн. т (в результате экономического спада) в 1980 г. [294, с. 759; 22, II.1981, с. 47]. Стоимость нефтеимпорта США увеличилась с 4,5 млрд. долл. в 1970 г. до почти 90 млрд. долл. в 1980 г. (в текущих ценах) [22, VIII.1980, с. 10, X.1980, с. 39]. Высокие расходы на импорт нефти способствовали созданию хронического дефицита американского платежного баланса. Согласно прогнозам, расходы на нефтеимпорт будут и дальше быстро расти и к 1985 г. могут превысить 100 млрд. долл. [305, 19.XI.1979, с. 176].

Удельный вес импортной нефти и нефтепродуктов в общем потреблении нефти в США возрос с 23% в 1970 г. до 40% в 1980 г. [22, V.1980, с. 21]. Рост зависимости США от иностранной нефти увязывался с фактором национальной безопасности страны. Дж. Картер в выступлении в конгрессе 23 января 1980 г. сказал, что «зависимость США от иностранной нефти является ясной и реальной угрозой для безопасности нашей страны» [321, 4.II.1980, с. 8].

Нефть Ближнего и Среднего Востока играла существенную роль в американском нефтяном балансе. С 1970 по 1980 г. шел процесс возрастания объема нефтяного импорта из ближневосточного региона и одновременно — сокращения ввоза нефти в США из таких традиционных в прошлом поставщиков, как Канада и Венесуэла. По данным госдепартамента, в 1980 г. доля ближневосточной нефти в общем потреблении нефти в США составила 13%, в ФРГ — 45, Франция — 75, Японии — 75% [22, V.1980, с. 63]. В американских правительственных кругах считалось, что в случае прекращения по каким-либо причинам (война, эмбарго) доступа США и их союзников к ближневосточ-

ной нефти в самих США, в западноевропейских странах НАТО и в Японии возникли бы серьезные экономические трудности.

В 1973—1974 гг. в США обострился энергетический кризис. Он стал долгосрочной проблемой Вашингтона, оказывавшей негативное воздействие на экономическое и внутривластное положение страны, американскую внешнюю политику. Энергетический кризис привел к углублению диспропорций в нефтяном балансе США, обострению трудностей с удовлетворением внутренних американских потребностей в нефти и нефтепродуктах; он осложнил положение в американской экономике, вызвал перебои в снабжении страны жидким топливом и горючим, привел к росту безработицы, падению промышленного производства (см. [172, с. 2]). В своей основе этот кризис, конечно, не был «сделан» Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК), а явился результатом структурных пороков капиталистической системы энергоснабжения страны. Кризис был вызван такими долгосрочными факторами, как углубление диспропорций между быстрым ростом спроса на нефть и отставанием в развитии нефтедобывающих мощностей внутри самих США; высокий удельный вес нефти в энергобалансе страны (в 1979 г. — 49%) [323, 13.VIII.1979, с. 32]; ориентация американских монополий на эксплуатацию более прибыльной иностранной нефти в ущерб развитию внутренних энергетических ресурсов; истощение запасов извлекаемой нефти на американской территории и т. д. Энергетический кризис был усугублен действиями нефтяных ТНК, которые искусственно сдерживали поставки нефтепродуктов потребителям, стремясь повысить розничные цены на них и соответственно объем получаемых прибылей. В ходе кризиса проявилась неспособность государственной машины США контролировать, а тем более регулировать (с учетом национальных интересов страны) действия энергетических ТНК.

Арабское эмбарго на поставки нефти в США (октябрь 1973—март 1974 г.) послужило импульсом, под воздействием которого было нарушено сложившееся неустойчивое равновесие системы нефтеснабжения США. В связи с эмбарго США теряли (в пересчете на год) в общей сложности до 125—150 млн. т нефти [22, 24.XII.1973, с. 771]. По сравнению с их общей годовой потребностью в 1973 г. (около 900 млн. т) этот дефицит казался не столь уж значительным. Однако его не удалось восполнить за счет неразвитых внутренних ресурсов или увеличения импорта из неарабских источников нефтепоставок, экспортные возможности которых оказались весьма напряженными.

Энергетическая ситуация в США в 1975—1980 гг. подтверждала, что нефть стала одним из узких мест американской экономики. Потребление нефти в стране оставалось высоким (на уровне 900—960 млн. т в год), в то время как положение дел с нефтепоставками на внутренний американский рынок было нестабильным. Страна испытывала дефицит то в мазуте, то в при-

родном газе, то в автомобильном топливе. Быстрыми темпами росли цены на основные потребительские нефтепродукты.

Новая острая вспышка энергетических трудностей произошла в США в 1979 г. Она была вызвана рядом кратко- и долгосрочных факторов: сокращением экспорта иранской нефти на мировой рынок (примерно на 100 млн. т в год) [317, 9.VII.1979, с. 10]; продолжавшимся ростом потребления нефти в США и доли жидкого топлива в энергобалансе страны; неспособностью американской администрации осуществить действенную программу преодоления энергетических трудностей; линией ОПЕК на систематическое повышение цен на нефть и на сдерживание роста нефтедобычи. В июне 1979 г. поставки бензина в США сократились на 22,5% по сравнению с тем же периодом предыдущего года [321, 2.VII.1979, с. 11]. Розничные цены на бензин возросли за 1973—1979 гг. почти в 2 раза [321, 9.IV.1979, с. 43]. Новая фаза энергетического кризиса стимулировала рост инфляции и безработицы, ускорила наступление нового экономического спада в США и в других странах капиталистического мира (1980—1981). Следует отметить, что этот спад привел к некоторому ослаблению в 1980—1981 гг. энергетических трудностей страны. Потребление нефти в США сократилось в 1980 г. на 7,7% [323, 29.VI.1981, с. 80]; упал объем нефтеимпорта (с 400 млн. т в 1979 г. до 350 млн. т в 1980 г.) [323, 1.VI.1981, с. 7; 22, II.1981, с. 47], возник некоторый избыток нефти на мировом рынке. Однако ни о каком стабильном выходе США из энергетического кризиса не могло быть и речи.

При анализе роли ближневосточной нефти для США следует подчеркнуть неприкрыто империалистические, грабительские интересы крупнейших нефтяных ТНК. Нефть Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы служила для них источником высоких прибылей. Даже в условиях ослабления позиций американского нефтяного комплекса и распада концессионной системы империализма нефтяные монополии продолжали получать в ближневосточном районе высокие прибыли. Так, в 1970 г. они получили 1,2 млрд. долл., в 1973 г.—2,1 млрд., в 1975 г.—3,4 млрд., в 1977 г.—1,6 млрд., а в 1979 г.—2,4 млрд. долл. [296, X.1971, с. 32; X.1975, с. 62—63; VIII.1976, с. 58—59; VIII.1979, с. 34—35; VIII, 1980, с. 32; VIII, 1981, с. 37].

Если прибыли 1970—1975 гг. были получены с реально тогда существовавших инвестиций монополий США в нефть региона, то прибыли 1976—1980 гг. получены в основном лишь за технико-сбытовые услуги монополий национальным государствам, в том числе за операции по переработке и сбыту нефти и нефтепродуктов фактически при нулевых активах монополий в самом регионе. Это свидетельствовало о том, что нефтяные ТНК смогли приспособиться к обстановке и, переложив на потребителей свои возросшие издержки в связи с антиимпериалистическими шагами ОПЕК, продолжали получать в регионе высо-

кие прибыли. Дело дошло до того, что даже Дж. Картер на пресс-конференции 13 октября 1977 г. в Вашингтоне подверг критике нефтяные монополии за их неприкрытое стремление к получению сверхприбылей и отказ от предлагавшихся правительством мероприятий по некоторому их ограничению (см. [95, 17.X.1977, с. 1543]).

Для прикрытия экспансии монополий на Ближнем и Среднем Востоке правительство США еще в 50-е годы выдвинуло и в дальнейшем неоднократно подтверждало доктрину гарантированного доступа к ближневосточной нефти. Это — от начала и до конца империалистическая доктрина. Вместо ориентации на развитие собственных разнообразных энергетических ресурсов, которые в изобилии имеются на территории самих США, Вашингтон под надуманным предлогом «жизненно важного» значения ближневосточной нефти для США принял за основу своей энергетической стратегии «гарантированное» получение (при всех условиях и любыми средствами, вплоть до военных) необходимого количества нефти региона. Для оправдания такого воинственного подхода Вашингтон пустил в оборот тезис о каких-то существующих или потенциальных препятствиях на пути получения ближневосточной нефти на основе обычных коммерческих сделок. Дело, конечно, не в этом, ибо никаких препятствий нормальной торговле нефтью арабские нефтедобывающие страны не чинят и не чинили. Если эти страны и использовали в 1973—1974 гг. против США нефтяное оружие, то их к этому вынудила сама же американская политика поддержки Израиля в период октябрьской войны 1973 г. Действительный смысл доктрины доступа состоит в том, чтобы закрепить за нефтяными ТНК возможность беспрепятственной эксплуатации самых богатых и перспективных на земном шаре нефтяных ресурсов региона. Американский журнал «Орбис» отмечал, что нефтяной потенциал Ближнего и Среднего Востока все еще остается в значительной степени нетронутым. По данным на 1975 г., во всем регионе имелось только 3 тыс. разведочных и производственных скважин, тогда как в США таких скважин было 2,5 млн., а в Западной Европе — 50 тыс. [319, зима 1980, с. 867].

Доктрина гарантированного доступа была сформулирована в ряде документов американской администрации. Так, в докладе госдепартамента США относительно проблем зоны Персидского залива и Аравийского полуострова, опубликованном в 1975 г., говорилось, что цель США — «продолжение доступа к нефти Ближнего и Среднего Востока по разумным ценам и в количестве, достаточном для удовлетворения американских потребностей и нужд союзников США» [21, с. 3]. Аналогичная установка была изложена в ежегодном докладе министерства обороны США [77, с. 26—27]. В докладе «Геополитика в сфере энергии», подготовленном в 1977 г. американским исследовате-

лем М. Конантом, говорилось, что «доступ к сырью в целом и к энергоносителям, в частности, несомненно будет одной из главных сфер деятельности в системе международных политических отношений. Эта проблема отражает происшедшие изменения в международной среде, когда доступ к основным сырьевым товарам больше не гарантируется традиционными колониальными методами и не поддается решению военными способами» [168, с. 5].

С учетом всех обстоятельств содержание доктрины доступа не оставалось застывшей и неизменной догмой; оно претерпело в 70-е годы зачительную эволюцию. Под воздействием усиления антиимпериалистической борьбы и ослабления позиций американского нефтяного комплекса на Ближнем и Среднем Востоке США были вынуждены наполнить новым содержанием старое понятие доступа, под которым еще в начале 70-х годов Вашингтон понимал собственность монополий на добытую нефть с их правом на установление цен на нее, объемов добычи и переработки, географических направлений нефтеэкспорта. После арабского эмбарго 1973—1974 гг. и других антиимпериалистических шагов ОПЕК под доступом стала пониматься способность США обеспечивать устойчивые закупки нефти в ближневосточных государствах на льготных условиях, в достаточном количестве, на долгосрочной основе и по подходящим ценам. При этом, наряду с фактором получения сверхприбыли, приоритетную роль стала играть «надежность» нефтяных поставок в США и в страны НАТО. На этом фоне на задний план был отодвинут вопрос о том, должны ли нефтяные установки и сама нефть в момент ее добычи принадлежать нефтяным монополиям или же национальным правительствам. В то же время, какое бы содержание ни вкладывал Вашингтон в понятие доступа, на деле речь всегда шла о продолжении империалистической эксплуатации нефтяных богатств ближневосточного региона, сохранении, хотя в более замаскированной, скрытой форме американского контроля над нефтью Ирана и арабских государств.

Произошла существенная перетряска и в методах обеспечения доступа к нефти ближневосточного региона. В 50—60-е годы акцент делался на военный нажим на арабские страны с одновременным заигрыванием Вашингтона с буржуазными правящими кругами этих государств по линии предоставления американской экономической помощи, повышения концессионных платежей и т. д. При этом приоритет в использовании жестких или, наоборот, более гибких методов определялся в зависимости от конкретных политических условий, степени накала освободительной борьбы, складывавшейся расстановки политических сил не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и на мировой арене в целом. В 70-е годы подход США к обеспечению доступа к нефти стал более гибким, чем прежде. При сохранении элементов военного нажима на арабские страны Вашингтон делал ак-

цент на поддержание в ближневосточном регионе по возможности нормального для монополий политического климата с минимумом острых конфликтных ситуаций, а также устойчивых отношений с местными правительствами и национальной буржуазией. Вашингтонской администрацией осуществлялась программа вовлечения ближневосточных правительств в отношения «партнерства» с США, усиления их финансовой привязанности, через программу «рециклирования нефтедолларов», к американскому крупному капиталу и к валютно-финансовой системе США в целом. Общим неизменным элементом вашингтонской стратегии доступа являлось стремление сохранить и укрепить политический контроль США над правительствами нефтедобывающих государств, поддержать правые реакционные режимы, выполняющие роль пособников империализма.

Теперь вопрос о том, какие же сдвиги произошли в позициях нефтяного комплекса США на Ближнем и Среднем Востоке? Ход развития событий показывает, что в 70-е годы нефтяная империя США под ударами национально-освободительного движения иранского и арабских народов переживала серьезный кризис. В регионе происходили процессы ликвидации прежней неравноправной системы отношений между ближневосточными государствами и империалистическими монополиями, коренной ломки концессионных порядков, развития национальной нефтяной индустрии. Соединенным Штатам не удалось сохранить Ближний и Средний Восток в качестве надежной энергетической базы империализма. Ушло в прошлое время, когда ближневосточная нефть находилась под контролем западных нефтяных ТНК, которые, сбывая выработанные из этой нефти нефтепродукты по монопольно высоким ценам, выплачивали реальным хозяевам нефти — арабским странам и Ирану несправедливо малую долю монополистических прибылей. Хотя нефтяные ТНК в ряде ближневосточных государств участвуют в добыче, транспортировке, переработке нефти, сфера их деятельности неизмеримо сузилась, сокращены возможности их вмешательства во внутренние дела национальных государств.

Стимулом для развертывания борьбы народов ближневосточного региона против нефтяных ТНК было общее повышение накала национально-освободительных движений в странах Азии, Африки, Латинской Америки, утверждение в международных отношениях 70-х годов принципов мирного сосуществования, развитие политики разрядки международной напряженности, что сковывало агрессивные действия империализма в отношении национальных государств. Главным итогом этой борьбы было то, что в 70-х годах фактически были разорваны (задолго до истечения их юридических сроков) основные концессионные соглашения Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Бахрейна, ОАЭ с американскими нефтяными ТНК и ТНК других стран Запада. Нефтедобывающие государства установи-

ли национальный контроль над ресурсами нефти, добились прав собственности над подавляющей частью активов и имущества западных компаний-концессионеров, взяли в свои руки административно-производственное руководство над нефтедобычей. У монополий были отобраны прежние диктаторские права устанавливать по своему произволу цены на нефть и уровни нефтедобычи, определять объем и географические направления нефтеекспорта. Монополии полностью лишились концессионной основы их деятельности, ранее закреплявшей за ними юридические права собственности на нефтяные месторождения и на добывавшуюся там нефть. Английский ученый Л. Тэрнер отмечал, что в пределах десятилетия производители нефти, действуя объединенными усилиями, смогли избавиться от традиционной системы концессий и значительно поднять свой доход от каждого барреля экспортируемой нефти (за 1970—1975 гг. в 11 раз) [258, с. 94, 117]. Все это вывело монополии с фронтальных позиций в политической и экономической жизни тех стран, где они действовали.

Серьезным ударом по империалистическим позициям США явилась проведенная в 1972 г. Ираком — одной из ведущих нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока — национализация активов крупной международной нефтяной компании «Ирак Петролеум Компани» (ИПК), а в 1973—1975 гг. — филиалов этой компании — «Мосул Петролеум» и «Басра Петролеум» (акционерами этих компаний были крупнейшие нефтяные монополии США, Англии, Нидерландов и Франции) (см. [255, с. 188—194]). Несмотря на нажим монополий, пытавшихся организовать бойкот закупок национализированной иракской нефти, Ирак при поддержке Советского Союза и других стран социализма смог успешно решить возникшие в связи с национализацией проблемы. США и их империалистические партнеры в условиях разрядки международной напряженности не рискнули прибегнуть к «дипломатии канонерок» или к экономической блокаде Ирака. Иракское правительство смогло наладить нормальный сбыт нефти на мировом рынке; оно полностью поставило под свой контроль основные операции с нефтью — добычу, переработку и сбыт. В феврале 1973 г. Ирак подписал соглашение с компаниями — участницами ИПК относительно урегулирования вытекавших из национализации финансовых претензий сторон, в том числе выплаты иракской стороной компенсации за национализированную собственность ИПК. Монополии при этом признали национализацию и суверенитет Ирака над своей нефтью, согласились на компенсацию. Соглашение закрепило победу иракского народа в ожесточенной схватке против империалистических монополий ключевых держав НАТО.

Крупные антиимпериалистические преобразования произошли в период с 1970 по 1980 г. и в нефтепромышленности Ирана. Как известно, национализация иранской нефти, находившейся



ранее под монопольным контролем Англо-иранской нефтяной компании, официально была проведена еще в 1950—1951 гг. правительством М. Мосаддыка. Но после организованного Соединенными Штатами в августе 1953 г. свержения этого правительства шахский режим фактически аннулировал национализацию и вновь передал нефть под контроль западных ТНК. Однако в начале 70-х годов западный нефтяной капитал был вытеснен с ряда командных позиций. Господствовавший в Иране с 1954 г. международный нефтяной консорциум (в его состав входили, наряду с компаниями Англии, Франции и Нидерландов, американские монополии «большой пятерки» и шесть «независимых» фирм США с общей долей в 40% акций) потерял в 1973 г. прежние неограниченные права контроля над иранской нефтью.

Несмотря на тесные взаимоотношения с Вашингтоном, шахский режим во имя своих коммерческих и «престижных» интересов пошел на существенное ограничение масштабов деятельности монополий. В мае 1973 г. Иран расторг концессионное соглашение 1954 г. с консорциумом за шесть лет до истечения его официального срока (1979 г.) и заявил об установлении государственного контроля над его имуществом и деятельностью на иранской территории [68, с. 72—73]. Тогда же Ираном было заключено соглашение с компаниями консорциума о продаже и закупке иранской нефти. Это соглашение упразднило консорциум как административно-производственную единицу, утвердило права Ирана на собственность, управление и эксплуатацию нефтяных установок консорциума, низвело консорциум до положения действующей на временной основе по контракту с Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) технической и сбытовой организации с функциями оказания Ирану содействия в добыче и сбыте нефти.

Вместе с тем соглашение сохранило за монополиями консорциума права на закупки у Ирана в течение 20 лет по льготным ценам до 80% нефти, добываемой на бывших концессионных территориях консорциума [285, с. 76, 329]. Тем самым, хотя монополии США, как и другие участники консорциума, потеряли юридический и административный контроль над иранской нефтью, однако они сохранили реальный доступ к этой нефти и закрепили еще на какой-то срок свое присутствие в Иране. Так, в 1977 г. консорциум закупил у Ирана по льготным ценам для сбыта за рубежом по своим каналам около 73% всего иранского нефтеэкспорта [270, с. 269]. После антиимпериалистической революции 1978—1979 гг. правительство Ирана расторгло соглашение с консорциумом от 24 мая 1973 г., а консорциум был полностью выдворен из страны.

В то же время в 70-е годы движение за проведение полной национализации нефти (по типу Ирака или Ирана) не приобрело на Ближнем и Среднем Востоке всеохватывающего характера. В этом сказывалась неразвитость революционно-демократи-

ческих сил во многих нефтедобывающих странах, стремление правящих верхушек этих стран сохранить еще на какой-то срок присутствие монополий в целях решения с их помощью производственно-технических и сбытовых проблем эксплуатации национальных нефтяных ресурсов. В этой связи Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и ОАЭ перестроили свои отношения с монополиями в рамках частичной, поэтапной национализации, получившей название системы участия. Сущность этой системы заключалась в приобретении местными правительствами, в обмен на выплату ими соответствующей компенсации, прогрессивно возрастающей доли ближневосточных активов монополий (вплоть до 100%) без прекращения их деятельности и изгнания из страны. В отличие от полной национализации система участия предполагала (даже после установления национальным правительством 100-процентного контроля над активами компаний) продолжение их деятельности на основе контрактов с национальными правительствами о закупках нефти и предоставлении технических услуг в сфере добычи, переработки и сбыта нефти под жестким государственным контролем. При системе участия монополии превратились, в сущности, в подрядчиков национальных правительств, предоставляя им свой производственно-технический опыт, технологию, транспортные и сбытовые услуги в обмен на право закупки и льготные цены на нефть, при сохранении за этими правительствами юридических прав собственности на добытую нефть, нефтепромыслы и заводы [209, с. 11]. Госдепартамент США в докладе о положении в зоне Персидского залива характеризовал происшедшую трансформацию в положении нефтяных ТНК в регионе как «резкую эволюцию в отношениях между международными нефтяными компаниями и странами — производителями нефти» [21, с. 1].

Система участия реализовывалась в период 1972—1980 гг. В октябре 1972 г. в Нью-Йорке было подписано генеральное соглашение по вопросу об участии между девятью западными нефтяными компаниями, действовавшими на Ближнем и Среднем Востоке, с одной стороны, и четырьмя арабскими нефтедобывающими государствами (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ) — с другой. Соглашением предусматривалась передача этим странам в 1973 г. 25% активов компаний-концессионеров (в обмен на выплату компенсации) с доведением в 1982 г. их доли до 51% [284, с. 69]. В соглашении был закреплён принцип, в соответствии с которым местные правительства должны были продавать обратно монополиям по льготным ценам большую часть причитающейся им доли нефти [54, с. 135, 139].

В 1973 г. Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и ОАЭ завершили процесс выкупа 25% активов. В следующем году эти страны на волне резкого нарастания после октябрьской войны 1973 г. антиимпериалистической борьбы форсировали сроки реализации системы участия. В отход от условий соглашения

1972 г. они добились получения 60% активов компаний (АРАМКО, «Кувейт Ойл», «Катар Петролеум» и «Абу-Даби Петролеум»), акционерами которых являются крупнейшие нефтяные ТНК, в том числе американские компании «большой пятерки».

В 1975 г. Кувейт и в 1976 г. Катар взяли под свой контроль оставшиеся 40% активов, установив тем самым юридические права собственности над 100% активов «Кувейт Ойл» и «Катар Петролеум» [289, с. 88]. Саудовская Аравия завершила начатые в 1975 г. переговоры с АРАМКО о выкупе оставшейся доли активов (40%) лишь в 1980 г. В рамки системы участия были переведены отношения монополий также с Бахрейном и Оманом.

Система участия явилась, конечно, шагом вперед по пути к утверждению национального суверенитета над нефтью и вытеснению западного нефтяного капитала. Вместе с тем ее отнюдь нельзя отождествлять с полной ликвидацией господства монополий. При системе участия монополии больше не вкладывают свои капиталы в ближневосточную нефть и не являются собственниками нефтяных активов. В то же время в их руках фактически сохранились техническое руководство работой нефтепромыслов, проведение геологической разведки, поставки нефтяного оборудования, переработка и транспортировка нефти.

Наиболее жестким средством привязки нефтедобывающих государств к монополиям в рамках системы участия стали рынки сбыта нефти. Монополии использовали тот факт, что национальные нефтяные компании еще не располагали необходимыми сбытовыми каналами, позволяющими им самостоятельно реализовывать всю массу добываемой нефти на внешних рынках. Они смогли добиться гарантированных прав на закупку у национальных нефтяных компаний до 80% нефтедобычи по льготным ценам и на долгосрочной основе для переработки и сбыта по своим каналам [96, с. 56]. Сенатор Э. Кеннеди заявил 2 июня 1976 г. в Объединенной экономической комиссии конгресса США, что «исторический переход от собственности к участию не ликвидировал те важные функции, которые главные нефтяные ТНК выполняли для правительств стран ОПЕК. Компании осуществляют разведку, транспортировку, переработку и продажу большей части нефти ОПЕК» [53, с. 2]. «Контроль компаний над рыночными операциями,— писал Л. Тэрнер в своей книге «Нефтяные компании в международной системе»,— обеспечивает им сильнейший рычаг влияния на местные правительства» [258, с. 93—94].

В целом система участия обеспечивала монополиям сохранение — до тех пор, пока национальные правительства не решат комплекса связанных с полной национализацией трудных проблем (организация управления нефтяной индустрией, получение новой техники, подготовка специалистов, создание танкерного

флота, развитие нефтеперерабатывающей промышленности, укрепление и диверсификация рынков сбыта) — доступа к нефти ряда ключевых стран Ближнего и Среднего Востока, хотя и не в таких широких масштабах, как в прошлом. Участие — это вынужденный шаг монополий в процессе приспособления их экспансионизма к изменившейся ситуации в ближневосточном регионе. Это звено в реализации американской неокOLONиалистской доктрины «партнерства», призванной затормозить процессы укрепления политической и экономической независимости национальных государств, поощрить формирование там прозападных сил и их сращивание с финансовой олигархией Соединенных Штатов.

Фундаментальным успехом борьбы народов против нефтяного империализма было развертывание в 70-х годах активной деятельности ОПЕК (всего 13 государств), в состав которой входят шесть наиболее крупных нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока — Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Катар и ОАЭ. На их долю приходится до 75% нефтедобычи всей организации [313, 29.VI.1979]. Крупнейший производитель нефти ОПЕК — Саудовская Аравия (около 500 млн. т в 1980 г.). Это — одна треть всего объема нефтедобычи ОПЕК. Остальные члены ОПЕК — Ливия, Алжир, Венесуэла, Эквадор, Индонезия, Нигерия, Габон — играют менее значительную роль. В 70-х годах ОПЕК отстаивала суверенные права нефтедобывающих государств распоряжаться своими нефтяными ресурсами в интересах развития национальной экономики. Эта организация выступала за ликвидацию кабальных концессионных соглашений, установление полного контроля странами-производителями над ценами на нефть, регулирование уровней нефтедобычи в интересах производителей нефти, участие национальных правительств в активах монополий. ОПЕК приняла ключевые решения о перестройке отношений нефтедобывающих стран с монополиями на базе системы участия, об изменении в пользу производителей нефти структуры их финансовых отношений с монополиями и т. д. ОПЕК проводила линию на повышение цен на экспортируемую нефть, на диверсификацию системы сбыта нефти путем расширения числа покупателей помимо нефтяных ТНК, что сокращало возможности монополий регулировать обстановку на мировом нефтяном рынке.

Нельзя не отметить, что в деятельности ОПЕК проявлялись и негативные тенденции. Немаловажную роль в ОПЕК играло правое, соглашательское крыло, в состав которого входили страны с консервативными режимами [Саудовская Аравия, Иран (до свержения шахского режима), Катар, ОАЭ]. Эти страны пытались затормозить проводившиеся в рамках ОПЕК антиимпериалистические меры, вступать в сделки с Западом по вопросу о ценах на нефть, провоцировать раскол в рядах ОПЕК. Так, в конце 1980 — начале 1981 г. в ОПЕК вновь обострились

внутренние разногласия по вопросам цен на нефть и объемов нефтедобычи. Консервативные режимы отказались от единой согласованной линии на повышение цен. Этому способствовали ирано-иракский вооруженный конфликт, возникновение избытка нефти на мировом нефтяном рынке (в результате экономического спада в капиталистическом мире), некоторое уменьшение зависимости США от импорта ближневосточной нефти. Однако, в целом, в деятельности ОПЕК преобладали антиимпериалистические тенденции, стремление обеспечить экономическую независимость, добиться равноправных экономических отношений с развитыми капиталистическими странами — потребителями нефти.

В 70-х годах ОПЕК превратилась в объединенный центр крупных нефтедобывающих государств Азии, Африки и Латинской Америки, оказывающий реальное противодействие эксплуататорской политике нефтяных монополий и поддерживающих их правительств западных держав. Экономический и финансовый вес ОПЕК в капиталистическом мире стал настолько высок, что США не рисковали вступать с этой организацией в открытое противоборство. Успехи антиимпериалистической борьбы ОПЕК подтверждают сделанный в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС вывод о том, что «при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, т. е. равноправных экономических отношений» [5, с. 13].

Разумеется, успешные антиимпериалистические шаги ОПЕК были бы чужды без концентрации в руках этой организации реальных экономических рычагов воздействия на империализм. По состоянию на 1980 г., общие разведанные запасы нефти в странах — членах ОПЕК составили 58,3 млрд. т (77,6% запасов капиталистического мира) [278, с. 33]. Совокупная нефтедобыча стран ОПЕК в 1973—1980 гг. была 1,4—1,5 млрд. т в год [305, 30.VII.1979, с. 45; 318, 12.VI.1980] (свыше 60% всего капиталистического производства нефти). Удельный вес ОПЕК в общем нефтеэкспорте капиталистического мира достиг в 1979 г. 88% [278, с. 40]. США получали из стран ОПЕК в последние годы около 90% всей импортируемой ими нефти (в 1971 г. лишь 70,7%) [280, с. 46]. В 1980 г. доля нефти стран Персидского залива в общем нефтеимпорте США составляла 30%, Западной Европы — 66%, а Японии — 75% [22, XII.1980, с. 23].

Коренная перестройка структуры финансово-ценовых отношений ОПЕК с нефтяными ТНК привела к значительному росту доходов стран ОПЕК от экспорта нефти. Ниже приводятся данные о поступлениях от нефти шести ближневосточных стран — членов ОПЕК (в млн. долл., в текущих ценах) [290, с. 111]:

	1970 г.	1978 г.
Иран . . . . .	1093	20 900
Саудовская Аравия . . . . .	1200	36 700
Кувейт . . . . .	895	9 500
Ирак . . . . .	521	11 600
ОАЭ . . . . .	233	8 700
Катар . . . . .	122	2 200

---

В с е г о . . . . . 4064 89 600

В 1979—1980 гг. в связи с повышением цен на нефть объем доходов от нефти ближневосточных государств возрос. Так, в 1980 г. Саудовская Аравия, по оценкам, должна была получить от экспорта нефти уже около 80 млрд. долл. [313, 19.III.1980].

В большинстве из этих стран (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ) столь высокие доходы полностью не могли быть абсорбированы на внутренние нужды в силу недостаточно развитой экономической инфраструктуры. В этих странах сосредоточились значительные валютные резервы. ОПЕК в целом превратилась в новый крупный финансовый центр капиталистического мира. Ниже приводятся данные о суммарных объемах положительного сальдо внешнеторгового баланса всех 13 стран ОПЕК в 1970—1980 гг. (в млрд. долл.) [31, с. 323; 22, V.1980, с. 21]:

1970 г. — 7,6	1978 г. — 38,8
1976 г. — 70,6	1979 г. — 95,8
1977 г. — 63,2	1980 г. — 100,0

Свои свободные валютные средства страны ОПЕК вкладывали в США и в другие западные государства (в правительственные ценные бумаги, банковские депозиты, недвижимость, акции промышленных компаний). США всячески поощряли эту практику «рециклирования нефтедолларов». По состоянию на 1979 г., страны ОПЕК инвестировали в зарубежных странах всего около 235,2 млрд. долл., в том числе в США — 68 млрд. долл. [311, 17.X.1980, с. 39; 305, 6.X.1980, с. 71].

Значительным фактором в обеспечении успеха ближневосточных государств в борьбе за установление контроля над национальными нефтяными ресурсами была деятельность региональной всеарабской Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК), созданной в 1968 г. В состав этой организации с момента ее создания входило 10 нефтедобывающих арабских государств: Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, Бахрейн, Египет, Сирия, Ливия, Алжир, ОАЭ, Катар. В 1979 г. Египет был исключен из состава ОАПЕК в связи с капитулянтским курсом египетского руководства, выразившемся в заключении сепаратного «мирного договора» с Израилем. В рамках ОАПЕК осуществлялась координация нефтяной политики арабских государств, в частности в вопросах регулирования цен на

нефть и отношений с западными нефтяными монополиями; принимались совместные шаги по развитию национального нефтяного производства (включая создание общих нефтеперерабатывающих и нефтетранспортных мощностей); установлению полного контроля над нефтяными ресурсами, использованию нефтяного оружия в целях оказания экономического и политического нажима на США. Именно по решению ОАПЕК было проведено в 1973—1974 гг. эмбарго на поставки арабской нефти в США. В целом ОАПЕК служила действенным рычагом укрепления экономической независимости арабских стран — производителей нефти.

Важным компонентом борьбы стран Ближнего и Среднего Востока против диктата нефтяных ТНК были меры по развитию национального нефтяного производства. В этой связи, во-первых, большое значение приобрело укрепление государственных руководящих органов по нефти (министерств по делам нефти), которые в последнее десятилетие были созданы во всех нефтедобывающих странах региона. Во-вторых, большую роль в становлении национальной нефтяной индустрии играли государственные нефтяные компании ближневосточных стран. Эти компании постепенно сосредоточивали в своих руках контроль над добычей, переработкой, транспортировкой и сбытом нефти. Значительно расширив свои функции в результате полной национализации (Ирак, Сирия, Иран) или системы участия (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ, Оман, Бахрейн), национальные компании проводили перестройку и расширение эксплуатационной базы, строительство нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий; осуществляли подготовку специалистов и рабочих-нефтяников, руководили работой нефтепромыслов. Некоторые из этих компаний и особенно национальные нефтяные компании Ирана, Ирака, Кувейта получили широкий выход на мировые рынки, значительно укрепили свой финансово-экономический и технический потенциал. На деятельности национальных нефтяных компаний в то же время отрицательно сказывался нажим западных монополий. Эти компании испытывали трудности с приобретением нефтяного оборудования в США; остро давал себя знать недостаток собственных транспортных средств и нефтеперерабатывающих мощностей и особенно — отсутствие развитой системы сбытовых каналов за рубежом. В этих областях национальные компании еще были вынуждены сотрудничать с монополиями.

Принципиально важным результатом антиимпериалистической борьбы ближневосточных государств явилась коренная ломка существовавшей в 50—60-х годах эксплуататорской системы установления цен на нефть и всей структуры финансовых отношений этих государств с нефтяными ТНК. В рамках прежней системы монополии в одностороннем порядке навязывали Ирану и арабским странам такой уровень справочных цен,

который отвечал их конъюнктурным интересам \*. Это позволяло монополиям по своему произволу регулировать концессионные платежи, сохранять их на низком уровне, оказывать тем самым финансовый нажим на нефтедобывающие страны. Под давлением ОПЕК с начала 70-х годов проходил процесс ликвидации диктаторских прерогатив монополий в сфере установления цен на ближневосточную нефть. Первым действенным шагом в этом направлении было Тегеранское соглашение (14 февраля 1971 г.) шести стран зоны Персидского залива — членов ОПЕК (Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ) с группой действовавших в этом районе нефтяных монополий США, Англии, Франции и Нидерландов (текст см. [284, с. 72—73]). Соглашение предусматривало выгодное для производителей нефти ежегодное повышение с учетом инфляции справочных цен на нефть зоны Персидского залива на 25—30%; увеличение с 50 до 55% нормы отчислений местным правительствам от доходов монополий, получаемых от реализации сырой нефти (подходный налог); выделение арендной платы за эксплуатацию недр («ройялти») из налоговой категории в самостоятельный вид платежей, что существенно увеличивало поступления нефтянотранспортёров. Соглашение бесповоротно аннулировало несправедливый принцип 50:50 и впервые в истории установило формулу раздела прибылей в пользу ближневосточных государств.

Тегеранское соглашение 1971 г. открыло возможности для проведения в дальнейшем ряда других, более далеко идущих антиимпериалистических преобразований в структуре финансово-ценовых отношений ближневосточных государств с монополиями. Результатом новых соглашений с монополиями и односторонних актов производителей нефти, осуществленных в 1972—1975 гг., было значительное повышение справочных цен на нефть, а также ставок подоходного налога монополий (с 55 до 85%) и арендной платы за эксплуатацию недр («ройялти»). С 1973 г. был прочно утверждён принцип, согласно которому только производители нефти (в лице их организации — ОПЕК) будут решать вопрос об установлении цен на нефть — без согласования с монополиями. Важным было и то, что с 1975 г. в основу финансовых расчетов стран ОПЕК с монополиями впервые был положен принцип единых продажных цен (вместо прежних справочных цен, которые носили неравноправный и экономически несостоятельный характер) [289, с. 102].

Осуществлявшийся ОПЕК в 1970—1980 гг. курс на систематическое повышение цен на экспортируемую нефть был одним из направлений антиимпериалистической борьбы нефтедобывающих стран ближневосточного региона. Повышение цен было средством привлечения дополнительных ресурсов для развития

\* Справочная цена на нефть использовалась в качестве основы для исчисления концессионных платежей нефтяных монополий местным правительствам и для других финансовых расчетов между ними.



национальных экономик. Кроме того, оно отвечало целям ликвидации установленной монополиями колониальной практики неэквивалентного обмена дешевой нефти на постоянно возростающие в цене промышленные товары и консультативные услуги; преодоления давления инфляционных процессов в развитых капиталистических странах; компенсации падения курса доллара, являвшегося основной расчетной единицей в коммерческих операциях ОПЕК со странами капиталистического мира.

Решения о повышении цен принимались странами ОПЕК на коллективной основе на проводившихся дважды в год конференциях этой организации. Цены ОПЕК — это единые базисные цены, обязательные для всех членов организации. С 1979 г. ОПЕК стала, однако, устанавливать не однозначную цену, а «вилку» цен, в рамках которой каждый член ОПЕК мог устанавливать цену на свою нефть (в зависимости от качества и т. д.). Ниже дается динамика справочных (1970—1974), а затем продажных (1975—1980) цен ОПЕК (в текущих ценах, в долл. за баррель) [290, с. 112; 321, 31.XII.1979, с. 14; 318, 12.VI.1980]:

Ноябрь 1970 г. — 1,80	Январь 1975 г. — 11,25
Январь 1971 г. — 1,80	» 1977 г. — 12,09
» 1972 г. — 2,48	» 1979 г. — 13,34
» 1973 г. — 2,59	Апрель 1979 г. — 14,55
Октябрь 1973 г. — 5,12	Июль 1979 г. — 18—23,5
Январь 1974 г. — 11,65	Январь 1980 г. — 24—30
	Июль 1980 г. — 32—37

Из сказанного выше следует, что текущие цены ОПЕК на нефть в 1970—1980 гг. возросли с 1,8 до 37 долл. за баррель, или в 20 раз. Особо значительное повышение цен произошло в 1979 и 1980 гг.

Необходимо отметить еще один результат антиимпериалистической борьбы народов ближневосточного региона. У нефтяных ТНК было отобрано право произвольно регулировать уровень нефтедобычи в странах Ближнего и Среднего Востока. Ликвидирована прежняя практика монополий, которые манипулировали уровнем нефтедобычи в своих конъюнктурных интересах, в том числе в интересах оказания финансового нажима на те ближневосточные государства, которые отказывались послушно идти в фарватере политики Запада. Странами-производителями было завоевано суверенное право на установление уровня нефтедобычи в соответствии с их экономическими потребностями, а также общей стратегией ОПЕК на использование нефтеэкспорта в качестве рычага нажима на США. Несмотря на заинтересованность США в повышении нефтедобычи на Ближнем и Среднем Востоке и предпринимавшиеся Вашингтоном меры по обеспечению этого, ее уровень в последние годы, в соответствии с решениями ОПЕК и ОАПЕК, продолжал оставаться практиче-

ски неизменным (примерно 1 млрд. т в год) [278, с. 42]. Большинство ближневосточных государств поддерживали объем нефтедобычи на уровне, который был ниже имевшихся у них производственных мощностей. К тому же ОПЕК ужесточила контроль над уровнями добычи нефти в странах — членах этой организации. Эти уровни определялись потребностями поддержания высокого спроса на нефть на мировом рынке в целях увеличения цен на нее. В 1979 г. неиспользовавшиеся производственные мощности ОПЕК по нефтедобыче оценивались в 165 млн. т [305, 10.XII.1979, с. 56].

Важно отметить и то, что нефтедобывающие арабские страны, включая и те, где у власти находились консервативные режимы, дважды использовали нефть в качестве орудия политического нажима на США, средства борьбы за ликвидацию последствий агрессии Израиля. В июне — августе 1967 г. арабские страны впервые пустили в ход свое «нефтяное оружие», осуществив на коллективной основе эмбарго на экспорт нефти в США и в некоторые другие страны НАТО. «Нефтяное оружие» было использовано тогда в качестве репрессалий в связи с пособнической ролью США и НАТО в израильской агрессии против Египта, Сирии и Иордании в июне 1967 г. Хотя эти репрессалии в тот период оказались неспособными серьезно обострить положение на внутреннем нефтяном рынке США (поскольку в тот период удельный вес арабской нефти в общем потреблении нефти в США не превышал 3%) или сократить прибыли монополий, они тем не менее наглядно продемонстрировали немалые возможности «нефтяного оружия» арабов [248, с. 14]. Неизмеримо более действенный характер носили нефтяные репрессалии арабских стран против США в октябре 1973 — марте 1974 г. (полное эмбарго на экспорт нефти в США, сокращение нефтедобычи в арабских странах), одобренные 17 октября 1973 г. на сессии ОАПЕК в Кувейте в связи с той ширококомасштабной военной помощью, которую Вашингтон оказывал Израилю в ходе четвертой арабо-израильской войны. Это эмбарго продолжалось пять месяцев. Его отличительной чертой был широкий всеарабский характер и последовательность [212, с. 151—156]. В проведении эмбарго участвовали девять стран ОАПЕК: Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Египет, Катар, ОАЭ, Сирия, Алжир, Ливия. В результате эмбарго и последующего повышения цен на нефть валовой национальный продукт США сократился на 20 млрд. долл., в стране было потеряно 500 тыс. рабочих мест [95, 10.I.1977, с. 9]. Вашингтон оказался не в состоянии предпринять какие-либо действенные контрмеры против эмбарго. Однако в дальнейшем «нефтяное оружие» из-за противодействия консервативных режимов не превратилось в постоянный фактор политического давления на США. Это оружие не было, например, пущено в ход в связи с поддержкой Вашингтоном агрессивных действий Израиля в Ливане, осуществлением

антиарабского кэмп-дэвидского сговора, аннексией Израилем оккупированных арабских земель и т. д.

В спектре движущих сил американской политики на Ближнем и Среднем Востоке важным фактором воздействия были крупные нефтяные монополии США. В американской научной литературе по проблемам крупного бизнеса в той или иной форме показывалось переплетение американской государственной машины с руководством нефтяных ТНК; в известной мере раскрывалось воздействие нефтяного капитала на процессы принятия внешнеполитических решений в Вашингтоне. За последние несколько лет появились новые публикации американских и английских исследователей, а также материалы конгресса США, в которых подтверждался в новых деталях процесс сращивания нефтяных монополий с правительственным аппаратом США. Можно отметить в этой связи работу П. Коллиера и Д. Горовица о семействе Рокфеллеров [167], книгу Ч. Кегли и Е. Уиткопфа по проблеме формирования американской внешней политики [196], работу А. Сэмпсона о семи крупнейших международных нефтяных ТНК [247], работу Р. Энглера о взаимосвязях крупного нефтяного капитала с американским «истаблшментом» [172]. Представляет интерес и доклад сенатской комиссии по иностранным делам о влиянии нефтяных ТНК на внешнюю политику США [54].

Какие же главные выводы сделаны в этих работах? В них в той или иной форме указывалось на дальнейшее развитие личных и политических связей между руководителями нефтяного бизнеса и высшими государственными деятелями США, в том числе президентами страны. Отмечалось, что руководители нефтяных корпораций, в том числе Рокфеллеры и Меллоны, делали крупные денежные вклады в избирательные фонды удобных им кандидатов на пост президента, прежде всего Р. Никсона, который рассматривался как «друг нефтяных компаний»; оказывали им, в том числе и Р. Никсону, «решительную поддержку». Взамен Р. Никсон относился с «полным пониманием» к «специфическим интересам» монополий, таким как антитрестовское регулирование, национализация нефти, налоговая скидка на «истощение недр» [247, с. 205—206; 172, с. 59, 62, 63]. Делались выводы, что «нефтяные компании являлись инструментами внешней политики США» и что «интересы этих компаний в своей основе были идентичными национальным интересам США» [54, с. 14]. Да и сам Дж. Картер на пресс-конференции 13 октября 1977 г. констатировал, что «безусловно, влияние нефтяных компаний как в законодательном процессе, так и в исполнительных органах власти и в экономической структуре нашей страны колоссально» [95, 17.X.1977, с. 1540].

Американский нефтяной бизнес — самая крупная и быстро растущая группа промышленного капитала США. По своим основным параметрам (объему реализованной продукции, акти-

вам, массе и норме прибыли, заграничным капиталовложениям) нефтяная индустрия вышла далеко вперед всех других отраслей американской промышленности, включая такие высокоразвитые отрасли, как автомобильная и аэрокосмическая. Костяк американской нефтяной индустрии составляли 15 крупнейших в масштабе США и всего капиталистического мира транснациональных нефтяных корпораций-миллиардеров. Именно они являлись ударной силой американского неокOLONиализма, проводниками глобальной империалистической экспансии, действенным инструментом внешней политики Вашингтона. Динамика роста в 1970—1980 гг. совокупной экономической мощи этих 15 корпораций показана ниже (в млрд. долл., в текущих ценах) (составлено по: [311, V.1971, с. 172—176; 4.V.1981, с. 324]):

	Совокупная стоимость реализованной продукции	Активы	Прибыли (после вычета налогов)
1970 г.	60,9	83,8	5,1
1980 г.	438,8	276,5	27,3

Особо выделяется по своей экономической и политической мощи пятерка наиболее крупных из 15 нефтяных ТНК: «Экссон», «Стандард Ойл Компани оф Калифорния», «Мобил Ойл», «Галф Ойл» и «Техас Ойл». Параметры экономической мощи «большой пятерки» приводятся ниже (в млрд. долл.) [311, V.1971, с. 172—176, 4.V.1981, с. 324]:

	Совокупная стоимость реализованной продукции	Активы	Прибыли
1970 г.	39,7	52,3	3,6
1980 г.	280,8	156,5	15,4

Приведенные выше данные говорят о резком росте в истекшем десятилетии коммерческого оборота, активов и прибылей нефтяных монополий США. Характерно, что процесс роста их прибылей не прерывался и в периоды обострения энергетических трудностей в США и во всем капиталистическом мире. Так, в 1979 г.—году острых энергетических потрясений в США—прибыли монополий «большой пятерки» возросли на 70% по сравнению с предыдущим годом (подсчитано по: [311, 5.V.1980, с. 276; 7.V.1979, с. 270]). Это свидетельствовало о грабительском характере деятельности монополий, их стремлении воспользоваться энергетическими трудностями для получения сверхприбылей. Прибыли нефтяных ТНК стали настолько громадными, что правительство Дж. Картера было вынуждено поставить в конгрессе вопрос о введении на них налоговых ограничений.

Усиление грабительской политики нефтяных ТНК стимулировалось, в частности, тем, что значительная часть их производственного аппарата размещалась и функционировала за пределами США—в странах Азии, Африки, Латинской Америки,

Западной Европы, где монополии могли получать значительно большую норму прибыли, чем в США. По официальным американским данным, в 1980 г. прямые частные капиталовложения США в нефть зарубежных государств составили 46,9 млрд. долл. (в 1970 г. — 19,8 млрд.), а прибыли с них — 13,0 млрд. долл. На долю развивающихся государств приходилось 10,3 млрд. долл. американских нефтяных активов (в 1970 г. — 6,6 млрд. долл.); с этих активов было получено 4,1 млрд. долл. прибылей. Соответственно норма прибыли американских нефтяных ТНК в развивающихся государствах достигла в 1980 г. почти 40%. Это в несколько раз больше, чем норма прибыли, получавшаяся нефтяными ТНК на территории самих США [296, VIII.1980, с. 17—25; VIII, 1981, с. 21, 27].

В 1970—1975 гг. продолжался рост объема инвестиций американских ТНК в ближневосточную нефть (млрд. долл.) [296, X.1971, с. 32—33; IX.1973, с. 26; VIII.1974, ч. 2, с. 18; X.1975, с. 53; VIII.1976, с. 49]:

1970 г. — 1,5	1973 г. — 2,4
1971 г. — 1,5	1974 г. — 1,6
1972 г. — 1,8	1975 г. — 3,7

Главными инвесторами иностранного нефтяного капитала в ближневосточном регионе были монополии «большой пятерки». Инвестиции монополий служили не только инструментом получения высоких прибылей, но и средством воздействия Вашингтона на экономические и политические структуры ближневосточных государств в выгодном для США направлении.

Однако и в 1976—1980 гг. проходил процесс вынужденного отлива нефтяных капиталов США из ближневосточного региона. Это объяснялось тем, что проведенные ближневосточными государствами меры по национализации нефти и осуществлению системы участия привели к полной или частичной ликвидации прав собственности американских ТНК на нефтяные активы в обмен на получение от местных правительств компенсационных платежей, которые переводились в США. Свою роль играл и рост финансовых обязательств монополий местным правительствам в результате повышения цен на нефть, а также повышения ставок подоходного налога и «роялти». В последние несколько лет в официальных источниках США объем американских нефтяных активов в регионе показывался уже со знаком минус (см., например, [296, VIII.1980, с. 27]).

В 70-е годы еще более четко проявился процесс упрочения контроля над нефтяными ТНК со стороны нескольких крупнейших групп американского финансового капитала. Наиболее крупной и влиятельной из таких групп, занятых в сфере энергетического бизнеса, продолжала оставаться группа Рокфеллеров (общая сумма ее активов в 1974 г. — 163,2 млрд. долл.) [120, с. 98]. Американский специалист по крупному бизнесу Ф. Ланд-

берг в своей книге «Синдром Рокфеллеров» писал, что «группа Рокфеллеров или синдикат является крупнейшей и самой важной из всех групп, превосходя в настоящее время группу Морганов» [208, с. 41].

Под прямым контролем группы Рокфеллеров были такие крупнейшие энергетические монополии США, как «Экссон», «Стандард Ойл Компани оф Калифорния», «Мобил Ойл», «Стандард Ойл Компани оф Индиана» и некоторые другие [208, с. 50, 55]. Центр тяжести нефтяных операций группы находился за пределами США — на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке, Южной и Юго-Восточной Азии, Африке, Западной Европе. Так, например, крупнейшая в США и во всем капиталистическом мире нефтяная монополия «Экссон» имела 40% своих активов в США и 60% — в зарубежных странах [27, с. 37]. Бастионом финансового могущества Рокфеллеров являлись четыре банка, в том числе, третий в США по размеру активов банк «Чейз Манхэттен» — ведущий нефтяной банк страны (активы в 1980 г. — 76,2 млрд. долл.) [311, 13.VII.1981, с. 116]. Прежний, преимущественно нефтяной и финансовый профиль деятельности группы значительно диверсифицирован. Все большую роль группа играла в атомной энергетике, добыче каменного угля и других энергоносителей, в военном производстве, химии, электротехнике и электронике, машиностроении [208, с. 31—32]. Концентрация финансового и экономического могущества позволила группе Рокфеллеров стать одним из важнейших компонентов экономической и политической системы США.

Фактическим руководителем группы Рокфеллеров в 70-е годы был председатель правления банка «Чейз Манхэттен» Дэвид Рокфеллер [208, с. 43]. Он проявлял большой интерес к району Ближнего и Среднего Востока, регулярно посещал Каир, Эр-Рияд, Тель-Авив, поддерживал личные контакты с руководителями большинства ближневосточных государств. Являясь важной составной частью правящей в США финансовой олигархии, группа Рокфеллеров располагала влиятельными позициями в ключевых звеньях американского государственного механизма, в верхушке республиканской и демократической партий. Она оказывала значительное воздействие на разработку и проведение американской внешней политики. Именно группа Рокфеллеров в послевоенный период формировала руководящий состав госдепартамента, других внешнеполитических ведомств США и осуществляла контроль над их деятельностью независимо от того, президент какой из двух буржуазных партий занимал кресло в Белом доме. Рокфеллеры, как правило, продвигали своего представителя на пост государственного секретаря США. Так, прямым ставленником Рокфеллеров в республиканских администрациях Р. Никсона и Дж. Форда был помощник президента по вопросам национальной безопасности, а позднее государственный секретарь США Г. Киссинджер [167, с. 326—327]. Государст-

венный секретарь США в администрации Дж. Картера Сайрус Вэнс ранее был председателем Совета попечителей «Фонда Рокфеллеров».

Во внешнеполитической программе группы Рокфеллеров наиболее выпукло нашли свое выражение экспансионистские установки американского нефтяного капитала. Группа Рокфеллеров и контролируемые ею политические институты, такие, как «Фонд Рокфеллеров», Совет по внешним сношениям «трехсторонняя комиссия», стояли у истоков внешнеполитических доктрин США, принятых на вооружение американской внешней политики в 70-е годы. Отличительной чертой внешнеполитической программы Рокфеллеров всегда являлось противодействие освободительной борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки. Группа Рокфеллеров выступала за расширение экспорта частных американских капиталов при соответствующей их защите со стороны правительства США, за увеличение военной и экономической помощи США как важного орудия укрепления позиций американского бизнеса в развивающихся государствах и создания благоприятного политического климата для эксплуататорской деятельности монополий. Рокфеллеры выступали в поддержку американской агрессии во Вьетнаме, высказывались за союз США с Китаем против СССР [208, с. 303—305].

Американская буржуазная пропаганда, стремясь ниспровергнуть ленинское учение об империализме, продолжала попытки обелить эксплуататорскую деятельность Рокфеллеров, приписать руководящему звену этой группы нимб чуть ли не сторонников разрядки и международного сотрудничества. Но это были попытки с негодными средствами. Они преследовали цель приукрасить с помощью косметических операций экспансионистский характер деятельности группы, ее стремление приспособить к новым условиям свою традиционистскую политику эксплуатации развивающихся государств. Немалую роль в возвеличивании апологетами крупного бизнеса роли нефтяных баронов играли и расчеты отвести от нефтяных ТНК вину за переживаемые США энергетические трудности, обвинить в создании этих трудностей ОПЕК и нефтедобывающие арабские страны

Для нефтяной индустрии США характерным был продолжающийся рост концентрации производства и капитала. Быстрыми темпами проходили процессы вертикальной и горизонтальной интеграции нефтяного бизнеса. Нефтяные ТНК концентрировали в своих руках все технологические и коммерческие фазы нефтяного производства — добычу нефти и ее переработку, транспортировку, хранение и оптовый сбыт, розничную продажу нефтепродуктов и изыскательные работы на нефть (вертикальная интеграция). Они также все больше распространяли свой контроль на другие отрасли американской энергетики (газ, уголь, гидро- и ядерная энергия), превращаясь в многоотраслевые энергетические компании (горизонтальная интеграция) [171, с. 103—

119]. В ходе проведенного в 1976 г. рассмотрения в юридической комиссии сената США вопроса о вертикальной интеграции нефтяных монополий приводились данные о том, что в США всего насчитывалось 9—10 тыс. компаний по добыче нефти, 131 компания по нефтепереработке, 15 тыс. фирм по оптовому и 200 тыс. фирм по розничному сбыту нефтепродуктов. Однако в руках только четырех крупнейших монополий к 1974 г. концентрировалось 25,9% нефтедобычи, 29,8% нефтепереработки и 31,2% сбыта нефтепродуктов. В руках же восьми таких монополий было сосредоточено уже соответственно 42,1, 53 и 52,3% [59, с. 1899, 1902, 1904, 2231].

Глобальный, многонациональный характер деятельности нефтяных ТНК, господство в нефтяной индустрии США крупнейших монополистических групп, тесно связанных с правящей финансовой олигархией, способствовали объединению ресурсов и сил нефтяного комплекса в борьбе против освободительных движений народов, консолидации его позиций по коренным вопросам внешней политики, укреплению экономической базы для проведения политики экспансии, осуществления политических и экономических акций против революционно-демократических движений и прогрессивных режимов в нефтедобывающих странах.

Сохранил в полной мере свое непреходящее значение вывод В. И. Ленина о том, что «монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других „частностей“» [1, с. 355]. Оказанием воздействия на внешнюю политику США занимался специальный политический аппарат нефтяных ТНК в лице различных советов, фондов и исследовательских организаций. Наиболее важными из них являлись «Фонд Рокфеллеров» и Совет по внешним сношениям (Нью-Йорк). Обе эти организации созданы, контролировались и финансировались группой Рокфеллеров. В их руководящий состав входили руководители корпораций и банков, контролируемых группой Рокфеллеров, а также другими монополистическими объединениями, юристы монополий и ученые, правительственные чиновники и политические деятели. По определению английского ученого Л. Тэрнера, в США сложилась неофициальная руководящая группа по внешней политике, в состав которой входили представители семейства Рокфеллеров, руководства «Чейз Манхэттен Бэнк», ведущих фондов, Совета по внешним сношениям [258, с. 104—105].

«Фонд Рокфеллеров» занимался разработкой идей и рекомендаций правительству США по проблемам внешней политики, он финансировал научные разработки, готовил кадры для замещения руководящих внешнеполитических постов, включая пост государственного секретаря США. Совет по внешним сно-



шениям — главный внешнеполитический штаб правящей в США финансовой олигархии. В состав совета входило свыше 1,5 тыс. членов — банкиры, директора корпораций, юристы, ученые, государственные деятели, сотрудники ЦРУ, Пентагона, госдепартамента [208, с. 299]. Председателем совета в 70-е годы был Дэвид Рокфеллер. «В число деятелей, связанных с Советом внешних сношений,— писал Ф. Ландберг,— включены почти все те, кто имеет непосредственные материальные интересы в международной экономике и в финансовых институтах, которые обслуживают американский рынок». Ф. Ландберг подчеркивал, что «личные финансовые интересы Рокфеллеров и большинства членов Совета внешних сношений тесно переплетены». По его словам, «Совет по внешним сношениям... являлся главным придатком к государственному департаменту и министерству обороны, поставляя этим ведомствам высокопоставленных деятелей по разработке политики и предоставляя большое количество рекомендаций» [208, с. 297—298]. В книге Ч. Кегли и Е. Уиткопфа указывалось, что администрация США принимала к исполнению рекомендации Совета внешних сношений [196, с. 189].

В 1973 г. Дэвид Рокфеллер создал «трехстороннюю комиссию», он же фактически руководил ее работой. Это — влиятельная внешнеполитическая исследовательская организация в составе видных представителей политических, деловых и научных кругов США, Западной Европы и Японии (всего около 250 членов), занимавшаяся выработкой совместной долгосрочной политической и экономической стратегии трех «центров силы» капиталистического мира, направленной на укрепление мировой капиталистической системы в целях противоборства с социализмом. В состав «трехсторонней комиссии» входили, в частности, губернатор штата Джорджия, будущий президент США Дж. Картер, Дэвид Рокфеллер, вице-президент США У. Мондейл, председатель совета директоров нефтяной монополии «Экссон» Дж. Джамисон [34, с. 44]. За 1973—1980 гг. «трехсторонняя комиссия» подготовила около 20 докладов-рекомендаций по различным вопросам внешней и внешнеэкономической политики капиталистического мира, а также мировой экономики и глобальных проблем, в том числе проблем энергетики [323, 7.IV.1980, с. 37].

В опубликованном «трехсторонней комиссией» в 1974 г. докладе «Энергия: стратегия для международных действий» были намечены основные пути преодоления энергетических трудностей Запада, сделаны рекомендации в отношении развития дополнительных видов энергии, сокращения зависимости от внешних энергоносителей, взаимопомощи западных государств в сфере энергии в случае чрезвычайных обстоятельств, развития сотрудничества в научно-исследовательских работах по энергетике, улучшения отношений с нефтедобывающими странами

[34, с. 23—26]. Эти рекомендации легли практически без изменений в основу энергетических программ Вашингтонской администрации.

Огромную роль в сказании нужного нефтяному капиталу воздействия на ближневосточную политику США играло тесное сращивание нефтяных ТНК с правительственной верхушкой Вашингтона. Кабинеты Р. Никсона и Дж. Форда были кабинетами крупных предпринимателей. Большинство министров и их заместителей являлись либо директорами корпораций и банков, либо видными юристами монополий. Ряд руководящих деятелей республиканской администрации представляли группу Рокфеллеров. В 1974—1976 гг. вице-президентом США (при администрации Дж. Форда) был Нельсон Рокфеллер — член руководства группы Рокфеллеров. Выше уже указывалось на связи государственного секретаря США (1973—1976) Г. Киссинджера с группой Рокфеллеров. После ухода в январе 1977 г. с поста государственного секретаря Г. Киссинджер вернулся на службу к Рокфеллерам. Он вошел в состав правления «Чейз Манхэттен Бэнк», стал членом «трехсторонней комиссии».

Правительство Дж. Картера также было правительством «большого бизнеса». Сильными позициями в этом правительстве располагала группа Рокфеллеров. Именно Дэвид Рокфеллер в начале 70-х годов «открыл» Дж. Картера как «перспективного» тогда политического деятеля и привлек его к работе в «трехсторонней комиссии» [304, 1978, № 8, с. 48]. Збигнев Бжезинский, работавший в 1973—1976 гг. директором «трехсторонней комиссии» и являвшийся ставленником Рокфеллеров, стал после прихода Дж. Картера в Белый дом помощником президента по вопросам национальной безопасности. Практически все руководящие внешнеполитические и военные посты в администрации Дж. Картера получили лица, являвшиеся в 1973—1976 гг. членами «трехсторонней комиссии». Это — министр обороны Г. Браун, вице-президент США У. Мондейл, государственный секретарь С. Вэнс, представитель США при ООН Э. Янг, министр финансов М. Блюменталь и др. [196, с. 188]. Члены администрации Дж. Картера были связаны с крупными банками, промышленными, торговыми, транспортными корпорациями США; многие из них являлись членами Совета внешних сношений (в том числе, сам Дж. Картер, У. Мондейл, С. Вэнс, З. Бжезинский и др.) [304, 1979, № 11, с. 127]. До назначения на правительственные посты члены кабинета Дж. Картера были директорами, консультантами, юристами в различных банках и корпорациях штатов Северо-Востока и Юга страны, в том числе в таких, как «Чейз Манхэттен Бэнк», «Интернейшнл Бизнес Мэшинз» и др. [323, 11.VI.1979, с. 22—23].

Действовавшая при администрациях Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера система принятия решений по ключевым вопросам американской политики в ближневосточном регионе обес-

печивала должный учет интересов нефтяных групп. Процедура предварительной отработки проектов решений в Совете национальной безопасности США, в его органах и межведомственных группах (в числе которых были группы по энергетике, по Ближнему и Среднему Востоку) позволяла учитывать общие и специфические интересы нефтяного капитала. Все это обеспечивало внешнеполитические задачи нефтяных ТНК, способствовало поддержанию тесных связей с правительственным аппаратом, предоставляло нефтяному капиталу широкие возможности воздействия на разработку внешнеполитического и внешнеэкономического курса США, сохранения его преемственности, независимо от того, какая из двух главных политических партий США — республиканская или демократическая — находилась у власти.

### **Американские сионистские круги как фактор ближневосточной политики Вашингтона**

Сионистские круги США в 70-е годы были немаловажным фактором в разработке и проведении американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Эти круги активно вмешивались во все происходящие в регионе события, навязывали администрации США свои рецепты решения ближневосточных проблем. «Израильское лобби, — говорилось в докладе информационной службы конгресса США, — без сомнения является одним из наиболее могущественных средств влияния в Вашингтоне на ближневосточную политику США» [219, с. 96]. Американский ученый Б. Рейч в своей книге «Поиски мира: отношения между Соединенными Штатами и Израилем и арабо-израильский конфликт» признавал, что «израильское лобби играет влиятельную роль в выработке подхода и формулировании американской политики, касающейся Израиля и Ближнего и Среднего Востока» [237, с. 370]. Однако было бы неправомерным преувеличивать роль сионистских кругов. Эти круги представляют интересы лишь определенной, притом довольно узкой, группы американской финансовой олигархии. Сколь бы влиятельны сами по себе ни были эти круги, их воздействие не было доминирующим в ближневосточной политике США, оно служило лишь одним из компонентов спектра движущих сил и мотивов, которыми руководствовалась вашингтонская администрация при разработке американской политики в регионе.

Сионистские круги являются наиболее активной и экстремистской частью американской еврейской общины. В 1979 г. при численности населения США в 220 млн. человек эта община насчитывала около 6,5 млн., или около 3% населения США. Однако сионистские круги располагали большим политическим весом. Причин этого несколько.

Во-первых, наличие в руках сионистских кругов значительных финансовых ресурсов. Их оплотом является крупный еврейский капитал США. В условиях американской экономической системы этот капитал — составная часть всей финансовой олигархии. Он тесно переплетен с различными отраслями американской экономики, в том числе с военным производством, энергетическими ТНК, крупными банками. Имеются, в частности, связи еврейских фирм с рокфеллеровским нефтяным банком «Чейз Манхэттен» [305, 17.1.1970, с. 39]. Значительные позиции еврейский капитал занимает в таких развитых отраслях американской экономики, как оптовая и розничная торговля, легкая и пищевая промышленность, издательское дело, кинопроизводство и т. д. Денежные ресурсы сионистов позволяют им активно участвовать в финансировании демократической и республиканской партий, общенациональных и местных избирательных кампаний, в том числе и президентских выборов. Сионистские круги служат важным каналом финансирования израильского милитаризма.

Во-вторых, это — организационная база сионистского движения. В США действует разветвленная сеть еврейских организаций (свыше 300), многие из которых проповедают идеологию и политику сионизма [259, с. 225]. Имеются, в частности, 32 крупные сионистские и близкие к ним организации [61, с. 104]. Их деятельность направляется и координируется постоянно действующим органом — Конференцией президентов основных еврейских организаций США [237, с. 370]. Деятельность сионистских организаций направлена на мобилизацию политической, экономической и военной поддержки Израиля со стороны США, сбор частных пожертвований в израильские фонды, проведение произраильской лоббистской деятельности в администрации, конгрессе, профсоюзах, правительственных ведомствах, академических кругах, развертывание общенациональных и местных пропагандистских кампаний в поддержку Израиля. Организационная база сионистов позволяет им проводить антисоветские и антиарабские кампании в масштабе страны. Арсенал средств для проведения таких кампаний включает использование органов массовой информации, организацию демонстраций, митингов и собраний, сбор подписей и петиций, индивидуальную работу с отдельными государственными и политическими деятелями, членами американского конгресса.

В-третьих, это связи сионистских кругов с правительством, аппаратом Белого дома, руководством демократической и республиканской партий. В состав правительств Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера включались влиятельные представители еврейской общины. Лидеры крупных сионистских организаций имели доступ к президенту и государственному секретарю США. В аппарате Белого дома действовал специальный

механизм по связям с еврейской общиной и разработке соответствующих рекомендаций президенту по работе с ней. Эти функции при Дж. Картере были возложены на помощника президента по политическим вопросам, юридического советника Белого дома, советника президента по внутривластным делам [95, 13.III.1978, с. 491].

В-четвертых, средством воздействия сионистов на политику администрации и на процесс принятия внешнеполитических решений было израильское лобби в высшем законодательном органе страны — конгрессе. Оно возглавлялось Комитетом по американо-израильским общественным отношениям [237, с. 370]. Деятельность комитета направлялась сионистскими центрами в США и Израиле; она осуществлялась в сенате и в палате представителей, в ключевых комиссиях конгресса, его аппарате. Формы деятельности — выступления руководителей комитета в качестве лоббистов в обеих палатах и в комиссиях конгресса; инспирирование израильских законопроектов; соответствующая работа с законодателями, в том числе финансирование их публичных выступлений; подрывная деятельность против тех, кто отказывается следовать линии Израиля [257, с. 40]. Израильское лобби в блоке с другими реакционными силами конгресса мобилизовывало в поддержку различного рода резолюций и законопроектов об оказании Израилю политической, экономической и военной помощи, а также различных антисоветских идеологических диверсий вокруг «еврейского вопроса» в СССР достаточно устойчивое большинство сенаторов и членов палаты представителей.

В-пятых, сионистская буржуазия держала под своим контролем значительную часть средств пропаганды и массовой информации США. Это позволяло пособникам Израиля направлять обработку общественного мнения США в антисоветском и антиарабском духе, поддерживать версию об «угрозе верному американскому союзнику Израилю» со стороны арабских государств и о необходимости оказания ему крупной военной и экономической помощи США. Возможности манипулирования американским общественным мнением предоставляли сионистам рычаг воздействия на политику администрации США в ближневосточном регионе [257, с. 63—64].

Если говорить в целом, то сионистские крупы выступали глашатаем реакционных слоев монополистического капитала США, орудием американского империализма в его борьбе против мировой социалистической системы, против национально-освободительных движений народов. В заявлении Коммунистической партии США от 19 января 1978 г. сионизм характеризовался как «наиболее важный инструмент империализма США на Ближнем и Среднем Востоке». «Сионизм, — указывалось в этом заявлении, — является националистическим движением еврейской буржуазии и орудием империализма. Это движение явля-

ется капиталистическим, колониалистским и антикоммунистическим. Сионизм является экспансионистским; он исходит из установки на отрицание национальных прав других народов, претендует на то, что ему дано благословение свыше захватывать чужие земли. Сионизм поэтому является расистским и квалифицирован как таковой Организацией Объединенных Наций» [308, 24.I.1978, с. 10].

Американские сионисты безоговорочно защищали политику Израиля. Они отстаивали курс на поддержку израильских территориальных захватов, затягивание политического урегулирования ближневосточного конфликта на справедливых условиях, блокирование решения палестинского вопроса на основе учета законных прав арабского народа Палестины. Сионисты требовали от администрации США «тотальной» поддержки Израиля, безусловного удовлетворения израильских домогательств о предоставлении ему больших количеств современного американского вооружения, жесткого гарантирования Соединенными Штатами «безопасности Израиля». Для позиции сионистов и их пособников характерным было стремление добиваться максимального отождествления политики США с агрессивными действиями Израиля, активизации американской поддержки израильского курса на увековечивание территориальных захватов.

Сионистские круги встретили в штыки Совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г., в котором были зафиксированы принципы всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта и достигнутая обеими сторонами договоренность о созыве не позднее конца 1977 г. Женевской мирной конференции. Сионисты оказали в этой связи нажим на Дж. Картера. В Белый дом поступали письма и протесты, в которых высказывались обвинения в «предательстве» государства Израиль, в «нарушении» взятых на себя Соединенными Штатами обязательств в отношении «защиты Израиля». По данным американской печати, лишь с 1 по 4 октября 1977 г. в Белый дом поступило от сионистов 7268 «разгневанных телеграмм» и 827 телефонных звонков [321, 11.IX.1978, с. 29]. «Возражения» против советско-американского заявления высказала в письме Дж. Картеру группа членов палаты представителей и сенаторов. В результате Дж. Картер пошел на попятный: он отказался от выполнения обязательств, принятых американской стороной по этому заявлению.

В американском журнале «Орбис» в статье Р. Коэна приводились любопытные подробности объединенного воздействия Израиля и американских сионистов на Дж. Картера, чтобы сорвать реализацию советско-американского заявления от 1 октября 1977 г. [319, осень 1978, с. 613—633]. В статье указывалось, что после подписания этого заявления Израиль мобилизовал всю свою американскую клиентуру для давления на администрацию Дж. Картера. Было проведено экстренное сове-

щение координирующего органа сионистских организаций США — Конференции президентов основных еврейских организаций США. Руководитель этого органа А. Шиндлер направил государственному секретарю С. Вэнсу «заявление протеста» против «отказа от исторических обязательств США обеспечить безопасность и выживание Израиля». Все сионистские организации США направили в Белый дом поток протестов и телеграмм. Для реализации своих целей сионисты мобилизовали конгресс США и реакционную верхушку АФТ—КПП. Ряд сенаторов (Г. Джексон, Р. Доул, Д. Мойнихем, Дж. Джэвитс, Г. Бейкер и др.) выступили с заявлениями о своем «беспокойстве» по поводу советско-американского документа. 5 октября 1977 г. более 150 членов палаты представителей опубликовали письмо, в котором выражалось «серьезное беспокойство» относительно этого документа [319, осень 1978, с. 623—624].

По утверждению автора статьи, такая реакция сионистских кругов «насторожила» администрацию Дж. Картера, в частности, в связи с тем, что в тот период в конгрессе обсуждались важные правительственные законопроекты по энергетике, ратификации договора с Панамой и другие, которые могли бы быть заблокированы усилиями сионистов. 5 октября 1977 г. в Нью-Йорке состоялся «жесткий» обмен мнениями между Дж. Картером и израильским министром иностранных дел М. Даяном, потребовавшим от американского президента фактической дезавуации советско-американского документа. Дж. Картер уступил домогательствам Израиля и американских сионистов. В тот же день Дж. Картер и М. Даян подписали в Нью-Йорке совместный документ, касавшийся порядка созыва Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, который фактически исключал участие в конференции Организации освобождения Палестины на равноправных условиях (текст см. [95, 10.X.1977, с. 1482]). Все это перечеркнуло советско-американскую договоренность от 1 октября 1977 г. относительно созыва Женевской конференции.

Под нажимом сионистов Дж. Картер дезавуировал голосование представителя США при ООН за принятую Советом Безопасности ООН 1 марта 1980 г. резолюцию по вопросу о ликвидации израильских поселений на оккупированных арабских землях. В заявлении Белого дома от 3 марта 1980 г. Дж. Картер объяснял поддержку американским представителем указанной резолюции «техническими неувязками» [22, IV.1980, с. 64]. Было, однако, очевидным, что суть дела заключалась не в «отсутствии у президента связи» с Нью-Йорком, а в его стремлении не допустить обострения отношений с сионистскими кругами в «критический период» избирательной кампании 1980 г.

Исследователи проблем сионизма в США американские ученые А. Либиенталь, Р. Хоув и С. Тротт приводят в своих кни-

гах немало примеров хозяйничанья сионистов в конгрессе и преследования ими тех законодателей и представителей правительства США, которые во имя долгосрочных интересов страны высказывались за проведение более сбалансированной линии США в ближневосточных делах. Так, объектами сионистских нападков были сенаторы Ч. Перси, Дж. Фулбрайт, Дж. Абу-резк, председатель Комитета начальников штабов США генерал Дж. Браун, ряд других деятелей. Дж. Абурезк был вынужден уйти в 1978 г. из сената. Дж. Фулбрайт в 1974 г. потерпел поражение на первичных выборах в своем штате Арканзас, что было связано с усиленным финансированием сионистами его оппонента — губернатора штата Д. Бамперса, который и прошел в сенат [184, с. 277; 206, с. 256, 269].

Если сравнить произраильское лобби с проарабским, то последнее значительно слабее; оно не располагает действенными рычагами нажима на общественность, администрацию и конгресс США. Проарабское лобби опирается на арабскую общину в США, насчитывающую около 2 млн. человек (американцы арабского происхождения, преимущественно христиане — выходцы из Ливана) [95, 13.III.1978, с. 491], и на несколько организаций арабской общины (Национальная ассоциация американцев арабского происхождения, Федерация американских арабских организаций и др.). В 70-х годах единственным представителем проарабского лобби в сенате был сенатор-демократ Дж. Абурезк. Проарабское лобби пользовалось поддержкой некоторых арабских правительств, а в известной степени и нефтяных монополий, осуществлявших свои операции в арабских странах. Проарабское лобби выступало за урегулирование ближневосточного конфликта на основе резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и 338; оно требовало от администрации США ослабить поддержку Израиля, сократить ему военную помощь, оказывать большее внимание арабским странам, осуществлять «равноудаленный подход» в арабо-израильском конфликте [219, с. 102—108].

Израиль максимально использовал возможности сионистских кругов для оказания нажима на Белый дом. Деятельность сионистов оказывала определенное сковывающее влияние на маневренность американской политики на Ближнем и Среднем Востоке, тормозила разыгрывание администрацией «равноудаленного подхода» к Израилю и арабским странам. Вместе с тем сионистские круги не выступали против фундаментальных основ стратегии американского империализма в регионе. Их деятельность в целом укладывалась в рамки этой стратегии, она совпадала с магистральным направлением американской политики. Каких-либо существенных разногласий между империализмом и сионизмом не было. Возникавшие расхождения касались лишь вопросов тактики. К тому же американская администрация располагала реальными возможностями к тому, чтобы держать под



контролем деятельность произраильского лобби, и, несмотря на его противодействие, продвигать отвечающие общим интересам США решения. Так, администрация США, несмотря на ожесточенное сопротивление сионистов, осуществляла программу крупномасштабных поставок вооружения Египту и Саудовской Аравии. В мае 1978 г. произраильскому лобби было нанесено поражение в сенате, когда оно пыталось заблокировать решение администрации Дж. Картера о продаже военно-авиационной техники Израилю, Египту и Саудовской Аравии на пакетной основе. Лобби не смогло воспрепятствовать ставке Вашингтона на новые, далеко идущие меры по милитаризации Египта и превращению его в ключевой военный плацдарм США в регионе, что объективно ослабляло прежнее беспрекословно ведущее место Израиля. Американский профессор М. Урофски сделал в своем исследовании проблем сионизма в США вывод о том, что, «несмотря на исторические и особые отношения Израиля с Соединенными Штатами, американские лидеры без колебаний манипулировали бы Израилем ради достижения целей своей внешней политики» [259, с. 436].

### СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ США ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В 70-е годы Вашингтон усилил борьбу против национально-освободительного движения народов Ирана и арабских стран. Ставилась задача любой ценой изменить нараставшую тенденцию к упрочению политической и экономической независимости ближневосточных государств, к их сплочению на антиимпериалистической основе, на основе борьбы против кэмп-дэвидской стратегии США. В попытках затормозить развитие освободительной борьбы, задержать процессы распада нефтяной империи, продлить доступ к ближневосточной нефти монополии и правительство США делали все, чтобы удержать страны ближневосточного региона в рамках мировой капиталистической системы, воспрепятствовать прогрессивным преобразованиям в их социально-экономической жизни. Л. И. Брежнев в своем выступлении в связи с приездом в Москву сирийской делегации во главе с президентом Сирии Х. Асадом 21 февраля 1978 г. сказал: «Чем прочнее становятся на ноги государства, добившиеся независимости, тем настойчивее становятся попытки империалистов помешать их развитию, повернуть их вспять, восстановить там свое утраченное влияние» [2, т. 7, с. 226].

В неоколониалистских целях Вашингтон использовал, в зависимости от конкретных условий в той или иной стране и общей расстановки сил в регионе, различные методы вмешательства во внутренние дела; он поддерживал консервативные режимы, прибегал к рычагам военного и экономического нажима, идеологическим диверсиям, поощрял агрессивные действия израильских экстремистов. Неоколониалистская практика США в ближневосточном регионе в 70-х годах подтверждает сделанный в решениях XXV съезда КПСС вывод о том, что «если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрасть и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности» [5, с. 30].

В зависимости от конкретной политической обстановки и складывавшегося соотношения сил США использовали в каче-

стве орудия вмешательства широкий комплекс средств — от дипломатического давления до организации государственных переворотов и заговоров в странах, вставших на путь антиимпериалистической борьбы. Вашингтон поддерживал очаги напряженности в ближневосточном регионе и в зоне Персидского залива, использовал средства военного неокOLONиализма. США тормозили ликвидацию узла острых противоречий между арабскими странами и Израилем. Вашингтон держал курс на подрыв антиимпериалистического фронта арабских государств, поощрение противоречий между прогрессивными правительствами, с одной стороны, и консервативными режимами — с другой; провоцирование межарабских разногласий вокруг путей и способов ближневосточного урегулирования и решения палестинской проблемы; трений между палестинскими силами сопротивления, ведущими вооруженную борьбу против Израиля, и правительствами стран, с территорий которых они действуют. Вашингтонская администрация стремилась использовать в своих интересах и другие разногласия в регионе, в том числе противоречия между Ираком и Сирией, узел острых противоречий вокруг Ливана, египетско-сирийские разногласия, конфликты между Египтом и Ливией, между Ираном и Ираком, конфликтные ситуации в отношениях между Южным и Северным Йеменом и др.

Одним из действенных средств американского неокOLONиализма оставались рычаги экономического нажима. Путем широкого их использования США стремились затормозить укрепление экономической независимости стран Ближнего и Среднего Востока, воспрепятствовать национализации активов американских нефтяных монополий и становлению в национальных государствах своей нефтяной индустрии, обеспечить переплетение интересов монополий и интересов местных правящих верхушек. Использовался при этом недостаток у ближневосточных государств производственно-технического опыта, нефтеперерабатывающих и нефтетранспортных мощностей, сбытовых каналов, необходимых для того, чтобы в полном объеме эксплуатировать свои нефтяные ресурсы без помощи извне вплоть до самостоятельной реализации нефти на мировом рынке. В работе американского исследователя Р. Кругера «Соединенные Штаты и международная нефть» констатировалось в этой связи, что «нефтедобывающие страны в целом все еще чрезвычайно зависят от опыта и технических возможностей иностранных компаний в области разведки на нефть и нефтедобычи» [200, с. 274].

В обстановке усиления антиимпериалистической борьбы и общего изменения соотношения сил в пользу мира и социализма, в условиях углубления процесса разрядки международной напряженности США наряду с «традиционными» формами неокOLONиалистского диктата прибегали к использованию более «гибких» методов подрыва освободительного движения в регионе. Они делали упор на средства переговоров и комиссий,

на экономические формы неоколониализма; шли на вынужденные уступки требованиям нефтедобывающих государств; использовали замаскированные идеологические и экономические диверсии, отходили от прежних прямолинейно нажимных средств экономического давления и блокирования социально-экономического развития ближневосточных государств. В арсенал средств современного неоколониализма включены доктрина «партнерства», доктрина «взаимозависимости», другие аналогичные экономические приманки, прежде всего призванные удерживать ближневосточный регион в системе капитализма, стабилизировать позиции нефтяных ТНК, обеспечить устойчивые поставки ближневосточной нефти в страны Запада. В этих целях США были вынуждены согласиться с коренной перестройкой прежде считавшейся «незыблемой» концессионной основы присутствия западных нефтяных ТНК на Ближнем и Среднем Востоке.

Большое место в неоколониалистской стратегии Вашингтона отводилось враждебным СССР идеологическим диверсиям. Пропаганда США распространяла вымыслы о «советской угрозе», о «намерении СССР захватить ближневосточную нефть». Ввод ограниченных контингентов советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. интерпретировался американской пропагандой как стремление СССР «выйти к району Персидского залива». Такие утверждения были направлены на то, чтобы дискредитировать миролюбивую политику СССР в глазах арабских народов, снять с Израиля и его американских покровителей ответственность за неурегулированность ближневосточного конфликта и сохранение опасного военного очага в регионе. Американская политика антисоветизма была нацелена также на раскол антиимпериалистических сил на Ближнем и Среднем Востоке, на отрыв национальной буржуазии от участия в общей антиимпериалистической борьбе, на оправдание союза США с правой арабской реакцией.

### **Консервативные режимы — ударная сила американского неоколониализма**

Поддержка и укрепление консервативных режимов — одна из главных задач американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Этот тезис подчеркивался как в официальных документах США, так и в работах американских буржуазных ученых. В упомянутом выше исследовании Р. Кругера говорилось, что «в послевоенный период поддержка антикоммунистических режимов на Ближнем и Среднем Востоке была перманентной целью внешней политики США» [200, с. 93]. С укреплением консервативных режимов Вашингтон связывал расчеты на сохранение доступа к ближневосточной нефти, ограждение

нефтяных капиталовложений от полной национализации, продолжение своего военного присутствия. Одновременно консервативные режимы использовались в целях закрепления капиталистического пути развития ближневосточных государств, раскола арабского антиимпериалистического фронта, сковывания развития национальной нефтяной индустрии. С поощрения США короли и шейхи использовали нефтедолларовые ресурсы на цели милитаризации своих стран, на закупки в США огромных количеств вооружения, проведения подрывной деятельности против прогрессивных правительств и освободительных движений в ближневосточном регионе и в Африке. Так, консервативные арабские режимы предоставляли саудовскому Ельпту в общей сложности 1 млрд. долл. в год [50, с. 43].

Консервативные режимы — это классовая опора США на Ближнем и Среднем Востоке, орудие борьбы против прогрессивных движений, средство ослабления притягательности идей социализма. Они выступают в качестве проводников империалистической политики и в соседних с Ближним и Средним Востоком регионах — на Африканском Роге, в бассейне Красного моря, на Африканском континенте, в Афганистане. Сотрудничество Вашингтона с такими режимами облегчается тем, что в силу своих классовых интересов они выступают за продление присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке, за тесный союз с американским нефтяным капиталом. Консервативные режимы — это орудие империализма в ОПЕК. Через них США проводят курс на раскол ОПЕК, подрыв единой антиимпериалистической нефтяной политики арабских стран. В равной мере эти режимы — средство нажима на палестинское движение сопротивления, ослабления требований ООП в отношении создания независимого палестинского государства.

В. И. Ленин в своих работах по империализму подчеркивал стремление монополий добиваться политического господства в странах их деятельности. «Финансовый капитал, — отмечал В. И. Ленин, — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью» [1, с. 379]. Этот вывод В. И. Ленина относится и к современным условиям. Хотя сейчас империализм проводит политику политического подчинения других государств более гибкими, не столь прямолинейными, чем прежде средствами, однако существо этой политики осталось неизменным. Это — стремление привязать правительства стран, где действуют нефтяные ТНК, с помощью различных экономических и политических рычагов к Соединенным Штатам.

Усиление роли консервативных нефтедобывающих стран в ближневосточной политике Вашингтона во многом было связано с превращением их в крупнейшие финансовые центры ка-

пикалистического мира, играющие важную роль в валютно-финансовой системе Запада. США стремились привлечь валютные накопления ближневосточных стран в виде вкладов в американские государственные займы и в правительственные ценные бумаги, в депозиты частных банков и акции корпораций. Той же цели США достигали и путем получения нефтедолларов в виде платы за экспорт американского оборудования и сельскохозяйственных товаров, вооружения. Возврат нефтедолларов в США способствовал сокращению дефицита американского платежного баланса, носившего пассивный характер, в частности, в результате значительных валютных затрат на оплату нефтеимпорта из стран ОПЕК, служил важным компонентом реализации «доктрины взаимозависимости», в рамках которой США осуществляли пристегивание ближневосточных производителей нефти к своей экономике.

Более значительная, чем прежде, ориентация Вашингтона на блокирование с консервативными режимами во многом была вызвана значительными издержками традиционной ставки США на односторонний союз с Израилем. Однако консервативные арабские режимы и шахский Иран в полной мере также не оправдали расчетов США. События 70-х годов свидетельствовали о том, что эти режимы в конечном итоге не стали надежными пособниками империализма, беспрекословными исполнителями воли Вашингтона. Американской администрации так и не удалось сколотить давно замышлявшийся военно-политический блок консервативных стран зоны Персидского залива во главе с Ираном и Саудовской Аравией. Сильнейший удар по американской стратегии использования правых режимов в неокOLONиалистских целях нанесло свержение шахского режима в Иране. Полностью развалилась ось Тегеран — Эр-Рияд. Обострились отношения США с Саудовской Аравией и Иорданией. Оказалась ослабленной вся система консервативных режимов в регионе.

В 70-е годы Вашингтон ориентировал свою политику прежде всего на Саудовскую Аравию и шахский Иран. Эти страны были проводниками американского влияния, рычагами «сдерживания» прогрессивных сил. Именно на них опирался Вашингтон в реализации планов борьбы против освободительных движений, создания новых военно-политических союзов. Наряду с этим, важная роль в стратегии США отводилась и египетскому режиму, который стал активным пособником и партнером США в ближневосточном регионе.

Саудовская Аравия рассматривалась правящими кругами США как крупнейший нефтедобывающий район капиталистического мира, экономический и военный форпост США в зоне Персидского залива, крупный финансовый центр мира капитализма. «Саудовская Аравия, — указывалось во внешнеполитическом обзоре журнала „Форин Аффферз“ за 1978 г., — пред-

ставляет первостепенную важность для Соединенных Штатов в силу ее обширных нефтяных ресурсов, ее финансовой мощи, ее влияния на другие арабские государства и ее оппозиции политике Советского Союза» [152, с. 626]. Интересам США соответствовала антикоммунистическая, ортодоксально-исламская идеология саудовских правителей, их проамериканский подход к ключевым международным проблемам. Фактически произошло становление американско-саудовского военно-политического союза. «Саудовская Аравия является нашим союзником и другом», — утверждал Дж. Картер на пресс-конференции в Вашингтоне 17 февраля 1978 г. [95, 27.II.1978, с. 339].

Соединенные Штаты использовали саудовский режим в качестве орудия борьбы против освободительных движений в ближневосточном регионе, источника финансирования правой арабской реакции, а также реакционных режимов и движений в других районах (эритрейские сепаратисты в Эфиопии, афганские контрреволюционные формирования и т. д.). Саудовская Аравия предоставляла финансовые субсидии Египту, в том числе в целях оплаты закупок Египтом военной техники в США. Саудовские деньги способствовали переходу А. Садата на рельсы сговора с империализмом и сионизмом. Саудовский режим выступал в качестве подрывной силы империализма в ОПЕК и ОАПЕК, орудия ослабления единой антиимпериалистической нефтяной политики арабских государств. С поощрения Вашингтона саудовцы выступали в ОПЕК с позиций замораживания цен на нефть, они пытались блокировать требования антиимпериалистического крыла ОПЕК о систематическом повышении цен.

Экономической основой американско-саудовского блока являлось сотрудничество обеих стран в эксплуатации ресурсов нефти и использовании саудовских нефтедолларов. Главным рычагом американской экономической экспансии в Саудовской Аравии была нефтяная компания АРАМКО, в составе которой — четыре крупнейшие нефтяные ТНК США. АРАМКО добывала и реализовывала по своим каналам свыше 80% саудовской нефти. Эта компания играла важную роль в экономической и политической жизни Саудовской Аравии, она продвигала американские империалистические интересы во всем регионе, а также влияла на разработку ближневосточной политики США [319, лето 1979, с. 454, 459]. Военно-политической основой американско-саудовского блока являлись односторонние гарантии и заверения Вашингтона оказать Саудовской Аравии соответствующую помощь, в том числе и военную, в случае «внешней угрозы» или возникновения других ситуаций, могущих создать опасность для существования саудовского авторитарного режима.

Саудовская Аравия являлась наиболее крупным поставщиком импортной нефти в США: она обеспечивала в 1980 г. 21%

всего американского нефтеимпорта [22, III.1980, с. 63]. В 1980 г. разведанные запасы саудовской нефти, оцениваемые в 5 трлн. долл., составляли 22,3 млрд. т [278, с. 42], а нефтедобыча — 500 млн. т. В Саудовской Аравии с ее 700 эксплуатационных скважин добывалось больше нефти, чем в США с их 500 тыс. таких скважин [212, с. 143]. В контексте тесных отношений с США и в связи с просьбой Дж. Картера, вытекавшей из необходимости компенсировать нехватку нефти в США и в целом, на мировом капиталистическом нефтяном рынке в результате событий в Иране в 1978—1979 гг., а также ирано-иракского вооруженного конфликта, саудовское правительство со второго полугодия 1979 г. увеличило объем нефтедобычи в стране с 425 млн. до 473 млн. т в год [305, 16.VII.1979, с. 32], а затем и до 500 млн. т. Большое значение для финансовой стабильности США и укрепления международных позиций американского доллара имели вложения саудовских нефтедолларов в США. Переплетение финансово-экономических интересов США и Саудовской Аравии обеспечивало тесную «взаимосвязь» обоих государств и в политической сфере.

Вашингтон много работал с саудовской правящей верхушкой. Осуществлялся обмен визитами руководителей обоих государств. В 1971 г. в США был король Фейсал, а в 1978 г. — новый король Халед. Р. Никсон посетил Эр-Рияд в июне 1974 г., а Дж. Картер — в январе 1978 г. Государственные секретари Г. Киссинджер и С. Вэнс десятки раз бывали в саудовской столице. В Вашингтоне в 1974 и 1977 гг. был заместитель премьер-министра наследный принц Фахд. В октябре 1977 г. состоялся визит в Вашингтон саудовского министра иностранных дел принца Сауда, который имел встречу с Дж. Картером. В опубликованном 25 октября 1977 г. заявлении Белого дома об итогах этой встречи было зафиксировано обещание США оказывать военную помощь Саудовской Аравии [95, 31.X.1977, с. 1658]. Особую интенсивность, в частности, в связи с свержением шахского режима в Иране и выпадением этой страны из американских военных планов приняли американско-саудовские контакты в 1979—1980 гг. В 1979 г. в Эр-Рияде были министр обороны Г. Браун, а также помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский. Дж. Картер вел интенсивную личную переписку с саудовским королем Халедом.

Однако, несмотря на все усилия, США не смогли реализовать в полном объеме свою неокOLONиалистскую стратегию в отношении Саудовской Аравии. Американско-саудовские отношения не были стабильными; в 1978—1979 гг. они вновь заметно обострились, достигнув, по оценкам американской печати, самой низкой точки с момента второй мировой войны. Был аннулирован (по инициативе саудовцев) назначенный на март 1979 г. официальный визит в США принца Фахда. Соединенным Шта-



там не удалось превратить Эр-Рияд в «силовой центр» зоны Персидского залива, который компенсировал бы «потерю Ирана». Саудовская Аравия отвергла предложения Вашингтона о размещении в стране американских военных баз или реализации других форм прямого и постоянного военного присутствия США [323, 21.IV.1980, с. 30]. Она отказалась поддержать эмплэвидскую стратегию Вашингтона. Эр-Рияд присоединился к подавляющему большинству арабских государств, осудивших капитулянтский курс египетского режима в связи с заключением им сепаратного «мирного договора» с Израилем. Саудовская Аравия участвовала в общеарабских политико-экономических санкциях против Каира, а также оказывала финансовую поддержку ООП.

Саудовская Аравия в последние годы отошла от беспрекословного выполнения команд США относительно блокирования решений ОПЕК о повышении цен на нефть. Некоторые решения ОПЕК о повышении цен в 1979 и 1980 гг. были приняты при согласии саудовцев, хотя в целом и сохранился «умеренный» подход саудовских правителей к вопросу о повышении цен на нефть. Еще в 1973 г. правительство Саудовской Аравии вместе с другими арабскими странами пошло на использование «нефтяного оружия» против США. Саудовцы занимали критическую позицию в отношении произраильской ориентации в политике США, подталкивали Вашингтон к более активному воздействию на Израиль (особенно по палестинскому вопросу и по вопросу о восстановлении арабского контроля над восточной частью Иерусалима), неоднократно заявляли о намерении увязывать вопросы об объеме нефтедобычи и ценах на нефть с прогрессом в достижении урегулирования ближневосточного конфликта [309, IV.1977, с. 511]. Саудовское правительство подвергало критике угрозы США о военной интервенции в странах Персидского залива.

Обострение противоречий в отношениях между США и Саудовской Аравией отражало растущее финансовое могущество правящей саудовской верхушки, ее стремление играть роль «равного партнера», освободиться от американской политической и экономической опеки, занять более автономную и самостоятельную позицию в ближневосточном регионе и на международной арене в целом. Однако, несмотря на известные трудности во взаимоотношениях, США и Саудовская Аравия по многим принципиальным проблемам как регионального, так и глобального порядка действовали с единых, согласованных позиций.

Иордания служила важным звеном в системе монархо-автократических стран региона. США поддерживали с этой страной активные контакты. Король Хусейн практически ежегодно посещал США. В июне 1974 г. в Аммане был президент Р. Никсон. В американо-иорданском заявлении об итогах ви-

зита Хусейна в США в августе 1974 г. указывалось, что между обеими странами установилась практика тесных консультаций и взаимных поездок, развиваются связи по военной, экономической, культурной линиям [22, 9.IX.1974, с. 361—362]. В январе 1978 г. состоялась встреча Дж. Картера с Хусейном в Тегеране. Американский президент на этой встрече добивался согласия короля со стратегией сепаратных сделок по империалистическому «урегулированию» ближневосточного конфликта. Новая встреча Дж. Картера с Хусейном состоялась в июне 1980 г. в Вашингтоне.

В 1978—1980 гг. отношения США с Иорданией обострились. Правительство Хусейна отошло от былого следования в фарватере американской политики. Иордания отказалась поддержать кэмп-дэвидскую стратегию Вашингтона, она присоединилась к общеарабскому осуждению капитулянтского курса А. Садата и к установленным большинством арабских стран политико-экономическим санкциям против египетского режима. Хусейн отклонил американо-израильский диктат в отношении присоединения Иордании к проходившим в 1979—1980 гг. переговорам США, Египта и Израиля относительно разработки статуса «административной автономии» для Западного берега и Газы. В ответ Вашингтон прибег к использованию тактики «выкручивания рук». В 1979 г. состоялись визиты в Амман министра обороны США Г. Брауна, государственного секретаря С. Вэнса, помощника президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского. Однако правительство Иордании в ходе переговоров с этими деятелями подтвердило свою позицию отказа от участия в стратегии Кэмп-Дэвида и использования ее территории в стратегических целях США. В качестве репрессалий Дж. Картером был значительно сокращен объем военной и экономической помощи Иордании (ежегодный уровень этой помощи ранее составлял около 200 млн. долл.) [22, IV.1979, с. 39].

Значительная роль в американской стратегии использования в неоколониалистских целях консервативных режимов отводилась также Бахрейн, Катару, Оману, ОАЭ, которые расположены по периметру крупнейшей нефтедобывающей страны региона — Саудовской Аравии. С момента получения ими национальной независимости (1971 г.) США рассматривали эти четыре страны в качестве важного проимпериалистического звена ближневосточного региона, прибыльной сферы приложения нефтяных капиталов, оплота американского неоколониализма. Основными задачами политики Вашингтона в этих странах было сохранение доступа к их нефтяным ресурсам, установление американского военного присутствия, развитие политическое сотрудничество США с ними, использование их нефтедолларовых ресурсов для борьбы против освободительных движений.

Правящие круги США рассматривали Египет как центр «силы и влияния» в арабском мире. «Египет,— заявил государственный секретарь С. Вэнс 9 мая 1978 г. в палате представителей конгресса США,— представляет чрезвычайную важность для американских интересов» [61, с. 34]. США преследовали цели укрепить режим А. Садата, создать «сильный» Египет, который мог бы служить неокOLONиалистским бастионом для реализации американских внешнеполитических и военных планов на Ближнем и Среднем Востоке.

Курс Вашингтона на союз с Каиром отражал стремление американских империалистических кругов воспользоваться в своих целях теми сдвигами во внутренней и внешней политике Египта, которые были осуществлены египетским руководством после смерти в 1970 г. президента Г. Насера. Ставка А. Садата на альянс с США и блокирование с Израилем, его односторонний отказ в марте 1976 г. от Договора о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом от 27 мая 1971 г., стремление опереться на США в поисках «урегулирования» ближневосточного конфликта — все это было использовано Вашингтоном в целях привязывания Египта к экономике и политике США, подключения Каира к лагерю противников конфронтации с империализмом и сионизмом, вовлечения его в империалистические планы подрыва ближневосточного урегулирования на справедливых условиях.

История двухсторонних отношений США и Египта в 70-х годах — это история капитулянтских уступок А. Садата империалистическому давлению, последовательного отхода Каира от прогрессивных завоеваний египетского народа, осуществленных при президенте Г. Насере\*. В 1973 г. правительство США добилось восстановления дипломатических отношений с Египтом, разорванных египетской стороной в 1967 г. С этим шагом США связывали расчеты на установление своего прямого присутствия в этой ключевой стране арабского мира. Были активизированы личные контакты между руководителями США и Египта. В ходе своей поездки в страны Ближнего и Среднего Востока в июне 1974 г. президент Р. Никсон посетил и Каир. 14 июня Р. Никсон и А. Садат подписали документ о «принципах отношений и сотрудничества между США и Египтом», в котором, в частности, декларировалось создание совместной американо-египетской «комиссии по сотрудничеству» с задачами развития двухсторонних связей по ряду направлений, в том числе в области экономики, техники, культуры. В рамках этого решения были созданы рабочие группы по американо-египетскому сот-

---

\* Об американской трактовке истории послевоенных отношений США и Египта см. [214].

рудничеству в сфере медицины и здравоохранения, образовании и культуры, экономики, сельского хозяйства, науки. Создан был также американо-египетский совет по предпринимательству с задачами поощрения частных американских инвестиций в Египте.

Шагами на пути американо-египетского сближения были «рабочая встреча» президента США Дж. Форда с А. Садатом в Зальцбурге (Австрия) в июне 1975 г. и официальный визит А. Садата в США в том же году (26 октября — 5 ноября). В ходе этого визита в Вашингтоне 28 октября 1975 г. были подписаны конвенция по налогообложению, соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения, соглашение о продаже Египту американских сельскохозяйственных товаров, соглашение о культурном сотрудничестве [22, 17.XI.1975, с. 720]. В рамках своей «челночной дипломатии» в Каире десятки раз побывал в 1973—1976 гг. государственный секретарь США Г. Киссинджер, который установил «личную дружбу» с А. Садатом.

При президенте Дж. Картере размах американо-египетских контактов еще более возрос. Сам Дж. Картер дважды был в Египте с целью переговоров с А. Садатом — в январе 1978 г. (встреча в Асуане) и в марте 1979 г. (в связи с «доводкой» египетско-израильского сепаратного «мирного договора»). Кроме того, Каир многократно посещали в 1977—1980 гг. государственный секретарь С. Вэнс, его заместитель по ближневосточным делам Г. Сондерс, другие представители американской администрации, в том числе и руководители министерства обороны США (министр обороны Г. Браун был в Каире в феврале 1979 г.; в том же, 1979 г. Египет посетили три делегации Пентагона, которые вели переговоры об использовании египетских баз и поставках американского оружия Каиру). Со своей стороны, А. Садат в 1977—1980 гг. несколько раз приезжал в США для переговоров с Дж. Картером по различным проблемам, в том числе по выработке сделки в Кэмп-Дэвиде (сентябрь 1978 г.), поставках американского оружия Египту, реализации кэмп-дэвидской стратегии, форсированию переговоров США — Египет — Израиль об «административной автономии» для Западного берега и Газы.

В дополнение к контактам на высшем уровне египетская столица являлась местом паломничества других высокопоставленных американцев. Сюда зачастили делегации конгресса США и отдельные сенаторы и конгрессмены, финансисты и бизнесмены, в том числе Д. Рокфеллер. Дж. Картер на пресс-конференции 6 января 1978 г. на борту президентского самолета после визита в Асуан, характеризуя общее состояние американо-египетских отношений, заявил: «Насколько мне известно, нет никаких разногласий, которые, например, разделяли бы нас и А. Садата» [22, II.1978, с. 17].

С середины 70-х годов Египет окончательно отошел от борь-

бы за ликвидацию последствий израильской агрессии, за урегулирование ближневосточного конфликта на справедливых для всех участников этого конфликта условиях. В сентябре 1975 г. Каир под нажимом США заключил с Тель-Авивом соглашение о втором этапе разъединения войск на Синае. Эта сепаратная сделка не решила ни одну из коренных проблем ближневосточного урегулирования. Однако она установила прямое военное присутствие США на Синае в форме вводимой в этот район по условиям соглашения группы американских специалистов (200 человек) для обслуживания постов радиотехнической разведки. В документе «Заверения правительства США Египту», подписанном государственным секретарем Г. Киссинджером и египетским министром иностранных дел И. Фахми 1 сентября 1975 г., указывалось, что «в случае нарушения Израилем Соглашения о разъединении Соединенные Штаты готовы консультироваться с Египтом о серьезности этого нарушения и возможных корректирующих мерах со стороны Соединенных Штатов». В том же документе Вашингтон подтвердил «свою политику помощи Египту в деле его экономического развития» [23, с. 253]. Тем самым в 1975 г. было юридически закреплено сближение Египта с США. Подписание Египтом камп-дэвидских документов в сентябре 1978 г. и договора о «мире» с Израилем в марте следующего года завершило переход Каира в лагерь империализма и сионизма. Президент Дж. Картер заявлял, что «Египет является нашим союзником и другом» [95, 27.II.1978, с. 339].

Что касается отношений США и Египта в сфере экономики, то провозглашенная А. Садатом политика «открытых дверей», осуществленные Каиром в 1970—1980 гг. законодательные и другие меры по поощрению частного сектора египетской экономики, реорганизации валютной системы, гарантированию иностранных капиталовложений, предоставлено иностранным вкладчикам особых привилегий и льгот (в том числе прав на свободную репатриацию прибылей и капиталов) и на приобретение контрольных пакетов акций в египетских предприятиях, открыли путь для проникновения частного американского капитала в экономику страны. Были заключены соглашения между США и Египтом о гарантировании частных американских капиталовложений, об устранении практики двойного налогообложения американских предпринимателей в Египте и др. В Египте были открыты филиалы 50 американских промышленных компаний и банков, велось сооружение промышленных объектов с помощью частного американского капитала, усилилось сближение Каира с рынком США, работали около 5 тыс. американцев [313, 31.VII.1980].

При режиме А. Садата США впервые в истории американо-египетских отношений начали осуществлять широкую программу «экономической помощи» Египту. При этом Вашингтон дал

А. Садату официальные заверения в том, что эта помощь будет носить долгосрочный и постоянный характер. Уровень правительственной помощи США Египту составлял в 1975—1980 гг. в среднем 1 млрд. долл. в год [318, 28.VII.1980]. В связи с подписанием А. Садатом в марте 1979 г. сепаратного договора о «мире» с Израилем вашингтонская администрация выделила Египту 300 млн. долл. в виде дополнительной «экономической помощи» на три года. Помощь США служила рычагом американского неокOLONиализма, она являлась своего рода поощрительной платой режиму А. Садата за его переход в лагерь империализма и реакции. Зафиксированные в двухсторонних соглашениях между США и Египтом условия предоставления помощи предопределяли ее использование на цели консолидации союза монополистического капитала США с египетской буржуазией, создание благоприятного инвестиционного климата для монополий, оказания империалистического воздействия на внешнюю политику страны. Акцент в программах помощи делался не на вызволение Каира из трясины экономических трудностей, а на его привязывание к капиталистическому хозяйству США, подрыв государственного сектора и развитие частно-капиталистических устоев в египетской экономике, отрыв Египта от сотрудничества со странами социалистического содружества, приковывание узами финансовых связей к консервативным режимам зоны Персидского залива. Выделявшиеся США средства направлялись на покрытие дефицита египетского платежного баланса, финансирование поставок из США потребительских товаров, сырья, удобрений, транспортных средств, некоторых видов машин и оборудования, оплаты технических консультативных услуг.

Правительственная помощь США не расходовалась на развитие индустриализации страны, сооружение промышленных предприятий в государственном секторе. США содействовали осуществлению лишь тех «программ развития» (электрификация и реконструкция городов, в том числе в зоне Суэцкого канала, расчистка этого канала и т. д.), которые позволяли Вашингтону пожирать политические дивиденды и удерживать у власти режим А. Садата.

Правительство Египта заявляло о планах «восстановления» египетской экономики путем привлечения правительственной помощи и частных капиталов США. Со своей стороны, США также заявляли об укреплении египетской экономики с помощью развития частного сектора и инвестирования американских капиталов. Жизнь, однако, не оправдала расчетов египетских лидеров на решение неотложных экономических проблем страны по американским рецептам. «Открытие дверей» перед США и правой арабской реакцией нанесло огромный ущерб египетской экономике, резко усилило темпы роста инфляции и безработицы, привело к росту бюджетного дефицита и опуты-

ванию страны сетью долговых обязательств, еще более упрочило зависимость Египта от Запада как в экономической, так и в политической сферах. В 1980 г. внешний долг Египта (не считая задолженности по военным поставкам) достиг 12 млрд. долл. Не реализовались расчеты египетского руководства на крупный и выгодный Египту приток частных капиталов из США. Американские монополии отказывались рассматривать Египет в качестве многообещающей сферы бизнеса. Они учитывали неустойчивость внутривнутриполитического положения в стране, неплатежеспособность каирского режима, неконвертируемость местной валюты, отсутствие достаточно крупных ресурсов нефти или иного сырья, сулящего высокую норму прибыли, слаборазвитость экономической инфраструктуры и т. д. Серьезным ударом по египетской экономике явились совместные экономические репрессалии арабских стран против Египта, предпринятые в связи с капитулянтским курсом А. Садата (в том числе и лишение Каира финансовой помощи арабских государств).

Можно констатировать, что египетский режим превратился в пособника и партнера США. Он подключился к камп-дэвидской стратегии Вашингтона, подписал капитулянтский «мирный договор» с Израилем, занял предательскую позицию по палестинской проблеме, отмежевался от ООП, прекратил помощь этой организации, направлял свои экспедиционные силы в ряд африканских и ближневосточных стран в неокOLONиалистских целях.

Исторический опыт свидетельствует о том, что политика США в отношении Египта, определявшаяся интересами империализма и сионизма, была всегда глубоко враждебной египетскому народу. Нельзя совместить с интересами Египта пособническую роль США в израильской агрессии 1948—1949, 1956, 1967 и 1973 гг., поставки Израилю громадных количеств новейших наступательных вооружений, сыгравших решающую роль в том, что Египту не удалось изгнать оккупантов со своей земли, использование Соединенными Штатами в Совете Безопасности ООН права вето при голосовании резолюций, осуждавших агрессивные акции Израиля против сопредельных арабских стран, и т. д. Уроки недавнего прошлого не были приняты во внимание в Каире. Свою ориентацию на союз с Вашингтоном египетское руководство оправдывало тем, будто США «держат в своих руках 99% карт на Ближнем Востоке» [317, 2.VI.1980, с. 60]. Однако стремление Каира приписать США роль вершителя судеб ближневосточного региона явно несостоятельно. Оно принижает громадную роль СССР в деле противодействия агрессии империализма и сионизма, сводит на нет действия самих арабских народов (в том числе и египетского), их жертвы, понесенные в ходе войн против Израиля.

## Иранское звено в неоколониалистской политике США и его разрыв

В системе правых режимов Вашингтон весьма важную роль отводил Ирану. Вплоть до свержения шахского режима в 1979 г. Иран был крупным стратегическим форпостом США на Ближнем и Среднем Востоке. Это государство являлось империалистическим «силовым центром», выполнявшим военные планы американского империализма в районе Персидского залива и Индийского океана. Оценивая значение Ирана для США, Дж. Картер в выступлении 20 февраля 1979 г. в Атланта сказал, что «Иран — это одна из важных стран, расположенных в имеющем важное значение районе мира. Иран — непосредственный сосед Советского Союза, это крупная нефтедобывающая страна, которая расположена рядом с главной артерией мировой торговли нефтью» [95, 26.II.1979, с. 302].

Во-первых, Вашингтон рассматривал Иран как стратегический плацдарм, обеспечивающий военное присутствие США на южных рубежах СССР и служивший как бы «буферной зоной» между Советским Союзом и государствами бассейна Персидского залива. Во-вторых, Иран со своими обученными США вооруженными силами был империалистическим жандармом в зоне Персидского залива. После вывода в 1971 г. из этого района английских войск он служил своего рода «гарантом» сохранности консервативных режимов, участвовал в вооруженных акциях империализма против освободительных движений в районе Персидского залива и Красного моря. Так, в 1973—1978 гг. иранский шах направил войска на борьбу с повстанцами Дофара (Оман), он помогал режиму Сомали в его агрессии против Эфиопии в 1977—1978 гг. В-третьих, на Иран были возложены функции обеспечения «безопасности» морских нефтегазотранспортных коммуникаций, проходящих через Персидский залив (по заливу перевозится около 90% всей ближневосточной нефти) и обеспечивавших вывоз арабской и иранской нефти в США и в западноевропейские страны НАТО [305, 27.XI.1978, с. 48]. Иранские ВМС, оснащенные американской военной техникой, выполняли патрульную службу в Ормузском проливе, являющемся ключевым стратегическим районом на маршруте выхода из Персидского залива. В-четвертых, шахский Иран, наряду с Саудовской Аравией, рассматривался в качестве основы замышлявшегося империализмом нового военно-политического блока на Ближнем и Среднем Востоке.

Между США и Ираном сложились отношения, равнозначные наличию между ними военно-политического союза. В выступлении в Вашингтоне 15 ноября 1977 г. в честь шаха Ирана Дж. Картер охарактеризовал отношения между обеими стра-



нами как «непоколебимый военный союз» [95, 21.XI.1977, с. 1785]. Этот союз был основан на данных шаху односторонних гарантиях Вашингтона, а также на двух- и многосторонних соглашениях. Так, фактические американские военные обязательства Ирану были зафиксированы в заявлении Белого дома от 16 ноября 1977 г. об итогах переговоров Дж. Картера и шаха в Вашингтоне. В заявлении выражалась поддержка со стороны США того, «чтобы Иран был сильным». Говорилось, что «безопасность Ирана является для США вопросом первоочередной важности» и что президент США информировал шаха о своем намерении в сотрудничестве с конгрессом удовлетворять потребности Ирана в обеспечении его безопасности [22, 26.XII.1977, с. 912]. Кроме взаимных обязательств в рамках блока СЕНТО военные отношения между США и Ираном регулировались двухсторонним «Соглашением о сотрудничестве», подписанным 5 марта 1959 г. в Анкаре. В этом документе говорилось, что «в случае агрессии против Ирана правительство Соединенных Штатов предпримет соответствующие взаимосогласованные с Ираном меры, включая использование американских вооруженных сил» [281, с. 95]. Соглашение до свержения иранского монархического режима трактовалось в США как гарантия военной поддержки Ирана со стороны США, если в этом возникнет необходимость (в октябре 1979 г. правительство Ирана аннулировало это соглашение).

Иран также рассматривался Соединенными Штатами в качестве объекта эксплуатации нефтяных ресурсов. В 1978 г. уровень нефтедобычи в Иране составил 255 млн. т (в 1977 г. — 282 млн. т), а объем разведанных запасов был 8 млрд. т [277, с. 38]. Монополии международного консорциума по эксплуатации иранской нефти вывезли из Ирана (1954—1979) около 2,5 млрд. т нефти [302, 28.I.1980]. Иранская нефть служила важным компонентом капиталистического нефтяного рынка. Удельный вес этой нефти в общем объеме нефтяного импорта США составлял 8—9%. Вашингтон использовал шахский Иран в качестве орудия подрыва антиимпериалистического единства ОПЕК. Иран проводил в ОПЕК линию на замораживание цен на нефть, он выступал против повышения цен как средства борьбы против империализма. Иран использовался Вашингтоном как источник притока нефтедолларовых капиталов в США, как емкий рынок для американского промышленного экспорта и экспорта военной техники.

Между США и Ираном установились «особые отношения». В Вашингтоне сложилось сильное прошахское лобби. Видными защитниками шахского режима были семья Рокфеллеров, государственный секретарь Г. Киссинджер, помощник президента Дж. Картера по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский. Рокфеллеровский банк «Чейз Манхэттен» использовался для депонирования иранских нефтедолларов, а

также валютных средств шаха. В заявлении Белого дома в связи со встречей между Дж. Картером и шахом в Вашингтоне 16 ноября 1977 г. говорилось: «Президент подтвердил, что он полностью поддерживает особые отношения, которые обе страны развили в последние более чем 30 лет, и выразил свое личное обязательство укреплять и дальше эти связи. Президент подчеркнул широкую взаимозависимость интересов США и Ирана в регионе и в глобальном масштабе» [95, 21.XI.1977, с. 1782].

Между обеими странами поддерживались тесные политические связи на всех уровнях, причем особенно интенсивные — на высшем. Иранский шах практически каждый год совершал паломничество в Вашингтон для переговоров с президентом США. Со своей стороны, Р. Никсон в мае 1972 г. и Дж. Картер в январе 1978 г. посетили Тегеран. В Иране неоднократно были вице-президент Н. Рокфеллер, государственные секретари Г. Киссинджер и С. Вэнс, другие руководители американской администрации. Основные вопросы американо-иранских отношений решались на высшем уровне — в ходе встреч шаха с президентами и государственными секретарями США. Весьма интенсивными были американо-иранские связи в военной, политической, научно-технических сферах. Иран был наиболее крупным торговым партнером США на Ближнем и Среднем Востоке. Тесное партнерство между двумя странами, как указал заместитель государственного секретаря США по ближневосточным делам А. Атертон, было закреплено в «многочисленных двухсторонних соглашениях в различных областях» [22, 15.XII.1975, с. 862].

В феврале 1979 г. в Иране одержала победу народная, антиимпериалистическая революция. Был ликвидирован шахский режим. Утверждена новая структура государственной власти — буржуазно-исламская парламентская республика. После свержения шаха политическая обстановка в Иране оставалась сложной и напряженной. Многие поставленные революцией задачи, в первую очередь в сфере внутренней жизни страны, не были решены. Не были пресечены происки империализма и внутренней реакции, проходили процессы поправления в политической и социально-экономической жизни страны, имели место проявления антисоветизма. Соединенные Штаты, опираясь на свою агентуру и связи с иранской буржуазией, отнюдь не оставили расчетов на реставрирование в Иране старых порядков и своих господствующих позиций. Однако значимость иранской антиимпериалистической революции для дела национально-освободительной борьбы народов региона трудно переоценить. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС сказал: «Особый характер имеет революция в Иране, которая стала крупным событием в международной жизни последних лет. При всей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериалистическая революция, хотя внутрен-

няя и внешняя реакция стремится изменить этот ее характер» [6, с. 13].

Если говорить об истоках событий в Иране, то развертывание в этой стране борьбы против шахского режима было вызвано рядом внутренних и внешних факторов. В числе внутренних факторов — недовольство широких слоев населения, особенно рабочего класса, низким жизненным уровнем, быстрым ростом стоимости жизни, безработицей, коррупцией и деспотизмом правительственного аппарата и шахского двора, царившим в стране беззаконием и произволом, углублением социальных контрастов, несправедливым распределением доходов от нефти, львиная доля которых расходовалась на нужды шаха и его двора, на закупку американского вооружения и военные приготовления. В числе причин внешнего порядка — недовольство народных масс сохранением американского господства в Иране, продолжением разграбления нефтяными ТНК главного национального богатства Ирана — нефти, засильем в стране американской военщины, антинациональным курсом шахской внешней политики. Шахский Иран поддерживал отношения с Израилем, он занимал антиарабскую позицию в арабо-израильском конфликте, получал помощь от израильских экстремистов в оснащении тайной полиции САВАК, снабжал нефтью израильскую военную машину. За счет поставок иранской нефти удовлетворялось 60—70% потребностей Израиля в жидком горючем. Иран отказался использовать нефтяное оружие против США в 1967 и 1973 гг. в связи с пособнической ролью Вашингтона в израильской агрессии, как это сделали арабские государства, выступал против удовлетворения неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины, не признавал Организацию освобождения Палестины. Шахское правительство поддержало империалистическую стратегию Кэмп-Дэвида.

Резко антиамериканский ракурс революционной борьбы в Иране определялся тем, что иранцы хорошо понимали, кто поощрял и поддерживал репрессивные действия шаха. Именно США воссоздали шахский режим со всеми его антинародными атрибутами и аппаратом насилия. В августе 1953 г. разведывательные ведомства США организовали заговор против конституционного правительства Национального фронта, возглавлявшегося М. Мосаддыком, который еще тогда предпринял попытку ограничить шахскую власть. Заговор против М. Мосаддыка был вооруженной акцией американского империализма против правительства, национализировавшего одну из крупнейших нефтяных компаний капиталистического мира — Англо-иранскую нефтяную компанию (АИНК) — близкого партнера нефтяных монополий США. Поставленный Вашингтоном у власти ультраправый режим генерала Ф. Захеда вернул на трон шаха, который нашел убежище от собственного народа в монархическом Ираке. После 1953 г. Вашингтон сделал все, чтобы

создать в Иране проамериканский режим шахской диктатуры. Соединенные Штаты оснастили иранскую политическую полицию САВАК, они вооружили Иран современным оружием и превратили иранскую армию (400 тыс. человек) в самую крупную военную машину региона. Фактическое командование иранскими вооруженными силами осуществляли американские советники. США господствовали в иранской нефтепромышленности. Американский журнал «Форин Полиси» отмечал, что шах «полностью связал свой режим с американской внешней политикой и принял помощь США в создании жестокого аппарата внутренней безопасности. К 1960 г. шах стал символом американского господства в Иране» [310, весна 1979, с. 7].

Характеризуя причины и истоки нарастания антишахского движения в Иране, заместитель госсекретаря США по делам Ближнего и Среднего Востока Г. Сондерс в выступлении в конгрессе США 17 января 1979 г. был вынужден признать, что «наиболее важными причинами недовольства были всенародное возмущение широко распространившейся коррупцией, жестокими репрессиями, некомпетентностью в высших сферах, пренебрежительным отношением к глубоким религиозным чувствам населения, нарушением равновесия между доходами и расходами, недостатками в планировании и осуществлении амбициозных программ, ростом безработицы в городах по мере того, как начал идти на убыль строительный бум, недостаточными возможностями трудоустройства для растущего числа выпускников высших учебных заведений; принесением в жертву гражданских программ ради военных закупок; высокими темпами инфляции, которые опережали рост заработной платы и срывали надежды на неуклонное повышение уровня жизни» [22, II.1979, с. 46]. Характерно, что это признание исходит от деятеля, который в период свержения иранского монархического режима возглавлял в посдепартаменте США управление, прямо ответственное за разработку и проведение политики США в отношении Ирана.

Истоки революционной ситуации в стране были настолько очевидными, что президент Дж. Картер был вынужден публично признать неподвластность Соединенным Штатам тех фундаментальных сдвигов, которые произошли в этой стране.

События в Иране вылились в широкое общенародное движение за ликвидацию шахского режима, изгнание Соединенных Штатов из политической, экономической и военной жизни страны, установление полного национального суверенитета над нефтью, создание республиканской формы правления и демократизацию страны в целом. В ходе революционной борьбы произошло объединение различных слоев иранского общества на базе антимонархических, антиимпериалистических и антиамериканских лозунгов. У руководства движением стояли политико-религиозные круги Ирана. В революционном движении

принимали участие рабочие, крестьяне, служащие, национальная буржуазия, интеллигенция, студенческая молодежь, исламское духовенство. Журнал «Форин Аффферз» отмечал, что «в 1978 г. оппозиция политическому правлению шаха в Иране приняла форму массового движения и в течение года восстания произошли в сотнях деревень, больших и малых городах» [309, зима 1978—1979, с. 323]. Народная партия Ирана, находившаяся с 1949 г. в подполье и подвергавшаяся гонениям при шахском режиме, другие национально-патриотические организации сыграли большую роль в проведении вооруженной и политической борьбы на завершающем этапе революции и в обеспечении успеха вооруженного восстания в Тегеране 10—11 февраля 1979 г. (см. [179, с. 240]).

Революционные силы использовали различные формы борьбы: политические, вооруженные, забастовочные. Стихийные выступления различных кругов населения в первой половине 1978 г. трансформировались в общенациональные политические демонстрации и забастовки в ключевых отраслях экономики и сферах государственного управления в конце 1978 — начале 1979 г., а также в вооруженные выступления против шахского режима. Важную роль в антиимпериалистической борьбе сыграли забастовки в ведущей отрасли иранской экономики — нефтяной промышленности. В результате был вначале резко сокращен, а затем (к концу 1978 г.) полностью прекращен экспорт нефти в США, Западную Европу, Японию, Израиль, ЮАР. Государственная власть в стране оказалась фактически парализованной. Шахские правительства премьер-министров Дж. Шариф-Имами, Г. Азхари, Ш. Бахтияра, опиравшиеся на вооруженные силы, оказались в глубоком политическом вакууме. В январе 1979 г. шах был вынужден покинуть страну.

10—11 февраля 1979 г. в результате активных вооруженных выступлений народа, руководимых национально-патриотическими силами и организациями, было свергнуто последнее шахское правительство Ш. Бахтияра. Реальная власть в стране перешла к Исламскому революционному совету, в состав которого вошли политико-религиозные лидеры Ирана во главе с аятоллой Р. Хомейни. Было учреждено временное правительство Ирана, которое представляло круги иранской национальной буржуазии, стоявшие в оппозиции к шахскому режиму. В дальнейшем на национальном референдуме была одобрена конституция Исламской Республики Иран (текст см. [315, весна 1980, с. 184—204]), проведены выборы президента и парламентские выборы, учреждено подотчетное парламенту правительство. В июле 1980 г. был распущен Исламский революционный совет. Формой государственной власти в Иране стала исламская республика; этим понятием прикрывалось установление в стране националистического режима, главами которого были высшие руководители шиитского духовенства. В целом ре-

волюция не привела к ликвидации в Иране капиталистического строя и установлению демократической, общенародной системы государственной власти. Реальная власть в стране перешла в руки исламских клерикальных кругов, которые прибегали к широкому использованию антиимпериалистических, антиамериканских лозунгов для укрепления своих позиций внутри страны.

В период антишахского движения в Иране США с помощью широкого диапазона средств политического и военного нажима осуществляли политику всесторонней поддержки шаха, хотя это противоречило четко выраженной воле подавляющего большинства иранского народа. Вашингтон на первых порах оказывал шаху безоговорочную морально-политическую поддержку, направлял в Иран своих специалистов по подавлению «беспорядков», посылал жандармское оборудование и снаряжение для подавления народных выступлений. Во время усиления накала революционной борьбы Дж. Картер 10 сентября 1978 г. заявил о поддержке шаха и продаже Ирану очередной партии оружия, включая самолеты-истребители. 31 октября 1978 г. президент вновь заявил о поддержке шаха [290, с. XV]. На оказание поддержки шаху были нацелены военные демонстрации США, которые подтянули в зону Персидского залива свои ВМС, прибегали к упрекам осуществить прямое вооруженное вмешательство в Иране для спасения шахского режима, подавления освободительного движения иранского народа. При всем этом руководители вашингтонской администрации представляли дело так, будто США не вмешиваются и не намерены вмешиваться во внутренние иранские дела.

Американский курс на поддержку шахского режима в условиях острого накала антиимпериалистической борьбы был негибкой, узкоклассовой политикой американского империализма, стремившегося любыми путями сохранить в Иране реакционный, антинародный строй. Хотя этот курс вызывал критику в Иране, а также со стороны союзных с США стран, однако он, по признанию Вашингтона, оставался будто бы единственно приемлемой альтернативой для США. Лишь с начала 1979 г., когда стало очевидным, что дни шаха сочтены, Вашингтон попытался осуществить маневр по сохранению шахского режима, но без шаха. По настоянию Вашингтона шах выехал в январе 1979 г. из страны, а США развернули закулисную работу с иранскими оппозиционными кругами, в том числе с руководителями Национального фронта и с политико-религиозными лидерами, с целью сформировать в рамках шахской конституции и существовавших государственных институтов «центристское» пражданское правительство с включением в его состав «умеренных» оппозиционных сил. Одновременно Вашингтон не сбрасывал со счетов и возможности организации военного заговора с целью обезопасить захват власти проамериканской милитарист-

ской верхушкой. Однако победа революции сорвала все эти планы США.

После победы антиимпериалистической революции в феврале 1979 г. Вашингтон срочно переключился на завязывание контактов с послереволюционными центрами власти в Иране — Исламским революционным советом и временным правительством. Уже 16 февраля 1979 г. (через несколько дней после победы революции) США заявили о признании временного правительства М. Базаргана. Строились расчеты на то, что послереволюционный Иран в связи со значительной привязкой его военно-экономической инфраструктуры к США будет заинтересован в возобновлении деловых отношений с Соединенными Штатами, получении американской технической и военной помощи, продолжении экспорта своей нефти на американский рынок. Одновременно с этим в условиях послереволюционной остроты и напряженной обстановки внутри страны, размежевания классовых сил Вашингтон стремился инспирировать в Иране политический кризис, помешать углублению антиимпериалистических преобразований, изолировать левые силы.

Во второй половине 1979 г. и в течение всего 1980 г. США осуществляли нажим на Иран в целях подрыва антиимпериалистического движения и восстановления в этой стране проамериканского режима. В качестве постоянно действующего предлога для грубого нажима и военных провокаций против Ирана Вашингтон использовал задержание иранскими студентами в ноябре 1979 г., в качестве контрмеры против американской поддержки свергнутого шаха, группы дипломатического персонала посольства США в Тегеране. Вопрос об американских заложниках стал принципиальным вопросом политики США в Иране. Вокруг «задержания заложников» Белым домом был раздут милитаристско-шовинистический психоз, служивший целям «сплотить» вокруг президента американскую нацию и укрепить предвыборные позиции Дж. Картера. США сделали ставку на дестабилизацию положения в Иране, организацию заговоров, инспирирование экономических и других трудностей, свержение режима Хомейни. Выпыхнувший в сентябре 1980 г. вооруженный конфликт между Ираном и Ираком был использован Вашингтоном для ослабления этих двух государств, попыток реставрации там своих политических позиций. Пентагон разрабатывал различные варианты вооруженной агрессии против Ирана, в числе которых были бомбардировка нефтяных объектов, портов и аэродромов, политико-религиозных центров, блокада вывоза иранской нефти и т. д. Вашингтон усилил фронтальный дипломатический нажим на Иран, предпринял попытки использовать в этих же целях Совет Безопасности ООН и Международный суд.

В ноябре 1979 г. по решению президента Дж. Картера были заморожены все иранские правительственные авуары в бан-

ках США и их иностранных филиалах [22, XII.1979, с. 50], общая сумма которых составляла 8 млрд. долл. [311, 2.VI.1980, с. 46]. Прекращена американская военная и экономическая помощь Ирану, а также импорт в США иранской нефти. В апреле 1980 г. США разорвали с Ираном дипломатические отношения, ужесточили экономические репрессалии. Был запрещен экспорт в Иран всех американских товаров, включая продовольствие и медикаменты. Наложены запрет на въезд в США иранских граждан и на поездки в Иран американцев [22, V.1980, с. 1—2]. В конце апреля 1980 г. была осуществлена милитаристская провокационная акция по «спасению заложников», окончившаяся полным провалом. Почти прекратились экономические отношения между США и Ираном, резко сократился торговый оборот. Действия США по блокированию иранских авуаров показали, насколько уязвимой является экономика стран — экспортеров нефти, односторонне привязанных к США, как она зависит от политической конъюнктуры.

Однако к концу 1980 г. стало ясно, что империалистическая блокада Ирана не сработала. США не смогли в полной мере привлечь своих союзников к проведению репрессалий против Ирана. «Американские союзники, — констатировал журнал „Тайм“, — игнорировали обращение Дж. Картера об оказании поддержки в борьбе против Ирана» [321, 21.IV.1980, с. 10]. Все это вынудило Вашингтон прибегнуть к дипломатическим методам решения вопроса об освобождении заложников (вопрос был решен в январе 1981 г. — за несколько дней до ухода Дж. Картера из Белого дома).

В целом американский империализм не смог справиться с освободительной борьбой иранского народа, Вашингтон оказался не в состоянии, несмотря на вооруженную до зубов и управляемую им иранскую армию и существование американских военных гарантий шаху, взять под контроль развитие событий в стране. Победа иранской революции свидетельствовала о дальнейшем углублении кризиса интервенционистской политики США, Вашингтон не смог прибегнуть к «дипломатии канонерок» для подавления антиимпериалистических сил.

Свержение шахского режима явилось крупным морально-политическим и военно-стратегическим поражением США, ослабившим фронт империализма на Ближнем и Среднем Востоке и в развивающихся странах в целом. Победа антиимпериалистической революции превратила Иран из участника империалистических военных блоков в неприсоединившееся государство, члена движения неприсоединения. В марте 1979 г. Иран денонсировал договор об участии в СЕНТО [302, 14.III.1979]. Выход Ирана из СЕНТО привел к развалу этого блока, служившего опорой американского неокOLONиализма. Распался военный союз между Ираном и США, аннулированы американско-иранские военные соглашения, прекратились постав-



ки американского вооружения, из Ирана были эвакуированы военные миссии США. Ликвидированы американские базы радиотехнической разведки, нацеленные на сбор информации о СССР. Распался блок Тегеран — Эр-Рияд. «Революция в Иране, — поворилось в годовом обзоре журнала „Форин Аффэрз“ за 1979 г., — разрушила то, что в течение десятилетий было главной опорой американской политики в регионе. Локальная держава, на которую США опирались в поддержании доступа к нефти Персидского залива, за одну ночь была превращена в убежденного врага США» [153, с. 449].

Потерпели провал амбициозные планы США превратить Иран в империалистическую «мини-державу». Послереволуционный Иран стал проводить антиимпериалистический курс. Он осудил сепаратный «мирный договор» между Египтом и Израилем, разорвал дипломатические отношения с Египтом, прекратил связи с Израилем, наладил контакты с ООП, подверг критике американские интервенционистские угрозы в Персидском заливе и «доктрину Картера». Свержение иранского монархического режима нанесло ощутимый удар по нефтяным интересам США и других капиталистических государств. Иранское правительство взяло в свои руки все нефтяные операции в Иране, окончательно упразднило международный консорциум по эксплуатации иранской нефти [290, с. 99, 116]. Иран резко сократил добычу и экспорт своей нефти на мировой рынок. Если при шахском режиме нефтеэкспорт Ирана достигал 230 млн. т в год, то к середине 1980 г. он упал до годового уровня в 25 млн. т [318, I.VI.1980]. Все это в числе ряда других факторов стимулировало процессы повышения мировых цен на нефть и обострения энергетических трудностей в США. После революции Иран примкнул к левому, антиимпериалистическому крылу ОПЕК, которое настаивало на крупномасштабных и регулярных повышениях цен на нефть.

Иранское правительство пересмотрело приоритеты в развитии экономики страны, осуществило национализацию ряда ключевых отраслей промышленности. Американские монополии потеряли почти все инвестированные в Иране капиталы. Кроме того, они потеряли размещенные в США шахским режимом многомиллиардные заказы на создание атомной энергетики и развитие военно-экономической инфраструктуры (военные порты и базы, крупные промышленные объекты и др.). Монополии военно-промышленного комплекса США («Грумман», «Локхид», «Боинг», «Нортроп», «Макдоннел Дуглас» и др.) лишились емкого и выгодного им рынка сбыта американской военной техники. В 1979 г. американский коммерческий экспорт в Иран сократился на 72% по сравнению с предыдущим годом [323, 13.VIII.1979, с. 70].

События в Иране продемонстрировали демагогический и лицемерный характер развернутой Дж. Картером кампании во-

круг вопроса о «защите прав человека». Американский президент заявлял об «универсальности» его установки на «защиту прав человека». Однако практические действия США в Иране не оставляют камня на камне от теории «универсальности». С самого начала освободительной борьбы иранского народа и до полного крушения шахского режима Вашингтон, невзирая на жестокий террор и репрессии шаха, неуклонно поддерживал его режим. Дж. Картер заявлял, что «режим шаха имеет большое значение для всего западного мира», и что США «поддержат любые действия шаха по наведению порядка». Здесь как и в случае с хунтой Пиночета в Чили или с военно-диктаторским режимом в Южной Корее моралистские проповеди Белого дома о «защите прав человека» оказались лишь пустым звуком; они были выброшены за борт во имя интересов военной стратегии и внешней политики США.

### **США и антиимпериалистические страны ближневосточного региона**

Политика США в отношении антиимпериалистических государств региона была в целом враждебной. Исходя из классовых, империалистических интересов, из расчетов на изоляцию Ближнего и Среднего Востока от национально-освободительных движений, вашингтонская администрация проводила курс на подрыв и ослабление антиимпериалистических правительств, замену их режимами правой ориентации, возврат в орбиту внешней политики Запада. Вместе с тем в обстановке разрядки международной напряженности, усиления антиимпериалистической направленности движения неприсоединения, роста сил мира и возможностей государств социалистической системы оказывать действенную помощь национально-патриотическим силам Вашингтон диверсифицировал средства борьбы против антиимпериалистических правительств. Наряду с прежними силовыми приемами все чаще использовались более «гибкие» формы давления. Так, США шли на некоторые уступки в экономической сфере, делали акцент на попытках поощрения внутренней «трансформации» политики антиимпериалистических государств в направлении сотрудничества с империализмом и арабской реакцией. Вашингтон с начала 70-х годов стремился развивать политические и экономические отношения с этими государствами, привлекать их к сотрудничеству с Соединенными Штатами обещаниями об увеличении помощи, а также расширении торговли.

Соединенные Штаты уделяли большое внимание отношениям с Сирией, которая считалась важным с точки зрения ее стратегического расположения государством региона [22, IV.1980, с. 52]. Основная направленность американской поли-

тики в отношении Сирии оставалась неизменной. Это прежде всего стремление Вашингтона поставить у власти в Дамаске прозападный режим, помешать курсу правительства Х. Асада на укрепление политической и экономической независимости страны и развитие отношений с СССР, подорвать проводившуюся этим правительством политику борьбы против империализма, сионизма и неокOLONиализма. Но методы, с помощью которых Вашингтон пытался проводить такой курс, стали более гибкими.

С одной стороны, администрация США, ориентируясь на сирийские буржуазные круги, стремилась к развитию двухсторонних отношений с Сирией. В 1974 г. США добились восстановления с этой страной дипломатических отношений, разорванных сирийской стороной в 1967 г. В июне 1974 г. президент Р. Никсон посетил Дамаск с официальным визитом. В 1974—1975 гг. государственный секретарь Г. Киссинджер регулярно бывал в Сирии в рамках своей «челночной дипломатии». В мае 1974 г. Сирия при активном посредничестве США заключила с Израилем соглашение о разъединении войск обеих сторон в районе Голанских высот. Президент Дж. Картер 22 апреля 1977 г. принял в Вашингтоне сирийского министра иностранных дел А. Хаддама; 9 мая 1977 г. он имел встречу в Женеве с президентом Х. Асадом.

В 70-х годах США отошли от своей прежней линии на отказ от предоставления помощи Сирии. С 1972 г. Сирии стала оказываться американская экономическая помощь в форме безвозвратных субсидий и займов; в 1975—1979 гг. ежегодный объем этой помощи был на уровне 90 млн. долл. В 1980 г. в связи с активной борьбой Сирии против кэмп-дэвидской стратегии помощь США была значительно урезана. Выделявшиеся средства расходовались на закупку в США продовольствия, на оплату американских технических услуг, на финансирование некоторых «проектов развития», на подготовку сирийских специалистов. Помощь США способствовала укреплению американо-сирийских межправительственных связей.

С другой стороны, для нажима на Сирию использовались и более жесткие средства. В 1979—1980 гг. США поддерживали антиправительственную деятельность в Сирии реакционно-мусульманских групп, которые под прикрытием религиозных лозунгов стремились подорвать Национально-прогрессивный фронт, ослабить правительство Х. Асада. В этих же целях использовалась и значительная вовлеченность Сирии в ливанские дела, в частности, дислокация в Ливане с 1977 г. сирийских воинских подразделений (до 25 тыс. человек) в составе «межарабских сил по поддержанию мира». На словах Вашингтон позитивно оценивал действия Сирии в Ливане как направленные против расчленения страны [195, с. 59]. На практике правящие круги США вели дело к тому, чтобы столкнуть Сирию

с Израилем в Ливане, создать там узел перманентной сирийско-израильской конфронтации, ослабить тем самым военный и экономический потенциал Сирии, ограничить ее активность на магистральном направлении борьбы против Израиля, столкнуть на путь поддержки кэмп-дэвидской стратегии. Однако попытки США оказать давление на Сирию получили должный отпор. Сирия отклонила домогательства США об участии в кэмп-дэвидском процессе, она явилась одним из инициаторов создания Национального фронта стойкости и противодействия, укрепила свои отношения с СССР, подписав 8 октября 1980 г. Договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, который вызвал беспокойство в администрации США.

Неприкрытую враждебность США проявляли в отношении Народной Демократической Республики Йемен. Негативную реакцию в США вызывали значительные успехи этого государства: разгром в 1978 г. контрреволюционного мятежа, создание авангардной Йеменской социалистической партии, руководствующейся теорией научного социализма, развитие отношений с СССР и с другими социалистическими странами, усилия НДРЙ добиться объединения страны. Исходя из важного стратегического положения НДРЙ, расположенной по южному периметру Саудовской Аравии и на стратегическом перекрестке морских коммуникаций, ведущих в Красное море, США стремились подорвать прогрессивный режим в Южном Йемене, превратить Северный Йемен в «центр силы», направленный на проведение враждебных действий против НДРЙ. В 70-е годы Соединенные Штаты не имели дипломатических отношений с НДРЙ.

Соединенные Штаты придавали Ираку большое значение в своей политике в ближневосточном регионе. Вашингтон считал Ирак важной страной во многих отношениях. Это — крупный экспортер нефти и выгодный торговый партнер, финансовый центр, весомый компонент сложившегося в регионе военного баланса сил. Курс США в отношении Ирака — это осторожный курс на заигрывание с этой страной, постепенное вовлечение ее в орбиту американской политики, восстановление с ней дипломатических отношений, разорванных Багдадом в июне 1967 г., обеспечение поворота во внешней политике Ирака в сторону сотрудничества с Западом и США. Вашингтон использовал при этом рычаги торгово-экономических связей и поставок оружия, ставку на некоторые гегемонистские, антисоветские (в частности, в вопросе об Афганистане) аспекты в иракской внешней политике, на использование вооруженного конфликта между Ираком и Ираном в целях раскола арабского мира, отвлечения внимания арабов от проблемы ближневосточного урегулирования, противодействия общеарабской борьбе против кэмп-дэвидской политики США.

США добились значительного расширения торговых связей

с Ираком. В 1980 г. экспорт США в эту страну (в основном различное оборудование, в том числе нефтяное) достиг 650 млн. долл. (по сравнению с 300 млн. долл. в 1975 г.) [305, 13.X.1980, с. 41]. За два года (1979—1980) Ирак, ориентируя свой нефтеэкспорт на Запад, повысил уровень нефтедобычи по сравнению с 1977—1978 гг. [317, 9.VI.1980, с. 45]. Были увеличены поставки иракской нефти странам НАТО. Ирак стал вторым по значению (после Саудовской Аравии) поставщиком нефти западным странам. США покупали в Ираке около 1% всей потребляемой ими нефти [22, XII.1980, с. 2]. Ирак не участвовал в общеарабском эмбарго на поставки нефти в США в 1973—1974 гг.; он не вошел в состав Национального фронта стойкости и противодействия, который вел активную борьбу против капитулянтского курса египетского режима.

Но в целом отношения США с Ираком развивались сложно. Иракское правительство, несмотря на усилия США, не пошло на восстановление дипломатических отношений с Вашингтоном, Ирак не спешил с осуществлением и других шагов, направленных на развитие сотрудничества с США в экономической и политической сферах. Он проводил жесткий антиизраильский курс. Располагая значительными ресурсами нефтедолларов, успешно осуществив в 1972—1975 гг. национализацию международной нефтяной компании «Ирак Петролеум» и ее филиалов, иракское правительство в целом придерживалось достаточно автономного и независимого от США политического курса, шло в общем по пути осуществления антиимпериалистических, антиколониалистских шагов в ближневосточном регионе и на мировой арене. Ирак отказывался от инвестирования нефтедолларов в США, а использовал их для решения внутренних экономических задач. Ирак был одним из инициаторов созыва общеарабского совещания на высшем уровне в Багдаде в ноябре 1978 г., на котором были разработаны коллективные политико-экономические санкции арабских стран против Египта в связи с капитулянтским курсом режима А. Садата. В то же время война Ирака против Ирана объективно служила интересам империализма. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС ирано-иракская война была охарактеризована как абсолютно бессмысленная с точки зрения интересов этих государств, но весьма выгодная империализму.

### **«Доктрина взаимозависимости» в действии**

«Доктрина взаимозависимости» была в 70-е годы одной из теоретических основ американского неокOLONИализма. Ключевые положения этой доктрины сформулированы в ряде документов правительств Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера, в докладах «трехсторонней комиссии», в работах американских

ученых (в частности, Ф. Бергстена, Дж. Кэмпбелла, Л. Блумфилда, Н. Чоукри и др.). Ключевым положением доктрины, если ее распространить на район Ближнего и Среднего Востока, был тезис о том, что интересы нефтедобывающих ближневосточных государств по мере возрастания их финансовой мощи должны сближаться с интересами США и других развитых государств — потребителей нефти, взаимно дополнять друг друга. Соответственно должна возрастать заинтересованность производителей нефти в поддержании экономической и финансовой стабильности главных капиталистических держав и в предотвращении в этих странах кризисных потрясений. Интересы стран — производителей и стран — потребителей нефти будут увязываться в единый экономический узел. Ближневосточные государства должны обеспечивать Соединенным Штатам гарантированные долгосрочные поставки нефти по «приемлемым ценам», а США в обмен на нефтедоллары будут осуществлять программы экономического развития этих стран, расширения экспорта, а также поставок им вооружений.

Излагая концептуальную основу «доктрины взаимозависимости», государственный секретарь Г. Киссинджер в выступлении в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1975 г. говорил: «Мы — естественные партнеры, а не противники. Страны-потребители должны иметь надежный доступ к нефти по умеренным ценам. Для того чтобы инвестировать свои новые богатства, обретенные благодаря нефти, страны-производители должны стать главными участниками глобальной финансовой и экономической системы и чтобы обратить свои новые богатства в товары, они должны стать крупными импортерами нашей продукции. Мы готовы сотрудничать со странами Ближнего и Среднего Востока в связывании наших экономик на равных условиях» [22, 20.X.1975, с. 583].

В таком же духе «доктрина взаимозависимости» трактовалась и в работах американских ученых. В подробном исследовании проблем взаимозависимости в сфере энергетики, выполненном Центром по изучению внешнеполитических проблем Массачусетского технологического института, говорилось: «Как производители, так и потребители нефти комплексно связаны; их нужды и требования в значительной степени дополняют друг друга и их способность развивать приемлемую для обеих сторон форму взаимодействия становится самой важной проблемой. Как страны-потребители, так и страны-производители, в сущности, зависят друг от друга — одни в плане доступа к важным ресурсам; другие — доступа к технологии, которая сделает эти ресурсы экономически выгодными, доступа к доходам, получаемым от продажи нефти, и к возможностям инвестирования этих доходов на мировых валютных рынках» [165, с. III].

Классовый смысл «доктрины взаимозависимости» заключал-

ся в установлении и упрочении союза крупного нефтяного капитала США с частным и государственным капиталом ближневосточных государств, в связывании этих стран с судьбами мирового капитализма, закреплении неокOLONиалистских форм их эксплуатации, исключении возможностей проведения ими антиимпериалистической политики на мировой арене. Речь в действительности шла о намерении Вашингтона под прикрытием рассуждений о «взаимозависимости» опутать страны Ближнего и Среднего Востока цепями финансовых обязательств, прочно пристегнуть эти страны к мировому капиталистическому рынку, глубоко внедриться в их экономику, сохранить эти страны в рамках мировой капиталистической системы, обеспечить бесперебойные поставки ближневосточной нефти на рынки Запада в долгосрочном плане и по «приемлемым ценам». «Доктрина взаимозависимости» призвана оправдать борьбу США за захват экономических позиций в развивающихся странах и действия империализма по подрыву революционных, национально-освободительных движений народов, легализовать ориентацию американских ТНК на развитие связей с буржуазией ближневосточных государств на основе общности эксплуататорских, антинародных интересов.

Материализация «доктрины взаимозависимости» означала явный отход Вашингтона от прежних концепций экономических отношений США со странами ближневосточного региона, в соответствии с которыми проводился курс на закрепление нефтедобывающих государств на положении топливно-энергетических придатков Запада со структурой экономики, ориентирующейся главным образом на добычу и экспорт сырой нефти. Теперь США декларировали намерение в какой-то степени содействовать развитию и диверсификации экономики ближневосточных государств за счет их нефтедолларов.

В докладе «трехсторонней комиссии» по проблемам энергетики (1974 г.) был выдвинут тезис о необходимости приспособления Запада к политике нефтедобывающих государств, учитывая их возросшее значение. США, Япония и страны Западной Европы, говорилось в докладе, «должны изыскивать общие и взаимные интересы с нефтеэкспортерами, выходящие далеко за рамки нефти, интересы, которые могут быть продвинуты путем сотрудничества в различных формах — двухстороннего и многостороннего» [34, с. 5]. В докладе излагалась широкая программа развития отношений США, Японии и Западной Европы с нефтедобывающими странами, в том числе меры по мирному урегулированию ближневосточного конфликта, укрепление безопасности в районе Ближнего и Среднего Востока, поддержание существующего баланса сил, недопущение других держав в этот район, поощрение национальных программ развития и создания военной промышленности, ведение переговоров о ценах на нефть и поставках нефти, принятие нефтедолларовых

инвестиций, предоставление нефтедобывающим странам большей роли в международных делах, а также большего числа голосов в Международном банке реконструкции и развития и Международном валютном фонде, установление «особых отношений» с некоторыми из этих стран [34, с. 29—35]. Разумеется, империализм никогда не ставил и не ставит задачу реального экономического развития ближневосточных государств в интересах народов. Речь шла о более прочном и диверсифицированном внедрении американских ТНК в эти страны, обеспечении условий для сохранения этих стран в рамках мировой системы капитализма. Разумеется, американский империализм, как и прежде, ведет линию на то, чтобы сохранить в своих руках монополию на новейшую технологию и научно-технический прогресс в сфере нефтяного производства и других передовых отраслей промышленного развития, на усиление зависимости ближневосточных государств в области технологии.

Задача внедрения «доктрины взаимозависимости» в структуру отношений США со странами Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы была поставлена в повестку дня дипломатии Вашингтона. Активно реализовывался ключевой компонент доктрины — установка о развитии Соединенными Штатами сотрудничества с ближневосточными государствами в торгово-экономической и научно-технической областях. Осуществлялось это, в частности, путем проведения конкретных мер по линии федерального правительства и частного бизнеса США по выполнению «программ развития», включавших сооружение промышленных, военных, энергетических, сельскохозяйственных предприятий и объектов в странах региона. Правительство США выступало как организатор и координатор такого сотрудничества, а также как гарант инвестируемых американскими монополиями финансовых средств. Со своей стороны, частный бизнес в лице транснациональных корпораций США реализовывал (за счет нефтедолларов) конкретные проекты сооружения предприятий, обеспечивал административно-техническое руководство их деятельностью, организовывал сбыт готовой продукции. Кроме того, правительство США по дипломатическим каналам обеспечивало создание необходимой договорно-правовой основы, которая регулировала сферы экономической и технической помощи США, налогообложения, статуса американских капиталовложений, развития взаимной торговли.

Практическим рычагом в реализации программ двухстороннего сотрудничества Вашингтона с ближневосточными государствами в экономической и научно-технической областях стали совместные межправительственные органы — комиссии по сотрудничеству. Такие комиссии США учредили с шахским Ираном (ноябрь 1974 г.), Саудовской Аравией (июнь 1974 г.), Египтом (июнь 1974 г.), Иорданией (июнь 1971 г.). В функции этих комиссий входила организация и координация торгового,



экономического и финансового сотрудничества, научно-технических и культурных связей, регулирование инвестирования частных капиталов, предоставление военной и экономической помощи и т. д. На ежегодных сессиях совместных комиссий, проводившихся на министерском уровне (с американской стороны обычно участвовали государственный секретарь и министр финансов), рассматривались итоги и ход сотрудничества, намечались и принимались новые программы на предстоящий период [315, зима 1977, с. 16—30]. Кроме того, были подписаны соглашения о техническом сотрудничестве США с Ираном (март 1975 г.), Саудовской Аравией (февраль 1975 г.), рядом других стран. В соглашениях были определены общие принципы, порядок и процедуры оказания американской технической помощи, конкретные условия технического сотрудничества по различным направлениям, включая подготовку в США специалистов и руководящих технических кадров ближневосточных государств.

Наиболее широкомасштабное экономическое сотрудничество США осуществляли с Ираном (до свержения шахского режима в феврале 1979 г.) и Саудовской Аравией — странами, являвшимися наиболее крупными источниками нефтедолларов. Основные контуры, конкретные направления и договорно-правовая основа сотрудничества США с Ираном были закреплены в решениях ежегодных сессий совместной американо-иранской комиссии по сотрудничеству, проведенных в 1974—1978 гг. Вашингтон делал все, чтобы вовлечь шахский режим в крупномасштабные долгосрочные программы экономического сотрудничества с США, включая сооружение с помощью американских ТНК крупных промышленных и энергетических предприятий и объектов инфраструктуры на финансовой основе возросших иранских доходов от нефти.

На состоявшейся в марте 1975 г. в Вашингтоне II сессии совместной комиссии США согласовали с Ираном долгосрочную программу экономического сотрудничества, предусматривавшую осуществление при содействии США «проектов развития» общей стоимостью в 12 млрд. долл. В числе их: сооружение крупных атомных электростанций, предприятий нефтехимии, электронной, пищевой и химической промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, а также домостроительных комбинатов, портов, шоссейных дорог и т. д. Кроме того, была достигнута договоренность о значительном расширении традиционного коммерческого товарооборота между США и Ираном и о доведении его суммарного объема за пятилетний период (не считая поставок нефти) до 15 млрд. долл. [22, 31.III.1975, с. 402—404].

Еще более амбициозные решения в сфере развития американо-иранского торгово-экономического сотрудничества были приняты на III сессии совместной комиссии в августе 1976 г. в Тегеране. Было подписано соглашение между США и Ираном

о торговле и техническом сотрудничестве. Общий объем товарооборота между обеими странами за пятилетний период (1976—1980) предполагалось довести до 50 млрд. долл. (с учетом продажи американской военной техники). При этом объем американских поставок в Иран должен был составить 34 млрд. долл. (в том числе гражданских товаров — 24 млрд. долл., вооружения и военных услуг — 10 млрд. долл.). За тот же период Иран должен был реализовать в США своих товаров на 16 млрд. долл., в том числе нефти на 14 млрд. долл. [22, 6.IX.1976, с. 314]. В марте 1975 г. США достигли с Ираном соглашения о продаже ему ядерных энергетических реакторов (восемь реакторов на общую сумму в 7 млрд. долл.) [180, с. 53]. Однако республиканское правительство Ирана отказалось от программы ядерного сотрудничества с Вашингтоном.

В широких масштабах США осуществляли экономическое сотрудничество с Саудовской Аравией. И здесь организующим и координирующим центром в реализации соответствующих программ выступала американо-саудовская совместная комиссия по сотрудничеству. Основные контуры двухстороннего сотрудничества были определены на американо-саудовских переговорах в Вашингтоне (июнь 1974 г.) [22, 1.VII.1974, с. 10—11], а также в ходе ежегодных сессий совместной комиссии. Официальной целью экономического сотрудничества была провозглашена помощь в модернизации и индустриализации Саудовской Аравии со стороны частного американского капитала и правительства США за счет саудовских нефтедолларов.

В 1974—1980 гг. американо-саудовское экономическое сотрудничество, реализуемое на основе контрактов монополий с саудовскими властями и отдельных межправительственных соглашений, нашло свое выражение в развертывании строительства в Саудовской Аравии предприятий в разных отраслях промышленности, а также объектов инфраструктуры. По оценкам печати, общая стоимость пятилетней программы экономического развития Саудовской Аравии (1976—1980), осуществлявшейся при участии США и других западных стран, составляла 141 млрд. долл. [319, весна 1979, с. 136]. В число наиболее крупных промышленных предприятий и объектов создававшейся экономической инфраструктуры входили электростанции, установки по опреснению морской воды, газосборочные установки, заводы нефтехимии и нефтепереработки, нефтепровода, шоссе, аэропорты, автозавод, металлургический завод и др. [311, 31.VII.1978, с. 110].

Реализация «доктрины взаимозависимости» находила свое выражение и в быстром росте объемов американской торговли с ближневосточными государствами. Так, суммарный торговый оборот США со странами Ближнего и Среднего Востока возрос с 1,8 млрд. долл. в 1970 г. до 25,5 млрд. долл. в 1978 г. [294, с. 864—865]. Наиболее значительно увеличилась торговля США

с крупными нефтедобывающими странами (Саудовская Аравия, Иран, Кувейт). Так, за 1970—1978 гг. объем торговли США с Ираном увеличился в 16,6 раза, с Саудовской Аравией — в 60, с Кувейтом — в 9,5 раз (подсчитано по: [294, с. 864—865]). Основными статьями американского экспорта в ближневосточные государства были продовольствие, оборудование (в том числе энергетическое), стройматериалы, транспортные средства, различные виды сырья, военная техника. Значительный рост экспорта США стал возможен в условиях повышения платежных способностей нефтедобывающих ближневосточных государств, а также увеличения их потребности в различного вида промышленном сырье и оборудовании. В американском импорте преимущественную долю занимала нефть. В США обучались около 100 тыс. студентов из стран региона; в этих странах находились 90 тыс. граждан США [70, с. 5]. Заместитель государственного секретаря США по ближневосточным делам Сондерс, выступая 26 июля 1979 г. в палате представителей конгресса США, констатировал, что взаимоотношения между государствами ближневосточного региона и между этими государствами и США характеризуются «резко возрастающей взаимозависимостью» [22, X.1979, с. 45].

Империалистический, антинародный характер «доктрины взаимозависимости» был наглядно продемонстрирован в Иране. Шахский Иран служил «образцовой моделью» этой доктрины. Вашингтон выполнял (разумеется, за нефтедоллары) любые амбициозные запросы шаха в отношении «модернизации» страны, перекраивая традиционные устои жизни иранского общества на западный лад. На выполнение «программ развития» в различных отраслях иранского народного хозяйства, создание военной индустрии были затрачены огромные нефтедолларовые средства. Однако все это несколько не ослабило острейших социально-экономических трудностей и противоречий в Иране, не привело к повышению уровня жизни широких народных масс, к ликвидации отсталых средневековых структур. Наоборот, реализация «доктрины взаимозависимости» сопровождалась в Иране процессами резкого роста инфляции и безработицы, обнищания рабочего класса и крестьянства, поляризации классовых сил. В выступлении в конгрессе США 20 апреля 1977 г. начальник отдела поставок оружия американского Агентства по разоружению и контролю над вооружениями Р. Уилкоккс отмечал, что шах с помощью США реализовывал планы создания иранской авиационной и ракетной промышленности, причем в этих целях предполагалось использовать к 1980 г. до 50 тыс. американских специалистов. «В то время как шах сокращал расходы на социальные нужды и образование, — заявил Р. Уилкоккс, — он форсировал эти дорогостоящие военные проекты». По словам Р. Уилкоккса, все это увеличивало враждебность иранского народа к США, приводило

к убийствам работавших в Иране американских специалистов [38, с. 116]. События в Иране наглядно показали колониалистскую направленность «доктрины взаимозависимости», раскрыли ее полную несостоятельность в решении действительно неотложных экономических и социальных проблем ближневосточных государств.

### **Неоколониалистские маневры Вашингтона вокруг национализации нефти**

Выше уже говорилось, что в первой половине 70-х годов произошел развал концессионной системы империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Была существенно перестроена прежняя система отношений нефтяных монополий с национальными правительствами. Подавляющая часть активов нефтяных ТНК перешла под контроль национальных государств. Соединенные Штаты встречали в штыки все шаги ближневосточных правительств по изменению статуса нефтяных ТНК в регионе; они выступали решительными противниками национализаций нефти, если она проводилась не по рецептам, предписанным Вашингтоном. Американские правящие круги заявляли, что переход ближневосточной нефти под полный контроль национальных государств мог бы лишить США прибыльных источников приложения капиталов и более того (в условиях нарастания энергетических трудностей в капиталистическом мире) поставить под угрозу поставки ближневосточной нефти для удовлетворения потребностей американского внутреннего рынка и военной машины Пентагона. «Защита инвестиций корпораций была фундаментальной и долгосрочной целью внешней политики США», — указывал американский политолог Ч. Липсон [325, IV.1976, с. 408].

Каков же конкретно был подход США к национализации нефти в ближневосточном регионе? Основные критерии подхода США к национализации собственности американских монополий были изложены президентами Р. Никсоном и Дж. Фордом. В заявлении Р. Никсона «О политике США по вопросу об экономической помощи и безопасности капиталовложений в развивающихся странах» от 19 января 1972 г. подтверждалось «право суверенных правительств национализировать иностранную собственность». Однако при этом выдвигалось условие, чтобы национализация осуществлялась «в соответствии с международным правом». Под этим понималось, что национализация не должна носить дискриминационного характера, должна «осуществляться во имя общественной цели и сопровождаться выплатой владельцам этой собственности быстрой, достаточной и эффективной компенсации» [43, с. 55]. При правительстве Дж. Форда государственный департамент США в

заявлении от 30 декабря 1975 г. подтвердил указанную формулу. Было подчеркнуто, что «инвеститоры США имеют право на получение компенсации за свою собственность на основе справедливой рыночной стоимости» [22, 2.II.1976, с. 138].

На практике такая позиция США означала отказ Вашингтона признать национализацию, если она совершалась в результате действий революционно-демократических правительств, предпринимаемых в рамках освободительной борьбы народов, а не путем закулисных переговоров и сделок с монополиями. Что касается требований Вашингтона о выплате владельцам национализированных активов «быстрой, достаточной и эффективной компенсации», то, согласно правовым концепциям США, эта компенсация должна предусматривать не только покрытие балансовой стоимости экспроприированных активов, но в какой-то степени возмещать потерю тех потенциальных прибылей, которые могли бы быть получены монополиями в период до истечения юридического срока аннулированного концессионного соглашения [309, IV.1973, с. 476].

Репрессалии против правительств, национализующих активы США, были предусмотрены рядом законодательных актов американского конгресса. Так, в текст Закона 1974 г. о торговле были включены ограничительные оговорки в отношении развивающихся стран, осуществляющих национализацию собственности американских компаний без выплаты должной компенсации. Эти оговорки содержат угрозу лишения таких стран торговых преференций, т. е. прав экспортировать в США их товары на недискриминационных условиях [63, с. 90—91]. В законодательство США об иностранной помощи были включены поправка сенатора Б. Хикенлупера (действовала в 1962—1973 гг.) и поправка члена палаты представителей Г. Гонзалеса (принята в 1972 г.). Поправка Б. Хикенлупера предписывала автоматическое прекращение американской помощи всех видов стране, которая экспроприирует активы американской компании без выплаты «быстрой и полной компенсации в обратимой валюте». Поправка Г. Гонзалеса запрещала правительству США санкционировать займы международных финансовых организаций тем странам, которые экспроприируют собственность американских инвеститоров (см. [325, IV.1976, с. 396—421]).

Следует сказать, что при сохранении в концептуальном плане жесткого подхода к национализации нефти Вашингтон тем не менее был вынужден согласиться с перестройкой отношений нефтяных ТНК с национальными правительствами ряда государств на базе системы участия, которая в конечном итоге означала потерю американским нефтяным бизнесом прав собственности на активы в ближневосточном регионе. Дело здесь в том, что система участия в общем и целом не противоречила американским критериям национализации. Во-первых, принятие

базовых решений, касающихся системы участия, было осуществлено арабами не в одностороннем порядке, а в результате переговоров с монополиями, что было закреплено в соответствующих соглашениях об участии 1972—1973 гг. Во-вторых, система участия удовлетворяла ключевое американское требование к странам, национализирующим собственность монополий США, а именно — требование о выплате собственникам активов «справедливой и полной компенсации». Характерно, что по проблеме компенсации особых споров между США и арабами при реализации системы участия не возникало.

Немалую роль играл и тот факт, что США с помощью своих экономических рычагов были уже не в состоянии воздействовать на такие располагавшие крупными финансовыми ресурсами страны, как Саудовская Аравия и Иран, которые осуществили ограничительные меры в отношении американских нефтяных монополий фактически безнаказанно. В 70-е годы во многом потерял свою эффективность прежний действенный способ борьбы США против национализации нефти — былой контроль семи крупнейших нефтяных ТНК США и Западной Европы (Международный нефтяной картель) на капиталистическом нефтяном рынке. Доля этой «семерки» в контроле над поставками нефти в капиталистическом мире за последнее десятилетие сократилась с 78 до 44% [302, 13.X.1980]. Страны ОПЕК выходили теперь на мировой рынок в качестве самостоятельных и независимых от монополий поставщиков. Все большее число государств-потребителей стремилось осуществлять закупки нефти непосредственно у национальных компаний ближневосточных государств, минуя посреднические услуги нефтяных ТНК. Это выбивало из рук США рычаги нефтяной блокады как средства борьбы против национализации. Стало уже практически невозможным использовать «иранскую формулу» подрыва национализации (1951—1953), которая исходила из установления монополиями эмбарго на закупки национализированной нефти, чтобы поставить экономику страны, национализировавшей нефть, на грань кризиса.

## **Борьба США против ОПЕК**

В 70-е годы одним из главных направлений неокOLONиалистской стратегии США была борьба против ОПЕК — организации, которая рассматривалась Вашингтоном как международный картель основных стран — производителей нефти, своим острием направленный против интересов США и капиталистического мира в целом. При неизменности принципиальной цели Соединенных Штатов на подрыв и ослабление ОПЕК формы и методы американского противоборства с ОПЕК эволюционировали, приспособлялись к имевшимся в распоряжении США до-

вольно ограниченными возможностями оказания давления на эту организацию [53, с. 90]. Надо сказать, что Вашингтон вел борьбу против ОПЕК не с помощью военного давления, а путем политического и дипломатического нажима, экономических рычагов, использования капиталистического рыночного механизма.

Одной из самых острых проблем противоборства между США и ОПЕК был вопрос о ценах на нефть. В основе американской программы-максимум по этому вопросу лежали расчеты отвоевать обратно у ОПЕК прежние, ничем не ограниченные права западных нефтяных ТНК устанавливать по своему произволу цены на нефть. Однако, понимая невозможность реализации этой максималистской задачи в условиях ослабления позиций американского нефтяного комплекса и активизации антиимпериалистической деятельности ОПЕК, Соединенные Штаты в качестве программы-минимум стремились заморозить цены на нефть на высоком уровне при сохранении за ОПЕК прерогатив на процесс ценообразования. Дж. Картер неоднократно подчеркивал «очень большую важность для международного сообщества поддержания стабильности в мировых ценах на нефть» [95, 21.XI.1977, с. 1783].

Возникает вопрос, какой смысл Вашингтон вкладывал в концепцию «замораживания» цен? Казалось бы, фактором является то, что чем большим будет уровень цен на сырую нефть, тем выше монополии могли бы поднять потолки цен на конечные нефтепродукты, что резко взвинтило бы и объем получаемых нефтяным капиталом прибылей. Но дело в том, что Белый дом был вынужден учитывать не только узкокорыстные интересы нефтяных ТНК, но и общие интересы монополистической верхушки США и всей капиталистической системы в целом. А этим интересам отвечал не непредсказуемый и ничем не ограничивавшийся рост цен на нефть, а стабилизация этих цен на достаточно высоком уровне. Это понятно, поскольку только при высоком уровне цен монополиям становится выгодной эксплуатация менее рентабельной, чем ближневосточная нефть, нефти стран за пределами этого региона. К тому же высокие потолки цен должны послужить стимулятором для разработки труднодоступных источников нефти в самих США (например, глубоко расположенные месторождения, месторождения в горных районах, в полярной зоне Аляски, на континентальном шельфе и т. д.), а также синтетического жидкого топлива. Высокие цены соответствуют и установкам американской администрации на жесткую экономию топлива и энергии внутри самих США.

Теперь вопрос о том, в связи с чем интересам Соединенных Штатов противоречила линия ОПЕК на регулярное наращивание цен. Дело в том, что, по утверждениям Вашингтона, «непредсказуемые скачки» в ценовой политике ОПЕК дестабилизировали валютно-финансовое положение США и других стран.

капиталистического мира, особенно развивающихся государств, ухудшали состояние их платежных и торговых балансов, стимулировали процессы инфляции. Рост валютных расходов на оплату нефтеимпорта привел (среди ряда других причин) к тому, что торговый баланс США стал носить в последние годы пассивный характер. В ходе состоявшегося в сенате США в январе 1977 г. обсуждения вопроса о воздействии ценовой политики ОПЕК на экономику стран—потребителей нефти приводились подготовленные государственным департаментом США данные о том, что для ключевых промышленно развитых стран капиталистического мира каждое увеличение мировых цен на нефть на 5% приводит к сокращению (в следующем за повышением цен году) их суммарного ВВП на 11 млрд. долл., добавляет 0,2% к существующему проценту безработицы, увеличивает коэффициент инфляции на 0,3%, повышает стоимость импорта нефти на 5 млрд. долл. в год. Для развивающихся государств такое повышение цен добавляет 600 млн. долл. к суммарной стоимости их нефтяного импорта, который достиг 13 млрд. долл. в год [25, с. 1—4], а в 1980 г.—уже около 60 млрд. долл. [305, 4.II.1980, с. 42].

Что можно сказать по этому поводу? Вашингтон не впервые раздувал версию о «виновности» ОПЕК во всех бедах капиталистической экономики — в инфляции, спаде, безработице, энергетическом кризисе. ОПЕК характеризовалась американской пропагандой чуть ли не в качестве «главного врага» Запада. При этом замалчивались органические пороки капиталистической экономики, которые и являлись главной причиной энергетических и общеэкономических трудностей капиталистического мира. Конечно, ценовая политика ОПЕК в какой-то степени способствовала усилению инфляции. Но она отнюдь не была ее главной причиной. Данные на этот счет публиковались и в американской печати. Журнал «Тайм» указывал, например, что в 1979 г. общий рост инфляции в США составил 13,3%. Из этой цифры на прямое повышение цен на энергию приходилось лишь 2,2% [321, 4.II.1980, с. 8]. Известно, что нынешний цикл инфляции в США начался задолго до того, как впервые по решению ОПЕК были значительно повышены в 1973—1974 гг. цены на нефть. Более того, хотя ОПЕК в течение ряда лет (в том числе весь 1978 г.) не повышала цен, однако и в эти годы в США инфляционные процессы отнюдь не приостанавливались. Журнал «Бизнес Уик» констатировал, что «семена экономического спада были посеяны задолго до того, как образовался дефицит нефти на нефтяном рынке, который привел к повышению цен» [305, 23.VII.1979, с. 58].

Правительство США по каналам личной дипломатии президента и по другим каналам, особенно в том, что касалось Саудовской Аравии и Ирана, оказывало постоянный нажим на страны ОПЕК, требуя проявлять «сдержанность» в вопросе о



ценах на нефть. В связи с принимавшимися ОПЕК решениями о повышении цен правительство США выражало свое «сожаление». Так, в заявлении Белого дома от 17 декабря 1978 г., опубликованном в связи с решением конференции стран ОПЕК в Абу-Даби о повышении цен на 14,5%, говорилось, что США «сожалеют» об этом решении и надеются, что «оно будет пересмотрено». В заявлении указывалось также, что «такое крупное повышение цен будет препятствовать программам мирового экономического развития и сокращения инфляции» [22, II.1979, с. 35]. Президент Дж. Картер обращался с посланиями к руководителям стран ОПЕК, прежде всего к саудовскому королю и шаху Ирана, в которых рекомендовал им воздерживаться от повышения цен и излагал аргументы в пользу выгоды сдерживания роста цен.

Значительная роль в борьбе Вашингтона против ОПЕК отводилась факторам внешнего нажима, в частности, давлению на ОПЕК со стороны капиталистического рыночного механизма. Речь шла о том, чтобы с помощью жесткого регулирования спроса на нефть на нефтяном рынке Запада, искусственного создания ситуации «затоваривания» этого рынка оказывать финансовый нажим на ОПЕК, подрывать установленный этой организацией единый механизм ценообразования [269, с. 268]. США опирались при этом на свой промадный энергетический потенциал, широкий выход на мировой нефтяной рынок, свою значительно меньшую, чем Японии и стран Западной Европы, зависимость от нефти ОПЕК. В конгрессе США открыто обсуждалась стратегия борьбы против ОПЕК, строились планы усиления воздействия рыночного механизма Запада, чтобы способствовать расколу единства этой организации [33, с. 21].

Важным рычагом американского нажима на ОПЕК было сколачивание империалистического блока стран—потребителей нефти, которому были приданы функции контрбаланса ОПЕК. Речь шла о создании под эгидой и контролем США интегрированной организации развитых капиталистических государств, в задачи которой входило бы оказание совместного нажима на страны ОПЕК в целях снижения до выгодного империализму уровня цен на нефть, изменения всей конъюнктуры на мировом нефтяном рынке в пользу США и других стран НАТО. По замыслам США, эта организация должна была стать своего рода «нефтяным пулом» развитых капиталистических государств с резервами нефти на случай новых «кризисных ситуаций» на Ближнем и Среднем Востоке. В качестве средства нажима на ОПЕК этот новый капиталистический «центр силы» должен использовать факторы экономической взаимозависимости производителей и потребителей нефти и сохранения под контролем Запада многих рынков сбыта ближневосточной нефти. Это, по расчетам США, позволило бы западным странам с помощью

регулирования и лимитирования потребления нефти оказать объединенный нажим на ОПЕК и контролируемую ОПЕК систему цен.

В 1973—1974 гг.— в период, когда Вашингтон оказался на грани потери своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, американская дипломатия реализовала планы создания замкнутого блока стран—потребителей нефти. В феврале 1974 г. в Вашингтоне было проведено созванное по инициативе США совещание капиталистических стран—потребителей нефти, в котором приняли участие 13 государств, в том числе США, Япония, Канада, Норвегия и девять стран «Общего рынка». В ноябре 1974 г. в рамках решений вашингтонского совещания было официально учреждено Международное энергетическое агентство — МЭА (в 1980 г. в его состав входили 20 государств). Был, таким образом, создан новый блок империализма против нефтедобывающих государств с целями охранять неокOLONиалистские интересы НАТО, тормозить распад западной нефтяной империи на Ближнем и Среднем Востоке. США, располагая неизмеримо большими, чем другие страны МЭА, энергетическими ресурсами, захватили руководящую роль в этой организации (см. [71]).

Если говорить о функциях МЭА, то этот новый государственно-монополистический международный орган должен с помощью совместных мероприятий (в том числе по линии развития альтернативных и традиционных источников энергии, экономии энергии, форсирования нефтеразведки и нефтедобычи в самих странах МЭА, организации взаимных поставок в случае нового арабского эмбарго, создания стратегических нефтяных запасов и т. д.) обеспечить сокращение импорта иностранной нефти в США, Японию и страны Западной Европы, что, понижая общий спрос капиталистического рынка на иностранную нефть, оказывало бы финансовое давление на ОПЕК. По замыслам США, это должно вынудить ОПЕК отказаться от завоеванных в борьбе с монополиями суверенных прав на установление цен на нефть, снизить цены до выгодного империализму уровня.

В январе 1976 г. вступила в действие программа долгосрочного сотрудничества стран МЭА в области энергии, рассчитанная на 10 лет (1976—1985). Цели этой программы состояли в том, чтобы «сократить излишнюю зависимость Запада от импортных энергетических ресурсов», «укрепить солидарность стран-потребителей в условиях энергетического кризиса», «положить конец уязвимости Запада в отношении произвольного контроля ОПЕК над мировыми ценами на нефть» [22, 1.III.1976, с. 261—262]. В числе предусмотренных этой программой мер было осуществление странами МЭА энергетических «проектов развития»; совместное использование технологии, капиталовложений, людских ресурсов; сотрудничество в экономии энергии

и проведении научно-исследовательских работ; обмен информацией и т. д. Был создан стратегический запас нефти МЭА, введено общее рациональное использование нефти, приняты предупредительные меры против возможного нефтяного эмбарго в отношении любого члена МЭА, установлен предельный потолок импорта нефти для МЭА в объеме 1,3 млрд. т в год, разработана программа научно-исследовательских работ по новым источникам энергии.

Одновременно США вели курс на подрыв антиимпериалистического фронта ОПЕК изнутри с помощью поощрения раскольнической деятельности, проамериканских сил в этой организации. Ставка делалась на то, чтобы раздуть разногласия в ОПЕК по вопросу о ценах на нефть, которые отражали борьбу двух сил — блока консервативных стран (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Иран — до свержения монархического режима в 1979 г.), с одной стороны, и блока антиимпериалистических стран (Алжир, Ливия, Ирак) — с другой. При поддержке США правое крыло ОПЕК проводило линию на замораживание цен, оправдывавшуюся необходимостью «сохранения международной экономической стабильности», тогда как антиимпериалистические страны ОПЕК добивались систематического повышения цен. Последние исходили из необходимости компенсации таким путем обесценения доллара, растущей инфляции в западных странах, возрастания стоимости импортируемых из этих стран машин и оборудования, а также необходимости привлечения дополнительных валютных ресурсов на цели развития национальной экономики. Правому крылу иногда удавалось навязывать свою линию в ОПЕК. В отдельные годы цены оставались замороженными, иногда действовала система «двухъярусных цен», в рамках которой консервативные страны придерживались минимального уровня цен, а другие страны — члены ОПЕК — максимального.

В широком плане на подрыв и ослабление ОПЕК были направлены решения ежегодных совещаний лидеров семи крупнейших капиталистических стран (США, ФРГ, Великобритания, Франция, Италии, Канады и Японии), проводившихся с 1975 г. На всех шести совещаниях «большой семерки» в 1975—1980 гг. в качестве одного из главных вопросов выдвигалась проблема поисков выхода из энергетических трудностей, переживавшихся западными странами. Участники совещаний выступали с критикой решений ОПЕК о повышении цен. При этом США пытались склонить своих партнеров к проведению жесткой линии в отношении ОПЕК. Так, токийское совещание в июне 1979 г. в основном было посвящено проблемам энергетики, в том числе выработке единого подхода Запада к ОПЕК. Вашингтон вновь пытался навязать своим партнерам жесткий курс в отношении ОПЕК. Однако эти попытки США успеха не имели. Страны Западной Европы и Япония не хотели антагонизировать ОПЕК,

стремились сохранить хорошие отношения с арабами. Они предпочитали иметь дело непосредственно со странами ОПЕК, минуя посреднические услуги монополий США, заключать с ними сепаратные контракты о закупках нефти [305, 30.VII.1979, с. 38]. В конечном итоге в Токио, равно как и в Венеции в 1980 г., был подтвержден принцип воздействия на страны ОПЕК не путем силовой конфронтации с ними, а путем использования рыночно-капиталистических рычагов — прежде всего мер по ограничению спроса Запада на нефть ОПЕК. В этих рамках в Токио были приняты решения об ограничении импорта нефти Западом в 1979—1985 гг. установленными пределами и лимитами. Для США ежегодный лимит нефтеимпорта на эти годы был заморожен на уровне 1977 г. (425—430 млн. т). Соответствующие ориентиры и лимиты были установлены для ключевых западноевропейских стран НАТО и Японии [319, зима 1980, с. 777].

Можно сделать вывод, что американская стратегия противостояния с ОПЕК в целом не сработала. Соединенным Штатам не удалось организовать «единый фронт» Запада против ОПЕК, чтобы развалить или ослабить эту организацию. Вашингтон не смог подорвать основу ценовой политики ОПЕК, хотя, надо сказать, в 1980—1981 гг. внутри ОПЕК возросли споры между «умеренным» и антиимпериалистическим крылом этой организации по вопросу об уровнях цен в условиях временного улучшения для капитализма положения дел на мировом нефтяном рынке. Соединенным Штатам не удалось использовать МЭА в качестве действенного противовеса ОПЕК. Если говорить о причинах этих провалов неокOLONиалистской политики США, то прежде всего они заключаются в том, что соотношение сил между нефтяными монополиями и странами—производителями нефти стало уже не тем, каким оно было в период существования концессионной системы. Другой причиной было то, что США не смогли пристегнуть к своим действиям по подрыву ОПЕК западноевропейские страны и Японию. Давал себя знать и тот факт, что и в 70-х годах значительно возросла зависимость США от нефти ОПЕК. Вашингтон стал считать, что не в его интересах проводить «политику силы» в отношении организации, от которой он стал теперь во многом зависеть. К сдержанной линии в отношении ОПЕК американцев вынуждала и бесперспективность быстрой реализации национальных энергетических программ Запада. В итоге против ОПЕК не были осуществлены такие обсуждавшиеся в вашингтонских кругах репрессалии, как прекращение поставок продовольствия, блокирование нефтедолларовых депозитов стран ОПЕК в банках Соединенных Штатов, прекращение военной и экономической помощи, отказ от предоставления современного нефтяного оборудования и т. д.

## Энергетическая программа США как орудие неокOLONиализма

Выше уже говорилось об истоках энергетического кризиса в США — явления, принявшего фундаментальный, долгосрочный, малоуправляемый Вашингтоном характер. Понятно, что энергетические программы США, выдвигавшиеся в 1973—1980 гг. администрациями Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера, своим острием были нацелены на ослабление переживаемых страной энергетических трудностей, предотвращение отрицательного воздействия энергетических неурядиц на экономику страны, на политические позиции президента и правящей партии в целом.

В то же время другим важным аспектом энергетических программ была их неокOLONиалистская направленность, четкая ориентация на борьбу против ОПЕК, подрыв ее позиций в системе современных внешнеэкономических отношений. Долгосрочная цель этих программ, независимо от того, каким правительством (республиканским или демократическим) они выдвигались, состояла в том, чтобы с помощью комплекса государственно-регулирующих и частно-капиталистических мер по стимулированию развития отечественной энергетики и экономии энергии сократить зависимость США от импортной нефти, сузить тем самым экспортные возможности ОПЕК и соответственно — получаемые этой организацией доходы, вынудить ОПЕК — в условиях искусственного затоваривания капиталистического нефтяного рынка — заморозить цены на нефть, поставить в трудное положение те страны ОПЕК (Ирак, Ливия, Алжир, Венесуэла и др.), которые стремились к получению максимальных нефтяных доходов в целях форсирования своего экономического развития. Вашингтон связывал с преодолением энергетических трудностей и расчеты на проведение более маневренного, менее зависимого от фактора нефти курса политики на Ближнем и Среднем Востоке, а также на ослабление тех «политических козырей», которые были получены нефтедобывающими странами в результате проведения ими успешных антиимпериалистических шагов.

Стержнем всех вашингтонских энергетических программ было сокращение импорта иностранной, прежде всего ближневосточной нефти, удержание этого импорта на максимально низком уровне. Вашингтон хорошо понимал экономическую и стратегическую опасность значительной привязки США к нефти Ближнего и Среднего Востока. Тот факт, что арабские страны дважды (в 1967 и 1973 гг.) вводили эмбарго на экспорт своей нефти в США, что они за 1970—1980 гг. примерно в 20 раз (в текущих ценах) повысили цены на нефть и почти полностью национализировали активы западных нефтяных ТНК в регионе, свидетельствовал о явной несостоятельности расчетов Вашингтона на беспрепятственный и гарантированный доступ

к ближневосточной нефти в дальнейшем. Дж. Картер в выступлении 8 ноября 1977 г. в Вашингтоне признал, что «чрезмерная зависимость от иностранной нефти может привести к тому, что национальная безопасность США будет все больше зависеть от негарантированного энергоснабжения» [95, 14.XI.1977, с. 1737].

В условиях разразившегося в США в 1973—1974 гг. энергетического кризиса республиканская администрация Р. Никсона, а затем Дж. Форда разработала программу преодоления зависимости США от внешних источников нефти на базе форсированного развития американской энергетики и осуществления жестких мер по экономии энергии внутри страны. Основы этой программы были изложены в посланиях Р. Никсона конгрессу по энергетической политике от 18 апреля и 7 ноября 1973 г. и от 23 января 1974 г., в послании Дж. Форда «О положении страны» от 15 января 1975 г. и в его послании по вопросам энергетики от 7 января 1977 г. Предлагавшиеся в этих документах рецепты решения энергетических проблем, масштабность мер и сроки их осуществления не были идентичными. Так, если в предложениях Р. Никсона ставилась задача добиться «полного самообеспечения в энергетической сфере» уже к 1980 г. («программа независимости»), то в предложениях Дж. Форда были поставлены не столь амбициозные, более скромные цели сокращения нефтеимпорта с доведением его до «приемлемого» уровня, причем завершение такой программы было растянуто уже до 1985 г. Курс на полный отказ от импорта нефти и достижение «энергетической независимости» был признан Дж. Фордом нереальным [158, с. 240].

Основные элементы энергетической программы республиканцев приводятся ниже [29, с. 21].

— Поощрение с помощью федеральных налогово-ценовых, а также рыночно-капиталистических методов роста нефтедобычи в самих США, в первую очередь в штате Аляска и на континентальном шельфе страны. В качестве стимула монополий для эксплуатации этой более дорогой нефти, а равно и к сокращению потребления нефти в стране предлагалось отменить установленный в 1971 г. правительственный контроль над ценами на отечественную нефть, что привело бы к повышению цен на нефть внутри США.

— Создание в США стратегического запаса нефти к 1985 г. объемом в 180 млн. т, что примерно было бы эквивалентным годовому объему импорта нефти из арабских стран.

— Более широкое использование традиционных и альтернативных источников энергии (уголь, нефтеносные сланцы, гидроэнергия, атомная энергия, энергия солнца). Соответственно предусматривалась активизация федеральных научно-исследовательских работ по новым видам энергии.

— Проведение общегосударственных мер по сокращению по-

требления топлива и энергии в стране, в частности, путем введения норм теплоизоляции новых зданий, сокращения расхода бензина автотранспортом и т. д.

— Сокращение импорта нефти путем введения ограничительных мер, в том числе высоких пошлин на импортную нефть.

В январе 1975 г. правительство Дж. Форда внесло в конгресс соответствующий проект закона об энергетической независимости. Обсуждение этого законопроекта приняло характер «политического футбола» в борьбе между республиканской администрацией Дж. Форда и контролировавшимся партией демократов конгрессом. Лишь в декабре 1975 г. конгресс принял Закон 1975 г. об энергетической политике и экономии энергии (президент Дж. Форд подписал его 22 декабря 1975 г.) (текст см. [19, с. 291—393]. Этот закон носил компромиссный, урезанный характер. Президенту удалось провести лишь часть намеченной им программы. Так, закон санкционировал создание стратегического запаса нефти, хотя в меньшем, чем было запрошено администрацией, объеме. Разрешалось более широкое использование угля вместо нефти в качестве топлива для тепловых электростанций. Было одобрено постепенное контролируемое повышение цен на нефть, добываемую на месторождениях, освоенных до 1973 г. (так называемая «старая нефть»), путем поэтапного упразднения федерального контроля над ценами на эту нефть (цены на «новую» и импортную нефть федеральным правительством не регулировались). Были санкционированы некоторые меры по экономии энергии, выделены федеральные средства на научные разработки в сфере альтернативных источников энергии. В то же время конгресс отклонил предложения администрации об отмене правительственного регулирования цен на природный газ, повышении таможенных ставок на импортную нефть, выделении государственных субсидий на разработку синтетических топлив, развертывании добычи нефти на федеральных резервных нефтяных месторождениях и др.

После прихода к власти в январе 1977 г. администрация Дж. Картера поставила энергетическую проблему в число первоочередных задач своей внутренней политики. Президент изложил свою энергетическую программу в ряде документов, в том числе в «обращении к нации» 18 апреля 1977 г., в выступлении в конгрессе 20 апреля 1977 г., в «обращении к нации» 5 апреля 1979 г., в «обращении к нации» 15 июля 1979 г., в выступлениях в Канзас-Сити и Детройте 16 июля 1979 г. На основе содержащихся в этих документах предложений правительство внесло в конгресс ряд энергетических законопроектов.

Дж. Картер исходил из прежних концепций использования государственно-монополистических и частно-капиталистических рынков в целях стимулирования развития американской энергетики, обеспечения строгого режима экономии энергоносителей и их эффективного использования. Им были поставлены

те же задачи по ограничению и значительному сокращению импорта нефти, развитию новых источников энергии (энергия солнца и т. д.) и более широкому использованию таких традиционных энергоносителей, как уголь, сланцы, атомная энергия. Большое значение было придано мерам по повышению цен на отечественную нефть с доведением их уровня к 1981 г. до уровня высоких цен ОПЕК. Это должно было быть осуществлено путем поэтапного упразднения (1979—1981) федерального контроля над ценами на нефть (деконтроль) (см. [95, 30.IV.1979, с. 721—727]).

Кроме того, важными компонентами программы Дж. Картера были отмена государственного регулирования цен на природный газ, жесткая экономия энергии внутри страны, предоставление президенту полномочий осуществить, в случае необходимости, нормирование расхода бензина. Предполагалось, что осуществление деконтроля с последующим за этим автоматическим повышением цен на отечественную нефть приведет, с одной стороны, к ограничению потребления нефти в стране, а с другой — будет стимулировать разработку нефтяными ТНК труднодоступных месторождений нефти и производство дорогостоящих альтернативных источников энергии и жидких синтетических топлив. Стоимость реализации энергетической программы Дж. Картера (1980—1990) была оценена в 142 млрд. долл. (только федеральные ассигнования, не считая инвестиций нефтяных монополий) [323, 30.VII.1979, с. 22].

При значительной общности энергетических программ правительств республиканцев и демократов между ними имелись и определенные различия. Так, Дж. Картер делал больший акцент на меры государственного регулирования энергетического хозяйства, на более активное использование федеральных налогово-ценовых рычагов, а не стихийных рыночных факторов, регулирующих соотношение между спросом и предложением; на меры по экономии энергии, а не на форсирование производства энергоносителей внутри самих США; на разработку и использование принципиально новых видов энергии (энергия солнца, синтетическое жидкое топливо). Программа Дж. Картера предполагала довести к 1990 г. объем производства синтетического топлива до 125 млн. т в год.

Энергетической программой Дж. Картера предусматривалось введение специального налога на сверхприбыли нефтяных монополий. Речь шла об отчуждении в казну части (50—60%) тех дополнительных прибылей, которые монополии будут получать в результате деконтроля и соответственного повышения цен на отечественную нефть. Налоговые предложения Дж. Картера были призваны внушить американской общественности, будто нефтяные ТНК не получают в результате реализации энергетической программы сверхвысоких прибылей и что правительство демократов стоит на страже интересов потребителей. Но этот каму-



фляж не мог скрыть того очевидного факта, что энергетическая программа Дж. Картера, хотя и не полностью, но отвечала интересам нефтяных ТНК. В условиях экономической системы США деконترول и повышение цен на нефть, какими бы благовидными предложениями они ни прикрывались, могут означать лишь одно — резкое вздорожание топлива и горючего, повышение прибылей монополий. В выступлении в сенате 25 апреля 1979 г. сенатор Э. Кеннеди утверждал, что в результате деконтоля расходы каждой американской семьи на энергию возрастут более чем на 300 долл. в год, инфляция будет большей, чем когда-либо раньше [27, с. 1].

В 1977—1980 гг. в конгрессе США проходила острая борьба вокруг энергетической программы Дж. Картера. Эта борьба отражала возраставшие противоречия внутри самих США по вопросу о путях выхода страны из энергетических трудностей. Следует сказать, что энергетическая программа США отражает интересы правящей финансовой олигархии в целом. Но эта программа не на 100% устраивает одну из составных частей этой олигархии — крупный нефтяной капитал. При рассмотрении в конгрессе программы в сложный, трудноразрешимый узел переплелись государственные, общественные, ведомственные, партийные, личные интересы различных группировок американского правящего класса. В сферу дебатов был вовлечен широкий круг проблем: производство и распределение энергии, потребление и экономия энергоносителей, создание альтернативных источников энергии, вопросы научных исследований, реорганизация управленческих ведомств по энергетике, строительство энергетических объектов, деятельность нефтяных ТНК, создание запасов нефти и эксплуатация нефтяных ресурсов шельфа и др. Борьба развивалась по ряду направлений — между нефтяными монополиями, заинтересованными в «дорогой нефти», и энергопотребляющими корпорациями, отстаивавшими принцип дешевой энергии, между нефтедобывающими и нефтепотребляющими штатами, между законодателями — лоббистами нефтяного бизнеса и умеренно-либеральными членами конгресса, традиционно выступающими за сокращение сверхприбылей и налоговых льгот нефтяных ТНК. Несмотря на активное вмешательство президента, конгресс к концу 70-х годов так и не смог полностью завершить работу над энергетической проблемой. Нефтяные ТНК и их лоббисты противодействовали попыткам администрации ограничить сверхприбыли монополий, усилить регулирующую роль государства в сфере нефтяного бизнеса, сконцентрировать в руках федерального правительства ответственность за энергетическую политику страны. В итоге высший законодательный орган США принял лишь отдельные половинчатые законоположения, в том числе: Национальный энергетический закон 1978 г., предусматривавший, в частности, меры по сокращению импорта нефти к

1985 г. на 125 млн. т в год [30, с. 13]; Закон 1978 г. о природном газе, санкционировавший поэтапную отмену в течение шести лет государственного регулирования цен на газ; Закон о налогах на сверхприбыли нефтяных монополий (март 1980 г.); Закон об энергетической безопасности (июль 1980 г.), предусматривавший создание нового федерального ведомства — Корпорации по производству синтетического топлива — и выделение федеральных средств на строительство соответствующих заводов.

Сложившееся в самом конце 70-х годов более благоприятное для США положение на мировом нефтяном рынке американская пропаганда объясняла «успехами» в осуществлении федеральной энергетической программы. Такие факторы как некоторое сокращение в 1980 г. американского импорта нефти, в том числе и из стран ОПЕК, образование излишка нефти на мировом рынке, некоторое сокращение нефтедобычи ОПЕК, падение спроса на нефть в США трактовались как результат экономии энергоносителей, развития альтернативных источников энергии, роста нефтедобычи в странах не членах ОПЕК и т. д. [305, 25.V.1981, с. 66—72]. Однако в основе сложившейся в 1980 г. ситуации с нефтью лежали не «успехи» энергетической программы, а экономический спад в США и в других западных странах, имевший место в 1980 г. На это и указывала американская печать. Так, газета «Интернейшнл Геральд Трибюн» констатировала, что «главным фактором в создании нынешнего избытка нефти были трудности в функционировании экономики западных стран» [313, 6.VII.1981].

В целом можно констатировать, что Вашингтону не удалось разрешить энергетические трудности страны в рамках энергетических программ трех президентов — Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера. Вашингтонская администрация оказалась не в состоянии перестроить энергетическую инфраструктуру страны, наметить реальные пути выхода из ставших хроническими энергетическими трудностей. Дж. Форд в послании конгрессу «о положении страны» от 12 января 1977 г. должен был признать, что «мы не добились удовлетворительного прогресса в обеспечении нашей независимости в области энергетики» [95, 20.I.1977, с. 34]. В равной степени Дж. Картер в интервью редакторам Американского института печати 30 марта 1979 г. признал, что с момента внесения им национальной энергетической программы и принятия соответствующего закона в 1978 г. «положение в области энергетики стало не лучше, а хуже» [95, 6.IV.1979, с. 557].

Не осуществились расчеты США на существенное сокращение импорта нефти из внешних источников, в том числе из арабских стран — членов ОПЕК. Не материализовались планы США на быструю реконструкцию своего энергетического хозяйства, приспособление его к новым реальностям. Продолжалось

повышение доли нефти в энергетическом балансе страны. Уровень добычи нефти на территории США сокращался. Использование резервов нефти в штате Аляска, ставшее возможным с 1977 г. после введения в строй трансалаяскинского нефтепровода, не изменило остро дефицитного характера американского нефтяного баланса.

В американских прогнозах утверждается, что потребление нефти в США будет в обозримом будущем нарастать, в то время как ее внутреннее производство — значительно отставать от спроса, даже при условии, что будут доведены до запроектированной мощности уровни нефтедобычи в Аляске и на континентальном шельфе. Не строится иллюзий и в отношении возможностей сколько-нибудь значительного наращивания нефтедобычи в других районах мира за пределами ближневосточного региона, которые могли бы послужить альтернативными источниками нефтеимпорта. Признается, что в капиталистическом мире попросту нет таких мест, которые по запасам нефти можно было бы сравнить с районом Ближнего и Среднего Востока. В этих условиях продолжение нефтеимпорта из этого района считается единственным возможным каналом, который позволил бы компенсировать дефицит американского нефтяного баланса. Вместе с тем утверждается, что принятые в самих США, а также в рамках МЭА меры, в том числе и создание резервных запасов нефти, смогут смягчить возможность нового арабского эмбарго против США и других стран НАТО.

Необходимость преодоления энергетических трудностей и борьбы против ОПЕК стимулировала расширение масштабов государственного регулирования в сфере нефти. В практику отношений администрации с нефтяными ТНК был введен достаточно широкий спектр федеральных регулирующих мер. Это было продиктовано общими интересами монополистической верхушки США, определявшимися необходимостью повышения эффективности функционирования энергетических отраслей промышленности, обеспечения их бесперебойного использования на нужды американской военной машины, предотвращения отрицательного воздействия энергетических потрясений на состояние деловой активности в стране.

С одной стороны, американское государство с помощью находившихся в его распоряжении политических и дипломатических рычагов стремилось создать наиболее благоприятный политический, экономический, инвестиционный, налоговый климат для деятельности нефтяных ТНК в зарубежных странах. Так, защите их интересов служила система государственного гарантирования (страхования) частных заграничных капиталовложений по линии созданной в 1971 г. правительственной Корпорации по заграничным частным капиталовложениям (ОПИК), которая в случае национализации активов той или иной американской компании выплачивала ей компенсацию. В рамках

этой программы США заключили межгосударственные соглашения о «гарантировании капиталовложений» с правительствами многих развивающихся государств, в том числе нефтедобывающих [200, с. В 22—24]. На службу нефтяных монополий была поставлена налоговая система США. Предоставлявшиеся им налоговые льготы («скидка на истощение недр» и др.), являвшиеся, в сущности, щедрой правительственной субсидией частному нефтяному капиталу, играли важную роль в беспрецедентном росте их финансового могущества. Хотя в соответствии с принятым в марте 1975 г. Законом о сокращении налогов была аннулирована скидка «на истощение недр» для крупных нефтяных компаний, однако налоговые лазейки в 70-х годах полностью закрыты не были, они широко использовались нефтяными ТНК для получения крупных финансовых субсидий от государства [200, с. 30].

С другой стороны, Вашингтон ставил задачу подчинить деятельность нефтяных монополий общеклассовым интересам американской правящей олигархии, направить эту деятельность в русло осуществлявшихся федеральным правительством мер по преодолению энергетических трудностей, обеспечить выполнение, при минимальных издержках, задач обеспечения экономики и вооруженных сил США нефтью и нефтепродуктами. В этих целях Белый дом осуществил структурную перестройку правительственных ведомств и служб, осуществлявших государственный контроль над производством, распределением и импортом нефти. Ставилась задача централизовать руководство всеми энергетическими делами в руках президента и его аппарата, укрепить связи вашингтонской администрации с монополиями, ликвидировать множественность и разнородность в деятельности американских энергетических ведомств (проблемами энергетики занимались в США свыше 40 федеральных ведомств) [141, с. 105]. В 1973—1977 гг. проходил лихорадочный процесс перетряски и реорганизации, ликвидации старых и создания новых правительственных энергетических ведомств. Велся поиск оптимальных организационных форм государственного регулирования в энергетической сфере в условиях, когда энергохозяйство страны находилось в руках частного бизнеса, не желавшего поступаться своими прерогативами в области поставок нефтепродуктов на внутренний американский рынок и установлении цен на них. В августе 1977 г. Дж. Картером было создано министерство энергетики США. В его составе были объединены различные правительственные ведомства, занимавшиеся проблемами энергетики. Штат этого министерства был утвержден в составе 20 тыс. человек, а годовой бюджет — 10,4 млрд. долл. [95, 19.IX.1977, с. 1338]. Министерство энергетики стало центральным органом государственного регулирования в сфере частного производства, импорта и распределения различных видов энергии, в первую очередь нефти.

### БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН В ВОЕННЫХ ПЛАНАХ США

#### Военное присутствие США на Ближнем и Среднем Востоке

В своей политике на Ближнем и Среднем Востоке правительство США большое внимание уделяло мероприятиям военно-стратегического порядка. Для милитаристских кругов Пентагона и военно-промышленного комплекса Ближний и Средний Восток — это важный плацдарм противоборства против СССР, придаток к южному флангу НАТО, центр важных морских, сухопутных и воздушных коммуникаций, связывающих Европу, Азию и Африку, а также бассейны Атлантического и Индийского океанов. По замыслам США, ближневосточный регион должен стать «силовым центром» империализма, нацеленным против СССР, плацдармом для развертывания вооруженных сил США и их союзников в случае общего обострения международной обстановки, источником финансовых и материально-технических, прежде всего нефтяных, ресурсов для военной машины Пентагона. Исходя из этого, задачей военной политики США было противодействие Советскому Союзу в районе Ближнего и Среднего Востока, милитаризация Израиля и консервативных режимов, сколачивание военных блоков, создание отвечающего американским интересам регионального баланса сил.

В изданной Советом по внешним сношениям работе «Запад и Ближний и Средний Восток» (автор — видный ученый-ближневосточник Дж. Кэмпбелл), излагавшей содержание американской военной доктрины для ближневосточного региона, указывалось, что в послевоенный период «Соединенные Штаты в своей политике исходили из предпосылки, что Ближний и Средний Восток был жизненно важным районом в глобальном балансе сил и что в этот район не должен быть допущен Советский Союз, т. е. ни одна из частей этого района не должна подпасть под контроль или под доминирующее влияние СССР». В книге отмечалось, что хотя по мере изменения внешних условий отдельные акценты этой политики менялись (например, сократилась необходимость в сохранении в регионе американских военных баз как части системы глобального «ядерного сдержи-

вания» СССР), однако «сама политика оставалась неизменной»; как «сохранялась и фундаментальная цель: удержать советское присутствие в допустимых пределах» [162, с. 12—13]. В таком же плане отмечали цели военной политики Соединенных Штатов в регионе и другие ученые (см., например, [223; с. 49]).

Возросшая в 70-х годах зависимость США от импорта ближневосточной нефти привела к повышению роли нефтяного фактора в военной политике США. Тезис об увязке доступа к ближневосточной нефти с «национальной безопасностью» США стал важным компонентом американской военной доктрины. Министр обороны в администрации Дж. Картера Г. Браун почти в каждом своем выступлении утверждал, что доступ к нефти Персидского залива представляет для США «жизненно важный интерес» (см., например, [22, V.1980, с. 63]). Он оценил стоимость мер США по «защите ближневосточной нефти» в 5 млрд. долл. в год на ближайшие пять лет (военные расходы США, связанные с деятельностью в районе Персидского залива) [323, 4.VIII.1980, с. 26]. Одной из целей военной политики США была борьба против освободительных движений народов Ирана и арабских стран, поддержка проамериканских режимов: С помощью «силовых» методов Вашингтон рассчитывал «заморозить» социально-политический статус-кво на Ближнем и Среднем Востоке, не допустить новых побед прогрессивных, патриотических сил.

Олицетворением военного неокOLONиализма США стала «доктрина Картера» — доктрина усиления американского военного присутствия, сохранения любыми средствами, в том числе и военными, империалистического контроля над ближневосточным регионом и над его нефтью. Базовым документом «доктрины Картера» послужила президентская директива № 18 по вопросам военной стратегии, одобренная администрацией Дж. Картера в августе 1977 г., т. е. задолго до исламской революции в Иране и ввода в Афганистан ограниченного контингента советских вооруженных сил. В этом документе понятие «жизненные интересы Соединенных Штатов» было расширено за счет подключения к сфере этих интересов (помимо традиционных партнеров США — стран Западной Европы, Японии, Южной Кореи, Израиля) также и основных нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока. «Директива Дж. Картера о стратегии, — писал журнал „Форчун“, в котором раскрывалось содержание этой директивы, — разъясняет, что Соединенные Штаты теперь считают, что нефтедобывающие страны Персидского залива фактически столь же важны для безопасности США, как и американские союзники в Западной Европе, Япония и Южная Корея». По словам журнала, в директиве указывалось, что США, если необходимо, «вступят в войну для того, чтобы удержать район Персидского залива от перехода

под контроль Советского Союза или дружественных ему государств» [311, 19.VI.1978, с. 130—131].

Установка о возможности вооруженного вмешательства США в целях «защиты жизненно важного» района Ближнего и Среднего Востока была подтверждена и конкретизирована в выступлении Дж. Картера в конгрессе 23 января 1980 г. по вопросу «о положении страны». Он заявил, что «любая попытка любой силы извне установить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и этому посягательству будет дан отпор с применением любых необходимых средств, включая военную силу» [22, II.1980, с. В].

Давая оценку этой интервенционистской «доктрине», министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в выступлении 17 марта 1980 г. по случаю визита в Москву министра иностранных дел ВНР Ф. Пуйя сказал, что круги, определяющие внешнеполитический курс США «все чаще и все назойливее твердят о „жизненных интересах“ США. Утверждают, что в Персидском заливе, да и повсюду, где есть источники нефти, вовлечены „жизненные интересы“ США. В Индийском океане тоже, видите ли, вовлечены „жизненные интересы“ США. Это же самое говорят о Западной Европе. Говорят, что на Ближнем Востоке присутствуют те же „жизненные интересы“. Во всех частях Азии — на юге от наших границ — то же самое. Все эти назойливые доводы пропитаны духом захватнической политики и экспансии. В них находят выражение чисто империалистические амбиции и неистощимая жажда наживы за счет других стран и народов. Такая политика встречала и будет встречать решительный отпор со стороны всех государств, отстаивающих свою независимость и национальное достоинство» [302, 18.III.1980].

«Доктрина Картера» знаменовала собой известный отход США от ключевых постулатов «доктрины Никсона» (1969 г.), регулировавшей подход Вашингтона к конфликтным ситуациям в различных районах земного шара. В отличие от ориентации Р. Никсона на определенное сдерживание участия США в интервенционистских акциях за рубежом «доктрина Картера» означала открытое возвращение США к политике «мирового жандарма», к курсу использования американских вооруженных сил в качестве инструмента политического давления. Игнорируя уроки американской агрессии во Вьетнаме, администрация Дж. Картера включила произвольно объявленные ею «жизненные районы» в зону «военной ответственности» США, открыто провозгласила силовой, интервенционистский подход к решению проблем ближневосточного региона, в том числе проблемы ближневосточной нефти.

В 70-е годы США проводили курс на сохранение и расширение своего военного присутствия в ближневосточном регионе.

Основными компонентами американских военных позиций были: военно-политический блок СЕНТО (до его развала в 1979 г.); Израиль с его разветвленной военной инфраструктурой, играющий роль стратегического форпоста США в регионе; правые режимы в Иране (до свержения шаха в феврале 1979 г.), Саудовской Аравии и Египте, фактически предоставившие в распоряжение Соединенных Штатов свои военные объекты; военные базы США и НАТО в Турции (США имели в Турции свыше 20 военных баз и содержали там на постоянной основе около 7 тыс. человек своего военного персонала) [205, с. 29; 211, с. 48—49]; базы США на Бахрейне, в Омане, Кении, Сомали, на о-ве Диего-Гарсия; ближневосточный отряд ВМС США (3—5 боевых кораблей с базой на Бахрейне); 6-й флот США в Средиземном море; соединения ВМС США в Индийском океане; крупные военные миссии США в ряде арабских стран; базы системы радиотехнической разведки на Синайском полуострове (созданы в 1976 г. в соответствии с условиями второго Синайского соглашения между Египтом и Израилем) (документы см. [15, с. 407—409, 415—416]) и в Иране (до свержения шаха), обслуживавшиеся американским персоналом; две израильские базы ВВС в пустыне Негев, сооруженные при финансовой и технической помощи США (текст соответствующего соглашения между США и Израилем от 6 апреля 1979 г. см. [50, с. 152—179]); размещение американских войск на границах Египта и Израиля в составе «международных сил» по наблюдению за выполнением египетско-израильского «мирного договора» от 26 марта 1979 г.

Оценивая суть милитаристских приготовлений США в ближневосточном регионе, Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС подчеркивал: «Монополиям нужны чужая нефть, уран, цветные металлы — и сферой „жизненных интересов“ США являются Ближний Восток, Африка, Индийский океан. Туда активно прорывается военная машина США и собирается расположиться надолго. Остров Диего-Гарсия в Индийском океане, Оман, Кения, Сомали, Египет — что дальше?» [6, с. 21].

Характер военного присутствия США в регионе эволюционировал. От главной ориентации в 50—60-е годы на систему военных блоков и баз Соединенные Штаты в 70-е годы перешли к более «гибкому» и диверсифицированному комплексу военных связей с ближневосточными государствами. Параметры таких связей зачастую не были зафиксированы в договорно-правовом порядке, а основывались на косвенных и скрытых средствах воздействия. Этим целям служили, в частности, односторонние декларации Вашингтона о «гарантировании безопасности» ключевых государств ближневосточного региона (Израиля, Ирана, Саудовской Аравии), которые создавали фактические военные обязательства США, но без подписания формальных договоров о военном союзе; увеличение поставок американского оружия



и деятельность военных миссий США; совместные военные учения и маневры, патрулирование ВМС США зоны Персидского залива, более частые заходы военных судов США в порты прибрежных стран, временное пребывание в этих странах подразделений американских ВВС и т. д.

Произошли изменения в сторону «большей гибкости» и в стратегии Вашингтона в отношении военных баз. Учитывая господствующие тенденции в странах региона против военного присутствия США, администрация США добивалась не постоянного, а «временного» доступа к базам, в частности, на периоды «кризисных ситуаций» и т. д. Не выдвигались прежние открыто колониалистские требования об установлении над базами прямого американского контроля и получении прав на размещение там значительных контингентов американского военного персонала на постоянной и экстерриториальной основе. Заключенные Соединенными Штатами в 1980 г. соглашения о базах с Оманом, Сомали и Кенией санкционировали использование американцами баз ВВС и ВМС на территориях этих государств (они будут оставаться, однако, под контролем местных властей) в целях размещения «сил быстрого развертывания» лишь в случае «кризисных ситуаций». В обычное же время базы будут использоваться в целях заблаговременного складирования американского оружия и снаряжения и размещения там небольших обслуживающих контингентов вооруженных сил США [22, XII.1980, с. 23].

С 1979 г. США установили постоянное и широкомасштабное присутствие своих ВМС в Индийском океане, который стал рассматриваться важным военно-стратегическим регионом земного шара. Еще в 1974 г. американский теоретик «войны на море» адмирал Э. Замуолт, который при правительстве Р. Никсона возглавлял штаб ВМС США, заявил в сенатской комиссии по иностранным делам, что «Индийский океан стал районом, способным привести к крупным сдвигам в глобальном балансе сил в течение следующего десятилетия. Из этого следует, что США должны иметь возможность оказывать влияние на события в этом районе. Способность разместить там американскую военную мощь является существенным элементом такого влияния» [18, с. 2—3].

В бассейн Индийского океана в 1979—1980 гг. были введены на постоянной основе крупные соединения американских ВМС (около 50—60 кораблей), включая две-три авианосные группы с десантными подразделениями морской пехоты. Цель этих сил, как заявил министр обороны США Г. Браун в выступлении в нью-йоркском Совете внешних сношений 6 марта 1980 г., — осуществлять «сдерживание» СССР на Ближнем и Среднем Востоке [22, V.1980, с. 66]. В 70-е годы был сооружен и расширен американский военный комплекс на о-ве Диего-Гарсия, призванный служить рубежом «передового базирования»,

центром размещения «сил быстрого развертывания», базой авианосцев и стратегической авиации США [321, 14.VII.1980, с. 15]. Создана сеть американских военных баз в ряде стран, прилегающих к акватории Индийского океана. В 1978 г. правительство США в одностороннем порядке прервало переговоры с СССР по вопросу об ограничении военной деятельности обеих держав в районе Индийского океана и в дальнейшем отказалось возобновить их.

Новым рычагом американской военной политики в регионе послужило создание мобильных «сил быстрого развертывания», предназначенных для военно-интервенционистских действий США в различных районах земного шара, но прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке и в Персидском заливе. Главная цель этих сил — подавление любых неугодных США сдвигов во внутренних политических структурах ближневосточных государств, обеспечение американского доступа к ближневосточной нефти. Принципиальное решение о создании «сил быстрого развертывания» было принято Дж. Картером в августе 1977 г. (президентская директива № 18) [311, 19.VI.1978, с. 130].

В 1979—1980 гг. осуществлены практические шаги по их созданию. Скомплектован состав (около 200 тыс. человек) из частей ВМС, ВВС, морской пехоты сухопутных войск [317, 14.VII.1980, с. 12]. Созданы командование и штабы, назначен командующий. Осуществлялось оснащение этих сил специальными транспортными самолетами и десантными судами. Проводились маневры и учения, разрабатывалась стратегия и тактика действий в условиях «кризисных ситуаций», создавались базы для заблаговременного размещения вооружения, горючего, боеприпасов и персонала. Общая стоимость программы создания и оснащения сил оценивалась (1980—1984) в 10 млрд. долл. [317, 4.II.1980, с. 11].

Для оправдания наращивания американской военной мощи на Ближнем и Среднем Востоке и маскировки агрессивных целей политики США в регионе Вашингтон использовал ряд «аргументов». Говорилось, во-первых, об усилении «опасной» для интересов США нестабильности положения в Иране, о росте враждебных Соединенным Штатам проявлений в политике иранского руководства, что выразилось, мол, в захвате в ноябре 1979 г. американских заложников и вынудило администрацию США ввести в район Индийского океана и Персидского залива соединения ВМС. Во-вторых, использовался ввод в Афганистан в конце декабря 1979 г. ограниченного контингента советских вооруженных сил по просьбе афганского правительства. В развернутой в США вокруг этого вопроса антисоветской кампании утверждалось, будто действия Советского Союза в Афганистане преследуют цели «прорыва» СССР в район Персидского залива и «захвата арабской нефти», что привело бы к изменению в пользу СССР соотношения мировых сил. В-треть-

их, США использовали и тезис о необходимости «защиты» путей транспортировки ближневосточной нефти по Персидскому заливу, которым, дескать, «угрожает» Советский Союз. Но все эти «аргументы» не выдерживали никакой критики. Достаточно сказать, например, что от начала до конца надуманной и провокационной была проблема «защиты нефтеперевозок». Факты показывают, что никогда не возникало — даже в наиболее острый период ирано-иракского конфликта — какой-либо реальной угрозы танкерам США и их партнеров, следовавших с нефтью через Персидский залив. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС версия о «советской угрозе» нефтяным богатствам Ближнего и Среднего Востока или путям транспортировки нефти была расценена как заведомо лживая. «СССР,— говорилось в докладе,— не собирается посягать ни на то, ни на другое. И вообще нелепо думать, что можно „защищать“ нефтяные интересы Запада, превращая этот район в пороховой погреб» [6, с. 21].

Можно констатировать, что усилиями милитаристских кругов США в конце 70-х годов в районе Индийского океана и Персидского залива был создан новый опасный очаг напряженности и конфликтов. В противовес империалистической доктрине агрессии и диктата Советский Союз выступил с конструктивными инициативами по обеспечению мира и безопасности в районе Персидского залива и на подступах к нему. Л. И. Брежнев в выступлении 10 декабря 1980 г. на заседании парламента Индии выдвинул конкретную программу действий по установлению мира в Персидском заливе. Эти предложения были подтверждены в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, в котором говорилось: «Вместо стягивания туда все новых и новых морских и воздушных армад, войск и вооружений мы предлагаем снять здесь военную угрозу, заключив международное соглашение. Совместными усилиями, с учетом законных интересов всех сторон, можно создать в этом районе обстановку стабильности и спокойствия. Можно гарантировать суверенные права государств региона и безопасность морских и иных коммуникаций, связывающих его с остальным миром. Таков смысл предложений, выдвинутых недавно Советским Союзом» [6, с. 22].

### **Поставки американского оружия**

В проведении военной политики на Ближнем и Среднем Востоке США широко использовали рычаги военной помощи и поставок оружия. Доля ближневосточного региона в совокупном объеме продаж американского оружия зарубежным государствам (этот объем возрос с 1,2 млрд. долл. в 1970 г. до 14,2 млрд. долл. в 1979 г.) доходила в отдельные годы до 75%

[181, с. 19, 21; 266а, с. 67]. Самыми крупными получателями американского оружия были шахский Иран, Саудовская Аравия и Израиль. До 1979 г. военные продажи этим трем странам составляли 63% от совокупных продаж оружия США иностранным государствам [266а, с. 66]. Странам Ближнего Востока направлялись все виды современного оружия (кроме ядерного), в том числе самолеты, танки, артиллерийские установки, суда, вертолеты, ракеты, электронное оборудование.

Военная помощь была важным инструментом ближневосточной политики Вашингтона. По утверждению деятелей Пентагона, поставки американского оружия были фактически равнозначны направлению в эти страны контингентов вооруженных сил США; они обеспечивали, но более гибким и экономичным для США способом, реальное американское военное присутствие в регионе и создание там контролируемых Вашингтоном «центров силы». Поставки оружия также фактически устанавливали военные обязательства Соединенных Штатов странам—получателям оружия. Эти обязательства вытекали, в частности, из факта присутствия в Иране и Саудовской Аравии крупных американских военных миссий, зависимости этих стран от поставок из США запасных частей, дополнительных систем, боеприпасов и оборудования.

Военная помощь США была направлена на поддержку консервативных режимов, она обеспечивала милитаризацию партнеров США, укрепление их военного и полицейского аппарата, используемого в целях подавления освободительных движений народов как в самом ближневосточном регионе, так и в примыкающих к нему районах Красного моря и Африканского континента. Кроме того, поставки оружия предоставляли Вашингтону возможность вмешательства во внутренние дела стран-получателей, воздействия на их политический курс. В докладе министерства обороны США за 1978/79 финансовый год указывалось в этой связи, что «с момента окончания второй мировой войны Соединенные Штаты рассматривали военную помощь в качестве одного из главных рычагов американской политики. Военная помощь содействует укреплению коллективных военных союзов, таких, как НАТО, сохранению военного равновесия в регионах, как, например, на Ближнем и Среднем Востоке, закреплению для вооруженных сил США прав на использование военных баз и осуществление операций... упрочению двухсторонних политических отношений» [77, с. 94].

В 70-е годы американская военная помощь ближневосточным государствам предоставлялась по двум различным каналам. Во-первых, это правительственная военная помощь США в рамках Закона об иностранной помощи, включавшая поставки оружия и военной техники и предоставление военных услуг (по линии миссий Пентагона в странах-получателях, стажировки иностранных офицеров в США и т. д.) за счет безвозмезд-

ных субсидий или льготных займов ежегодно санкционировавшихся американским конгрессом по запросам администрации США. Помощь на такой основе в 70-х годах предоставлялась Израилю, Египту, Иордании, Турции. Во-вторых, это правительственная программа продаж американского оружия (за наличный расчет, в счет кредитов правительства США или кредитов частных банков, гарантированных американским правительством) в соответствии с Законом о продажах военной техники иностранным государствам (1968 г.). Эта программа в 70-е годы играла главную роль в поставках оружия странам Ближнего и Среднего Востока. В ее рамках американское оружие направлялось Ирану, Саудовской Аравии, Египту, Йеменской Арабской Республике, Объединенным Арабским Эмиратам, Кувейту, Оману, Катару, а также Израилю (более подробно см. [38, с. 63—99]). Американским законодательством устанавливался строго межправительственный характер военной помощи по обеим программам. Выполнением этих программ занимался Пентагон, функции координации и общеполитического руководства осуществлялись государственным департаментом США. Конгресс утверждал все сделки о продаже оружия иностранным государствам стоимостью 25 млн. долл. и выше, располагая при этом фактическим правом вето [22, III.1978, с. 49].

Предоставление американской военной помощи было обусловлено рядом политических и военных требований. Главным было требование о том, чтобы эта помощь «соответствовала целям укрепления безопасности США» [37, с. 6]. По какой бы программе ни осуществлялись американские военные поставки, правительство США в любом случае заключало военные соглашения со странами-получателями. Обязательным условием предоставления помощи являлся прием странами-получателями американских военных миссий. Эти миссии, наделенные широкими полномочиями контроля над местными вооруженными силами, действовали в Иране (до свержения шахского режима в 1979 г.), Турции, Саудовской Аравии, Иордании, Йеменской Арабской Республике, некоторых других ближневосточных государствах. Американский военный персонал в странах Ближнего и Среднего Востока фактически руководил местными вооруженными силами, он служил гарантом того, что в случае создания в какой-либо конкретной стране неблагоприятной для США внутренней ситуации Вашингтон пойдет на широкое вмешательство, использовав для его прикрытия интервенционистский предлог «спасения американских граждан».

Помимо чисто военной помощи США оказывали ряду стран Ближнего и Среднего Востока «помощь на поддержание безопасности», которую Вашингтон выдавал за экономическую помощь. Такая помощь предоставлялась Египту, Израилю, Иордании. По этой программе в последние годы Египту выделялось 750 млн. долл. ежегодно, Израилю — около 800 млн. долл.,

Иордании — 90 млн. долл. [22, IV.1978, с. 29; 313, 6—7.VIII.1977]. По своему фактическому назначению «помощь на поддержание безопасности» не имела ничего общего с экономической помощью. Во многих случаях, особенно в том, что касается Израиля, она была замаскированным вариантом помощи военной и шла на финансирование военных поставок. В целом же эта помощь использовалась на создание в странах-получателях военно-экономических инфраструктур (сооружение стратегических дорог, портов, систем водоснабжения, линий связи, аэродромов, военных баз, энергосистем и т. д.), смягчение экономических трудностей и социальных конфликтов, могущих привести к дестабилизации там «политической устойчивости».

В 1978 г. правительство США установило практику поставок американского оружия ближневосточным государствам на комплексной, пакетной основе. В феврале 1978 г. администрация Дж. Картера приняла решение продать Египту, Саудовской Аравии и Израилю в общей сложности 200 боевых самолетов на общую сумму в 4,8 млрд. долл. Египту было выделено 50 самолетов F-5E (400 млн. долл.), Саудовской Аравии — 60 самолетов F-15 (2,5 млрд. долл.), Израилю — 90 самолетов, в том числе 15 — F-15 и 75 — F-16 (1,9 млрд. долл.) [22, III.1978, с. 37; 305, 15.V.1978, с. 25—26]. В мае 1978 г. конгресс США после острых дебатов в сенате, инспирированных израильским лобби, утвердил это решение. Пакетная сделка была направлена на то, чтобы продемонстрировать видимость «сбалансированного» подхода США к поставкам оружия Израилю и арабским странам, оправдать новый этап гонки вооружений в регионе. Эта сделка упрочила союзнические отношения США с Саудовской Аравией; она впервые узаконила военные поставки Египту, обеспечив в то же время дальнейшее перевооружение Израиля самым современным оружием. Сделка отнюдь не привела к установлению равновесия в военной оснащенности Израиля и арабских стран. Арабские страны конфронтации — Египет, Сирия и Иордания — получили от США в виде помощи начиная с 1973 г. лишь 50% от суммы, которая была предоставлена Израилю [309, лето 1979, с. 1013].

В связи с заключением в марте 1979 г. сепаратного «мирного» договора между Египтом и Израилем конгресс США по запросу Дж. Картера от 2 апреля 1979 г. принял в середине 1979 г. закон о выделении Египту и Израилю на пакетной основе 4,8 млрд. долл. (Египту — 1,8 млрд., Израилю — 3 млрд.) в качестве дополнительной военно-экономической помощи (преимущественно кредиты на закупки оружия) в течение предстоящих трех лет [302, 22.VII.1979].

Широкомасштабные поставки американского оружия на Ближний и Средний Восток создали новые опасные очаги военной напряженности и конфликтов, расширили возможности империалистического вмешательства во внутренние дела ближне-

восточных стран. Ближний и Средний Восток стал одним из главных районов гонки вооружений. Военные расходы стран этого региона (без Турции) (в ценах 1978 г.) возросли с 10,5 млрд. долл. в 1970 г. до 33,1 млрд. долл. в 1979 г. [266а, с. 19]. Меры США по милитаризации региона усилили взрывоопасность положения, осложнили возможности достижения справедливого урегулирования ближневосточного конфликта, установления в регионе прочного и устойчивого мира.

### **Израиль и консервативные режимы — военные партнеры США**

Израиль играет громадную роль в военной стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке. Это государство — ближайший американский партнер в осуществлении стратегических планов, военный форпост США в этом районе мира. С его развитой военной машиной, полностью оснащенной американским оружием, Израиль служит инструментом поддержания выгодного Вашингтону баланса сил в регионе. В основе «особых» отношений Вашингтона с Тель-Авивом лежит оказание Израилю военной, экономической и политической помощи и в обмен — использование Израиля в качестве орудия империалистического вмешательства в дела арабских стран, проводника политики военного неокOLONиализма. Для американо-израильских отношений характерны координация действий в сфере военной и внешней политики, устойчивые контакты между лидерами обоих государств, проведение согласованного курса в регионе.

Между США и Израилем сложился фактический военно-политический союз. Этому союзу Вашингтон отводил приоритетную роль в своей ближневосточной стратегии. При всей ориентации на блок СЕНТО и военный союз с Ираном (до 1979 г.), на блокирование с консервативными арабскими режимами Вашингтон считал Израиль наиболее надежным и близким партнером, который, несмотря на трудности, порой возникавшие в американо-израильских отношениях, не отклонится с магистрального курса империалистической стратегии. США исходили при этом из тесного сочетания своих империалистических устремлений в регионе с агрессивными, экспансионистскими замыслами Израиля, из общности антисоветской платформы обоих государств, идентичности их политических устоев, государственных структур, идеологии и «моральных ценностей», тесной привязки Израиля к США в военно-экономической сфере и, наконец, из наличия органических связей правящей верхушки Израиля с военно-промышленным комплексом и правящей финансовой олигархией США. Должную устойчивость этому союзу придавала и деятельность внутри США произраильского лобби, которое держало под контролем весь спектр политики Вашинг-

тона в отношении Израиля и Ближнего и Среднего Востока в целом.

В основу американско-израильского военного альянса были положены твердые, хотя и не закреплённые в договорно-правовом порядке обязательства США о гарантировании «безопасности» Израиля. Поскольку заключение официального и полноформатного американско-израильского союзного договора вызвало бы крайне враждебную реакцию в арабских странах, Вашингтон построил свой военный союз с Израилем в более гибких, менее законченных в юридическом плане формах. Речь шла об односторонних американских гарантиях «безопасности» Израиля. Многие десятки раз, по существу в каждом важном внешнеполитическом документе, президенты Р. Никсон, Дж. Форд, Дж. Картер, государственные секретари У. Роджерс, Г. Киссинджер и С. Вэнс заявляли, что США имеют твердые и непоколебимые обязательства гарантировать «безопасность» и «выживание» Израиля на долгосрочной основе. Так, например, в заявлении Белого дома от 10 марта 1978 г. по итогам встречи Дж. Картера с израильским министром обороны Э. Вейцманом указывалось: «Президент заверил министра обороны, что обязательства Соединенных Штатов в отношении поддержания силы и безопасности Израиля являются фундаментальным аспектом американской политики на Ближнем и Среднем Востоке и будут оставаться таковыми в будущем» [95, 13.III.1978, с. 502].

Характерно, что эти односторонние гарантии не конкретизировали и твердо не очерчивали реальных обязательств США и (в строго юридическом плане) провозглашали лишь общие намерения Вашингтона. Вашингтон оставлял нарочито заувалярованным главный вопрос о том, на какую конкретно американскую военную и другую поддержку мог бы рассчитывать Израиль в критической для него ситуации. Оставалось неясным также то, в пределах каких, собственно, границ США гарантируют «безопасность» Израиля, включены ли в эти гарантии израильские территориальные захваты или нет (более подробно см. [267, с. 39])? Если основываться на толковании этих обязательств американскими специалистами, то Соединенные Штаты были бы, по-видимому, готовы прибегнуть к использованию своих вооруженных сил (прежде всего ВВС и ВМС) только в том крайнем случае, когда возникнет ситуация, граничащая с военным поражением Израиля. В остальных же случаях США будут ограничиваться предоставлением Израилю помощи в форме поставок вооружений, в том числе по «воздушному мосту», как это было в октябрьской войне 1973 г., когда срочные поставки Израилю американского оружия спасли израильскую военную машину от поражения. Р. Никсон признавал в своих мемуарах, что «американский воздушный мост сделал возможным контрнаступление Израиля» [225, с. 941].



В связи с заключением между Египтом и Израилем второго синайского соглашения о разъединении войск (сентябрь 1975 г.) США пошли на некоторую формализацию своих обязательств Израилю. В документе «Меморандум о соглашении между правительством Соединенных Штатов и правительством Израиля», подписанном Г. Киссинджером и израильским министром иностранных дел И. Аллоном 1 сентября 1975 г., заявлялось, что «ввиду давно существующего американского обязательства обеспечивать дальнейшее существование и безопасность Израиля правительство Соединенных Штатов будет относиться с особой серьезностью к угрозе для безопасности или суверенитета Израиля со стороны какой-либо мировой державы. С этой целью правительство США в случае такой угрозы будет немедленно консультироваться с правительством Израиля в отношении той поддержки, дипломатической или иной, или помощи, которую оно может оказать Израилю в соответствии со своей конституционной практикой». [23, с. 251]. Обязательства США Израилю нашли отражение и в документах, подписанных в связи с заключением 26 марта 1979 г. египетско-израильского «договора о мире». Так, в «Меморандуме о соглашении между правительством США и правительством Израиля» от 26 марта 1979 г. были зафиксированы обещания США оказывать поддержку соблюдению указанного договора, конкретизированы действия США в случае его нарушения (консультации Вашингтона с участниками договора, расширение американского военного присутствия в регионе, обеспечение Израилю необходимых поставок на чрезвычайной основе) [50, с. 134—137].

Как в США, так и в Израиле не раз дискутировался вопрос о возможности заключения между обеими странами официального договора о военном союзе. Однако такой шаг не вызывал особых восторгов в вашингтонской правящей верхушке [237, с. 389]. Можно полагать, что США и на дальнейший период заинтересованы в сохранении нынешней юридической незавершенности своего фактического союза с Израилем. Это развязывает американской администрации руки для проведения более «сбалансированной» политики в арабо-израильском конфликте, предоставляет Вашингтону большую свободу маневра в регионе. Кроме того, незавершенность американско-израильского союза ставит преграды на пути попыток Тель-Авива теснее пристегнуть Вашингтон к защите своих территориальных захватов.

Какие же задачи возлагают США на свой союз с Израилем? Какие конкретные цели преследует этот союз? Израиль используется как орудие неокOLONиализма, рычаг вооруженной борьбы США против освободительных движений арабских народов, гарант империалистического военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке. Путем блокирования с израильскими экстремистами Вашингтон рассчитывает замедлить ход революционных преобразований на Арабском Востоке, осла-

бить арабские страны прогрессивной ориентации. На израильских экстремистов Вашингтон возлагал и расчеты «сдержать» процессы укрепления отношений СССР со странами ближневосточного региона. Профессор Джорджтаунского университета Б. Рейч отмечал в своей книге, что «национальным интересам США соответствуют близкие отношения с Израилем и его поддержка... Израиль является бастионом против расширения советского влияния и против экспансии радикальных арабских стран, а также надежным союзником... Израиль — это единственная прочная опора для Запада, особенно для США, в регионе» [237, с. 366].

Надо сказать, что американо-израильский союз не являлся прочным монолитом, в рамках которого не было места для каких-либо противоречий. Наоборот, противоречия в этом альянсе налицо, и они довольно остры. Эти противоречия зачастую выливались в открытую перепалку между руководителями обоих государств, взаимный обмен обвинениями и контробвинениями. Между обеими странами не раз возникал «кризис доверия». Постоянную критику со стороны Вашингтона вызывала израильская политика создания еврейских поселений на оккупированных арабских землях, что объявлялось незаконным и препятствующим делу установления мира (см. выступление заместителя государственного секретаря США А. Атертона в конгрессе 19 октября 1977 г. [22, 5.XII.1977, с. 828—829]), аннексионистские шаги Израиля в отношении Иерусалима, варварские вооруженные действия Израиля против гражданского населения в Ливане, использование полученного Израилем американского оружия в целях агрессии против арабов и т. д. Со своей стороны Израиль постоянно подвергал критике ближневосточную политику США. Объектом израильских нападок были поставки американского оружия Египту и Саудовской Аравии, заигрывание Вашингтона с арабами ради нефтяных интересов, маневры США вокруг палестинской проблемы, переговоры администрации США с Советским Союзом по ближневосточным делам и т. д.

Источником противоречий в американо-израильском союзе было то, что интересы обоих партнеров — Соединенных Штатов и Израиля — при всей их фундаментальной общности совпадали далеко не полностью. Заместитель государственного секретаря США по делам Ближнего и Среднего Востока Дж. Сиско в интервью израильскому телевидению 1 августа 1973 г. заявил, что «хотя интересы США во многих отношениях параллельны интересам Израиля, они не являются идентичными интересам государства Израиль» [22, 27.VIII.1973, с. 309]. Вашингтонские стратеги считали, что хотя США должны поддерживать «безопасность» Израиля как ближайшего американского союзника, им в то же время следует отмежеваться от поддержки экстремистских аспектов израильской по-

литики, поскольку полное отождествление США с агрессивней и экстремизмом Израиля ведет к подрыву американских позиций в арабских странах, ставит под угрозу сохранность американского нефтяного комплекса в регионе и доступ США к арабской нефти. Разумеется, возникавшие разногласия не затрагивали фундаментальных основ американско-израильского союза и не выходили за рамки вопросов тактики. Отнюдь не было поколеблено совпадение коренных направлений политики американского империализма и политики израильских экстремистов. Тем не менее трещины в «незыблемом» американско-израильском блоке были налицо, их не могли скрыть никакие косметические операции руководителей обоих государств.

Американская военно-экономическая помощь была рычагом израильской агрессии и экспансионизма. Она обеспечивала поддержку милитаризованной экономики Израиля, расходовалась на покрытие хронических бюджетных дефицитов Израиля, содержание раздутой армии, создание военной инфраструктуры, оплату закупок американского вооружения. Само существование Израиля как государства было бы попросту невыносимым без помощи США. Без нее Израиль неминуемо потерпел бы финансовое и экономическое банкротство и оказался бы неспособным проводить политику агрессии в отношении своих арабских соседей. Достаточно сказать, что американская помощь всех видов в пересчете на душу населения составляла около 1 тыс. долл. в год. Это была внушительная сумма для страны с национальным годовым доходом на душу населения в 2,1 тыс. долл. [309, лето 1979, с. 1013]. Задачей помощи США было сохранить «сильный», до зубов вооруженный Израиль, имеющий военные преимущества перед арабскими странами и способный служить орудием обеспечения империалистических, в первую очередь нефтяных, интересов Вашингтона.

После октябрьской войны 1973 г. Вашингтон значительно повысил темпы и объемы поставок Израилю новейшего оружия. Условия предоставления Израилю американской военной помощи были чрезвычайно льготными. Во-первых, США удовлетворяли как в количественном, так и в качественном отношении практически все запросы Израиля, какими бы непомерными и амбициозными они ни были. Во-вторых, США предоставляли Израилю самые совершенные образцы вооружений, причем зачастую они оказывались в руках израильских экстремистов еще до того, как они поступали в регулярные части американских вооруженных сил. И, в-третьих, примерно 50% военных поставок Израилю осуществлялось за счет безвозмездных субсидий, а вторая половина — за счет долгосрочных займов на льготных условиях.

В указанном выше «Меморандуме о соглашении между правительством США и правительством Израиля» от 1 сентября 1975 г. говорилось, что «правительство Соединенных Шта-

тов будет прилагать все усилия, чтобы в пределах своих ресурсов и ассигнуемых конгрессом средств в полной мере на постоянной и долгосрочной основе откликаться на потребности Израиля в военной технике и на другие его оборонные нужды, на его энергетические потребности и экономические нужды. Эти нужды будут включаться в годовые суммы, которые будут запрошены на 1976 финансовый год и на последующие финансовые годы» [23, с. 249]. Тем самым США официально дали Израилю обязательство о предоставлении военно-экономической помощи на долгосрочной основе. Объем военно-экономической помощи США Израилю характеризовался следующими данными: 1948—1962 гг. в среднем по 100 млн. долл. ежегодно, 1968—1973 гг.— по 500 млн. долл., 1974—1978 гг.— по 2 млрд. долл. [309, лето 1979, с. 1012].

В 1979 г. помощь США была на уровне 2 млрд. долл., а в 1980 г.— 2,9 млрд. долл. [309, лето 1980, с. 382]. По подсчетам американской печати, общий объем только военной помощи США Израилю за 1948—1980 гг. превысил 14 млрд. долл. [323, 22.VI.1981, с. 20]).

Крупные дополнительные ассигнования, выделенные Израилю в качестве «платы» за «мирный договор» с Египтом (1979 г.) подтверждают несостоятельность утверждений американской пропаганды о «миролюбивом» характере стратегии Кэмп-Дэвида. Израиль систематически нарушал американское законодательство, регулирующее поставки оружия иностранным государствам. Он сотни раз использовал американское оружие для прямой агрессии, осуществления вооруженных провокаций против Ливана, в том числе против мирного гражданского населения и лагерей палестинских беженцев. Однако администрация США не предприняла в отношении Израиля никаких предписываемых законодательством репрессивных мер, ограничившись лишь констатацией фактов и словесным осуждением израильских действий. 5 апреля 1978 г. государственный секретарь С. Вэнс в письме спикеру палаты представителей конгресса США Т. О. Нилу, в соответствии с требованиями Закона о контроле над экспортом вооружений, представил информацию относительно военных операций Израиля в Ливане в марте 1978 г. В письме указывалось, что эти операции включали использование предметов военного снаряжения, предоставленных Соединенными Штатами. Хотя С. Вэнс констатировал, что нарушение Израилем соответствующих соглашений с США имело место, однако он заявил, что «не рекомендовал президенту никаких дальнейших действий» [22, V.1978, с. 46—47]. Тем самым правительство США, в который уже раз, закрыло глаза на грубое нарушение израильскими экстремистами законодательства США об использовании американского оружия.

Экспансия и агрессия Израиля, вытекавшая из идеологии сионизма и его программы, поощрялась американским импе-

риализмом. Она являлась важным звеном в общей империалистической стратегии борьбы против национально-освободительных движений и прогрессивных режимов на Арабском Востоке, подрыва процессов укрепления арабского единства, утверждения выгодного империализму соотношения сил в регионе. Израиль развязал в послевоенный период четыре захватнических войны против сопредельных арабских государств, он осуществлял вооруженные провокации против них.

В 70-е годы в военной политике Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке осуществлялся переход к расширению отношений военного партнерства (наряду с Израилем) также с консервативными арабскими режимами — Саудовской Аравии, Египта, Омана и др. Была создана разветвленная структура военного сотрудничества США с этими государствами, увеличены их вооруженные силы и военные бюджеты. Фактически сформировался военно-политический союз США с Саудовской Аравией. Отношения между Вашингтоном и Эр-Риядом были равнозначны, как об этом заявляли руководители США, отношениям партнеров и военных союзников. Американско-саудовский альянс основывался на односторонних американских гарантиях «безопасности» Саудовской Аравии и огромных поставках военной техники. Отсутствие официального военного договора не мешало Вашингтону утверждать, что в случае возникновения угрозы существованию саудовского режима, Соединенные Штаты предприняли бы необходимые меры, вплоть до вооруженной интервенции, для его спасения. Журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт» констатировал: «Высокопоставленные официальные лица США, включая министра обороны Г. Брауна и государственного секретаря С. Вэнса, заявляли, что США не поколебались бы, если необходимо, использовать свои вооруженные силы, чтобы защитить Саудовскую Аравию и ее нефтепромыслы» [323, 2.IV.1979, с. 24].

После потери Вашингтоном позиций в Иране роль Эр-Рияда в военных планах США возросла. США продолжали оснащать и обучать саудовские вооруженные силы; на территории страны создавались военные базы и порты, линии транспорта и связи, аэродромы (за счет саудовских нефтедолларов). Стоимость осуществлявшейся Пентагоном программы строительства военных объектов на саудовской территории оценивалась в 20 млрд. долл. [76, с. 28]. Поставки американского вооружения (они осуществлялись в рамках Закона о продаже военной техники иностранным государствам) являлись средством милитаризации страны, укрепления саудовского режима, удержания его в орбите политики США. Американцы начали с большого — в 1970 г. объем военных поставок саудовцам был лишь 44,5 млн. долл. Однако в 1975 г. портфель саудовских военных заказов достиг уже 7,2 млрд. долл. [169, с. 26]. За 1973—1978 гг. Саудовской Аравии было продано американ-

ского оружия и предоставлено военно-консультативных услуг на 15 млрд. долл. [61, с. 6].

Кроме поставок оружия Вашингтон оказывал содействие Саудовской Аравии в модернизации ее ВВС, ВМС, сухопутных сил, войск внутренней безопасности (национальная гвардия). В стране действовали несколько военных миссий США с общим персоналом в 15 тыс. человек, включая специалистов американских военно-промышленных фирм, заключивших военные контракты с Саудовской Аравией [319, весна 1979, с. 138]. Пентагоновский персонал выполнял командные функции по оперативному управлению, подготовке и военно-штабному обслуживанию саудовских вооруженных сил. В 1979—1980 гг. США предприняли попытки получить в Саудовской Аравии на постоянной основе военные базы для размещения «сил быстрого развертывания». В этих целях страну посещали руководители Пентагона, в том числе в сентябре 1980 г. — председатель Комитета начальников штабов США генерал Д. Джоунс. Однако саудовское правительство отказалось выполнить эти требования США [311, 10.III.1980, с. 55]. В сентябре 1980 г., под предлогом возникновения ирано-иракского вооруженного конфликта США разместили на саудовской территории свои самолеты радиотехнической разведки «АВАКС» [22, XI.1980, с. 54].

После октябрьской войны 1973 г. США сделали ставку на вовлечение в свои военные планы Египта. Проамериканскому режиму А. Садата Вашингтон отводил большую роль в своей военной стратегии в регионе. В частности, США замыслили использовать Египет в качестве военного союзника и соучастника в осуществлении планов противодействия арабским освободительным движениям и подрыва советско-арабского сотрудничества. С учетом этого, курс был взят на военное усиление режима А. Садата, установление американского контроля над египетскими вооруженными силами, переориентацию на США источника поставок оружия для Египта, установление прямого военного присутствия Вашингтона на египетской земле, в том числе получение баз для «сил быстрого развертывания».

Администрация Дж. Форда начала программу военной помощи Египту. В марте 1976 г. Вашингтон впервые санкционировал военные поставки Каиру — продажу 14 военно-транспортных самолетов С-130 на 185 млн. долл. Тогда же вступила в силу программа подготовки в США египетских офицеров. В 1978 г. президентом Дж. Картером были осуществлены качественные сдвиги в американской программе военной помощи Египту, которому в рамках пакетной сделки о поставках военно-авиационной техники Египту, Израилю и Саудовской Аравии было продано 50 боевых самолетов-истребителей. Дж. Картер в письме конгрессу США 12 мая 1978 г. указал: «Я придерживаюсь твердого убеждения, что продажа самолетов Египту является важной». По словам Дж. Картера, отклонение этой

сделки «нанесло бы серьезный удар по президенту А. Садату, вооруженным силам Египта, народу Египта и силам, стремящимся к умеренности на Ближнем и Среднем Востоке» [95, 15.V.1978, с. 896].

В связи с заключением египетским режимом в марте 1979 г. сепаратного договора «о мире» с Израилем правительство Дж. Картера запросило конгресс о предоставлении дополнительной военно-экономической помощи участникам договора — Израилю и Египту [50, с. 121—131]. Конгресс удовлетворил этот запрос администрации. Египту было выделено на три года (1979—1981) 1,8 млрд. долл., в том числе 1,5 млрд. в качестве кредитов на закупки оружия в США. С 1980 г. военная помощь Египту стала регулярно предусматриваться в законодательстве США об иностранной помощи. В счет военных кредитов египетский режим заказал в США различные типы современных вооружений (танки, самолеты, эсминцы, ракеты и др.). В начале 1980 г. Пентагон провел с А. Садатом переговоры о комплексном переоснащении египетских вооруженных сил на основе поставок американского оружия [22, V.1980, с. 62]. Со второй половины 1979 г. США начали регулярные поставки оружия Египту. При содействии США проводилось переоснащение египетских вооруженных сил; они перестраивались, исходя из их использования для целей проведения подрывных неокOLONиалистских акций в Африке, в районе Красного моря и Персидского залива. Египет предоставил в распоряжение США свои военные базы. Египетские военные объекты использовались Вашингтоном для размещения на временной основе подразделений американских ВВС, в том числе самолетов радиотехнической разведки «АВАКС» [318, 13.VI.1980], проведения маневров «сил быстрого развертывания», совместных учений египетских и американских войск, осуществления подрывных действий против Ирана под ширмой «спасения заложников» и т. д. [321, 5.V.1980, с. 10].

Важным объектом военной деятельности США был Бахрейн. Здесь с 1949 г. дислоцировался специальный ближневосточный отряд американских ВМС (три—пять боевых кораблей), а также располагался штаб командования этого отряда [211, с. 52]. США использовали военную базу на Бахрейне, до 1971 г. находившуюся под контролем Англии, для своих военно-морских операций в районах Персидского залива, Красного моря и Индийского океана, в том числе для враждебных акций в отношении Ирана в 1979—1980 гг., для «охраны» нефтетранспортных артерий и т. д. 23 декабря 1971 г. правительство США заключило с получившим независимость Бахрейном соглашение об использовании на основе аренды бахрейнских портовых сооружений в военных целях США, а также о размещении там американского военного персонала [22, 28.II.1972, с. 282]. Хотя в июне 1977 г. Бахрейн формально аннулировал это соглаше-

ние, американские военные корабли фактически продолжали пользоваться бахрейнской базой [323, 5.XI.1979, с. 30].

Военная помощь Вашингтона Иордании в рассматриваемый период материализовалась в поставках этой стране современного американского вооружения. Она была рассчитана на модернизацию иорданских вооруженных сил, создание в стране военной инфраструктуры, поддержку и укрепление монархического режима. Ежегодный объем американской военно-экономической помощи Иордании составлял около 200 млн. долл. США были главным поставщиком военной техники Иордании.

Ключевое значение в военных планах Пентагона приобрели последние годы Оман. Учитывая стратегическое расположение этой страны, Соединенные Штаты стремились закрепить и расширить здесь свое военное присутствие. Принимались при этом во внимание проамериканская ориентация оманского режима султана Кабуса, поддержка им кэмп-дэвидской стратегии и капитулянтского курса А. Садата. Еще в 1975 г. Пентагон в рамках официального соглашения США с Оманом получил право на использование с 1976 г. на арендной основе оmano-английской базы ВВС на о-ве Масира, охраняющей подступы к Персидскому заливу [211, с. 50]. Там базировались разведывательные самолеты США, обслуживались транзитные рейсы и т. д. [180, с. 178]. В 1980 г. Вашингтон добился расширения своего военного присутствия в Омане. В июне этого года США заключили с Оманом соглашение относительно использования ряда других оманских баз ВВС и ВМС (без постоянного размещения там американского военного персонала) [302, 7.VI.1980]. Речь шла об использовании этих баз «силами быстрого развертывания» в случае возникновения кризисных ситуаций в ближневосточном регионе. В обмен Вашингтон обязался расширить экономическое сотрудничество с Оманом, продолжать программу поставок этому государству американского оружия.

Важное военное значение, в первую очередь в плане «защиты безопасности» Саудовской Аравии и оказания нажима на прогрессивное правительство Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ), Вашингтон отводил Йеменской Арабской Республике (ЙАР). В марте 1979 г. Дж. Картер принял решение о поставках этому государству на «чрезвычайной основе» американского вооружения (в том числе танков, бронетранспортеров, боевых самолетов) на общую сумму в 400 млн. долл. [22, VI.1979, с. 40]. Одновременно в ЙАР были направлены американские военные специалисты для обучения местных вооруженных сил. Поводом для таких широких мер американской военной помощи ЙАР послужил вспыхнувший в начале 1979 г. вооруженный конфликт между ЙАР и НДРЙ, стержнем которого была проблема объединения страны. Вашингтон, реализуя программу срочной военной помощи ЙАР,



не скрывал, что эта помощь была направлена на поддержку северо-йеменского режима, подрыв процесса нормализации отношений между обоими йеменскими государствами, противодействие укреплению прогрессивного правительства в НДРИ. Однако правительство ИАР в конечном итоге не пошло на одностороннюю ориентацию на США.

В предыдущей главе уже говорилось относительно той роли, которую играл Иран в военных планах США до свержения шахского режима. Эти планы Вашингтона обеспечивались, в частности, с помощью механизма американской военной помощи, которая направлялась на форсированную милитаризацию страны, укрепление американо-иранского союза. Она включала поставки шахскому Ирану современного американского вооружения и военного снаряжения, вплоть до подводных лодок и новейших самолетов радиотехнической разведки системы «АВАКС», обучение в Соединенных Штатах иранского военного персонала, строительство на иранской земле военных объектов, модернизацию иранских вооруженных сил. В 1973 г., когда Иран стал получать значительные доходы от нефти, Вашингтон перешел от прежней системы финансирования военных поставок за счет безвозмездных субсидий к продаже военной техники. В 1972 г. Р. Никсон принял решение о долгосрочной программе крупномасштабных поставок оружия Ирану. При этом президент согласился удовлетворить запросы шаха о поставках ему любых видов оружия неядерного типа [311, 12.III.1979, с. 96]. За 1972—1978 гг. США предоставили Ирану оружия на 14 млрд. долл. [309, зима 1978—79, с. 337]. Суммарная стоимость всего поставленного Ирану американского оружия составила свыше 20 млрд. долл. Кроме того, США ввезли в Иран разведывательное радиотехническое оборудование по сбору информации о СССР стоимостью в 850 млн. долл. [179, с. 174]. Шах установил тесные связи с руководителями Пентагона и военно-промышленного комплекса США [246, с. 257]. Иран при режиме шаха превратился в одно из наиболее милитаризованных государств региона. Его вооруженные силы насчитывали в 1978 г. 413 тыс. человек [309, весна 1979, с. 803]. Иранский военный бюджет достигал 10 млрд. долл., что превышало военный бюджет Англии, хотя английский валовой национальный продукт был в 5 раз больше ВВП Ирана. Военные расходы шахского Ирана достигали одной трети его ВВП [246, с. 256].

### **Развал агрессивного блока СЕНТО.**

#### **Поиски альтернатив военного союза в регионе.**

В феврале 1979 г. после свержения шахского режима правительство Ирана сделало заявление о выходе страны из-

СЕНТО. В марте 1979 г. с аналогичным заявлением выступило правительство Пакистана. Выход Ирана и Пакистана из СЕНТО привел к развалу этого военного блока, к прекращению его деятельности, разрыву цепи блоковых стран (Пакистан, Иран, Турция) по южному периметру Советского Союза. Не состоялась запланированная на апрель 1979 г. в Вашингтоне очередная сессия Совета СЕНТО. Прекратили работу штаб-квартира и другие руководящие органы блока, располагавшиеся в Анкаре. Развал СЕНТО явился серьезным ударом по военным позициям США в ближневосточном регионе, он свидетельствовал о несостоятельности всей блоковой политики Вашингтона. США были вынуждены спешно изыскивать меры, которые компенсировали бы потерю американских стратегических позиций в связи с развалом СЕНТО.

Блок СЕНТО, созданный в 1955 г. (до июля 1959 г.— Багдадский пакт) при активном участии дипломатии США, был важным элементом американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, орудием американского неокOLONиализма. В состав СЕНТО входили Англия, Турция, Иран и Пакистан. Вашингтон, исходя из расчетов не обострять отношений с арабскими государствами, не пошел на официальное вступление в СЕНТО. Однако США вошли в его военный комитет, «комитет по борьбе против подрывной деятельности», а также в экономический комитет. Все это было равнозначным фактическому присоединению США к блоковым обязательствам СЕНТО, и прежде всего к обязательствам, касавшимся «отражения агрессии» и борьбы против освободительных движений народов (текст договора СЕНТО от 24 февраля 1955 г. см. [289, с. 148]).

В рамках СЕНТО увязывались, с одной стороны, военно-стратегические, а с другой — неокOLONиалистские интересы США. Важной целью блока было обеспечение военных позиций США на Ближнем и Среднем Востоке, нацеленных против СССР. Одновременно блок использовался для борьбы против национально-освободительных движений народов, для вмешательства во внутренние дела, поддержки консервативных режимов, защиты интересов нефтяных монополий. Страны — члены СЕНТО были связаны договорными обязательствами о взаимном сотрудничестве в целях «безопасности и обороны». По линии СЕНТО осуществлялась милитаризация Ирана, Турции и Пакистана. На их территориях, особенно на территориях Турции и Ирана, были созданы военно-экономические инфраструктуры с комплексом военных баз, нацеленных против СССР, в том числе баз радиотехнической разведки, коммуникаций, стратегических шоссейных и железных дорог. Военные органы блока — военный комитет и объединенный штаб военного планирования (представители Пентагона входили в состав этих органов) разрабатывали совместные военные мероприятия, проводили военные маневры, координировали планы подготовки

вооруженных сил блоковых стран. При этом США отдавали приоритет развитию в СЕНТО военно-политического, а не экономического сотрудничества.

За 1970—1978 гг. было проведено девять регулярных ежегодных сессий Совета СЕНТО. На последних сессиях Вашингтон делал акцент на вопросах положения в зоне Персидского залива, усиления борьбы против освободительных сил в регионе, защиты его «безопасности», положения в районе Африканского Рога, укрепления военной мощи стран — участниц блока и т. д. В решениях Совета СЕНТО указывалось на необходимость военного укрепления этого блока, развития сотрудничества по линии вооруженных сил его участников и т. д. Руководители США неоднократно подтверждали приверженность Вашингтона к фундаментальным целям СЕНТО, выполнение Соединенными Штатами взятых ими по линии СЕНТО обязательств и т. д.

Важным стратегическим звеном СЕНТО была Турция. Ей отводилась роль «барьера», изолирующего Советский Союз от территориального соприкосновения со странами Арабского Востока и от прямого доступа к ним, роль «стража» НАТО, контролирующего ворота, ведущие из Черного в Средиземное море. Через Турцию, входящую также и в состав НАТО, осуществлялась привязка военных планов СЕНТО к планам НАТО, а также использование СЕНТО в качестве своего рода придатка к южному флангу Атлантического блока. В заявлении государственного департамента США в связи с подписанием 29 марта 1980 г. нового американо-турецкого Соглашения о сотрудничестве в области обороны и экономики Турция характеризовалась как «ценный и имеющий важное стратегическое положение союзник, образующий часть юго-восточного фланга НАТО и помогающий охранять доступ из Черного в Средиземное море. Турция примыкает к рубежам Советского Союза, имея с ним более протяженную сухопутную границу, чем любая другая страна НАТО» [22, VII.1980, с. 30].

Следует, однако, сказать, что американская военная деятельность в Турции в 70-е годы была ограниченной. В частности, турецкое правительство отказалось разрешить США использовать американские базы на турецкой земле в связи с событиями в Иране, а также для целей помощи Израилю и для поддержки ВМС США в Персидском заливе. В 1975—1979 гг. в результате установленного в декабре 1974 г. конгрессом США эмбарго на поставки американского оружия Турции (в связи с вторжением турецких войск с использованием поставленного США оружия на Кипр в результате заговора против правительства Макариоса) и последовавших за этим репрессивных мер Турции в отношении американских баз на турецкой территории использование этих баз значительно осложнилось. Лишь по американо-турецкому соглашению от 29 марта 1980 г. было

подтверждено право США на дальнейшее использование в течение пяти лет (на совместной с Турцией основе) американских военных объектов на турецкой земле в обмен на военную и экономическую помощь США [22, VII.1980, с. 30—31].

В целом Соединенным Штатам не удалось превратить СЕНТО в действенное оружие военного неокOLONиализма. Вашингтон не смог привлечь к участию в СЕНТО ключевые арабские страны — Египет, Сирию, Ливан, Иорданию, Саудовскую Аравию, затормозить с помощью этого блока становление и укрепление национальных арабских правительств, превратить ближневосточный регион в военно-стратегический плацдарм США. Блок не оправдал расчетов США на его использование в интересах империализма в конфликтных ситуациях в регионе. В период октябрьской войны 1973 г. азиатские страны СЕНТО не оказали поддержки Соединенным Штатам и Израилю, они потребовали вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий. Блок СЕНТО не смог предпринять мер по борьбе против революции в Афганистане в апреле 1978 г., по оказанию помощи Пакистану в его вооруженном конфликте с Индией в 1971 г., по подрыву национализации нефти в Ираке в 1972 г. Блок оказался полностью парализованным в результате событий в Иране в 1978—1979 гг. Вашингтон не смог использовать СЕНТО для поддержки шахского режима, для организации империалистической помощи Сомали в ее агрессии против Эфиопии в 1977—1978 гг. После того как в 1979 г. Иран и Пакистан вышли из СЕНТО, правительство Турции выступило с инициативой о прекращении деятельности СЕНТО, так как этот блок фактически утратил свои функции.

В 1979—1980 гг. Вашингтон лихорадочно искал пути замены СЕНТО, компенсации потери своих стратегических позиций в регионе, вызванной выходом Ирана из орбиты американской военной стратегии. Соединенные Штаты разрабатывали планы создания в ближневосточном регионе новой военно-политической группировки государств с различными комбинациями ее потенциальных членов. В феврале 1979 г. на Ближний и Средний Восток был направлен министр обороны США Г. Браун. Он посетил Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль и Египет. В его задачи входило подтвердить незыблемость обязательств США в отношении их ближневосточных партнеров. Одновременно Г. Браун обсуждал в Эр-Рияде, Аммане, Каире и Тель-Авиве конкретные планы восстановления военных позиций США в регионе путем создания новой военной группировки ближневосточных государств, а также ввода американских войск в некоторые из стран региона.

В числе прорабатывавшихся в конце 70-х годов в Вашингтоне вариантов нового блока был план создания «региональной организации безопасности» зоны Персидского залива. Подход США состоял в том, чтобы обеспечить военно-политическое со-

трудничество консервативных режимов зоны Персидского залива — Саудовской Аравии, Омана, Бахрейна, Катара, ОАЭ — на региональной основе, без прямого участия Соединенных Штатов или других западных держав, на основе «пакта о безопасности зоны Персидского залива». Лидером такого объединения должна была стать Саудовская Аравия. Еще в ноябре 1976 г. в Маскате (Оман) было проведено совещание министров иностранных дел восьми стран зоны Персидского залива (участвовали Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Оман, Кувейт, Катар, Бахрейн, ОАЭ), на котором был поставлен вопрос о выработке совместного заявления по вопросам безопасности и сотрудничества в области «борьбы против агрессии и подрывных действий». Однако участники совещания ввиду возникших между ними противоречий, в том числе и территориальных споров, не смогли прийти к согласию относительно условий регионального сотрудничества и проект документа принят не был. Хотя провал совещания в Маскате продемонстрировал явную нежизнеспособность американских планов «безопасности» зоны Персидского залива, однако эти планы не были положены под сукно. В конце 1979 г. Вашингтон, действуя через прислуживавший ему правый режим в Омане, выдвинул очередной план «защиты водных подступов к Персидскому заливу», предусматривавший создание военного союза с участием реакционных арабских режимов в целях установления империалистического контроля над Ормузским проливом [302, 24.IX.1979]. Другим вариантом замышлявшегося регионального военного блока были планы создания (в рамках кэмп-дэвидской стратегии) военно-политического союза между Египтом и Израилем при участии США. Роль США должна заключаться в наращивании своего военного присутствия в регионе, обеспечении крупномасштабных поставок оружия Израилю и Египту, закреплении американских гарантий их «безопасности». В целом можно констатировать, что вопрос о создании империализмом США нового военного союза на Ближнем и Среднем Востоке не снят с повестки дня. Помимо того, в 1980 г. активизировались попытки американской дипломатии продвинуть через Совет НАТО решение о распространении прямой «ответственности» НАТО на ближневосточный регион.

### **Угроза американской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке**

С середины 70-х годов, когда, по мнению руководящих кругов США, был преодолен «вьетнамский синдром» в настроениях широких слоев американской общественности, Вашингтон вновь стал ставить вопрос об использовании интервенционистских, силовых методов для подавления освободительных движений в странах Ближнего и Среднего Востока и восстановле-

ния потерянными империализмом позиций. В числе конкретных поводов для возможной американской интервенции называлось установление арабскими странами нового эмбарго на поставки нефти в США и в другие страны НАТО в случае прихода к власти в ключевых нефтедобывающих странах (особенно в Саудовской Аравии) революционно-демократических сил и т. д. Журнал «Форчун» в деталях обрисовал сценарии и варианты интервенционистских действий США в ответ на такие потенциально возможные, по мнению журнала, события, как государственный переворот в Саудовской Аравии и свержение проамериканского монархического режима, вторжение вооруженных сил Ирака в Кувейт или Саудовскую Аравию и т. д. [311, 7.V.1979, с. 156—160]. В 1979 г. Пентагон подготовил доклад «Военные варианты в Персидском заливе», в котором содержался анализ различных альтернатив военных действий США на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и с использованием тактического ядерного оружия [304, № 6, 1980, с. 20].

Государственный секретарь Г. Киссинджер в нашумевшем в свое время интервью журналу «Бизнес Уик» в январе 1975 г. заявил о возможности при определенных обстоятельствах использования Соединенными Штатами силы в ближневосточном регионе [305, 13.I.1975, с. 69]. Это заявление американского государственного секретаря было поддержано президентом Дж. Фордом. В дальнейшем, несмотря на единодушное осуждение в арабских странах американских военных угроз, руководители США возвели установку на интервенционизм на Ближнем и Среднем Востоке в ранг официальной политики.

В период правления администрации Дж. Картера (1977—1980) тезис о возможности использования американских вооруженных сил, в том числе для обеспечения беспрепятственных поставок ближневосточной нефти, не раз звучал в выступлениях руководящих деятелей США. Так, министр обороны Г. Браун в телевизионном интервью 25 февраля 1979 г. заявил, что «защита поставок нефти из района Ближнего и Среднего Востока определенно является частью наших жизненно важных интересов. Для защиты этих интересов мы предпримем любые действия, которые будут подходящими, включая использование военной силы. Но использование военной силы не обязательно является подходящим в каждом конкретном случае» [323, 12.III.1979, с. 24]. Возможность использования вооруженной силы США в ближневосточном регионе была официально декларирована Дж. Картером в его выступлении в конгрессе США 23 января 1980 г. «О положении страны» («доктрина Картера»). Интервенционистские угрозы подкреплялись конкретными мерами США по созданию рычагов своего вооруженного вмешательства в регионе (формирование «сил быстрого развертывания», наращивание военного присутствия в Индийском океане и в зоне Персидского залива и т. д.).

Возникает вопрос, ограничены США или нет в использовании силы в ближневосточном регионе? Конечно, США делают ставку на использование силы в качестве инструмента американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Однако пуск в ход силовых методов зависит от общей обстановки в мире и политики разрядки, от конкретной обстановки в регионе, соотношения сил вовлеченных в конфликт государств, степени воздействия той или иной кризисной ситуации на военные и экономические интересы Соединенных Штатов и общую расстановку сил в мире, и, наконец, от готовности миролюбивых сил дать решительный отпор агрессивным действиям империализма.

В 70-е годы в правящих кругах США достаточно широко было распространено мнение об опасности для интересов самих же США попыток решения кризисных ближневосточных проблем, особенно проблемы нефти, вооруженным путем. Считалось, что при сохранении интервенционизма в качестве неотъемлемой части ближневосточной политики Вашингтону следует активно использовать более «гибкие» альтернативные средства — экономический нажим, пропагандистское наступление, дипломатические маневры и т. д. Журнал «Форин Аффферз» еще в 1975 г. сделал вывод о том, что Вашингтону не следовало бы осуществлять вооруженное вмешательство в ближневосточные дела. Журнал заявлял, что в случае использования силы в регионе Соединенные Штаты столкнулись бы с возникновением ряда неблагоприятных для себя последствий, в числе которых была бы замена прозападных режимов экстремистскими правительствами, ухудшение шансов на мир в арабо-израильском конфликте, рост напряженности в НАТО, повышение авторитета СССР на Ближнем и Среднем Востоке [309, IV.1975, с. 419]. Американский ученый и дипломат Дж. Нойес в своем исследовании проблемы безопасности зоны Персидского залива выступал против интервенционистских планов захвата ближневосточной нефти [226, с. 90—97].

Мнение в отношении неэффективности военной интервенции США в регионе в целях «решения» нефтяных проблем высказывал американский военный журнал «Милитари Ревью». В опубликованной в мае 1979 г. статье «Национальная безопасность США и ближневосточная нефть» журнал заявлял, что для достижения ключевых целей США на Ближнем и Среднем Востоке «дипломатия должна превалировать над использованием военной силы» [316, V.1979, с. 47]. В другой статье необходимость сдержанной позиции США в вопросе об использовании силы этот же журнал аргументировал соображениями морально-политического плана (трудность оправдать военную интервенцию и нарушение суверенитета нефтедобывающих государств, негативная реакция мирового общественного мнения, в том числе в западноевропейских странах — союзниках США,

потеря влияния США в консервативных арабских государствах), неэффективностью вооруженной интервенции в военном и экономическом плане (невозможность установления реального американского военного контроля над обширными нефтедобывающими районами, трудности налаживания гарантированных поставок нефти в условиях военной оккупации арабских нефтепромыслов, недостаток в ближневосточном регионе американских ВВС, ВМС, транспортных и десантных средств для выполнения интервенционистских задач), значительным ущербом для экономических позиций США (потеря американских капиталовложений в регионе, подрыв позиций нефтяных компаний) [316, II.1978, с. 3—4].

Выводы такого же плана сделаны в опубликованных в 1975 и 1979 гг. научно-исследовательской службой американского конгресса докладах с комплексным анализом плюсов и минусов вооруженного вмешательства США в целях обеспечения поставок ближневосточной нефти. В докладе 1975 г. сделан вывод о том, что «военные операции по спасению Соединенных Штатов от жесткого нефтяного эмбарго сочетали бы в себе высокую стоимость с большим риском. Стратегические резервы США были бы оголены. Перспективы были бы неблагоприятными, а негативы далеко идущих политических, экономических, социальных, психологических и, возможно, военных последствий были бы наказанием за провал» [55, с. XI]. В докладе 1979 г. был подтвержден прежний вывод относительно «большого риска» и возможных неблагоприятных для США последствий американской вооруженной интервенции в целях захвата ближневосточной нефти [302, 16.VII.1979].

Можно, по-видимому, констатировать, что в 70-е годы политика американского интервенционизма в ближневосточном регионе переживала фазу кризиса. Этот кризис прежде всего был вызван изменением общего соотношения сил на международной арене в пользу мира и социализма, утверждением процесса разрядки международной напряженности. Разрядка во многом блокировала возможности силовых решений империализмом своих неокOLONиалистских задач на Ближнем и Среднем Востоке, сдерживала агрессивные проявления в политике США. Тот факт, что удалось локализовать октябрьский вооруженный конфликт 1973 г. и обеспечить его урегулирование политическими средствами, что была предотвращена возможность интервенции США в Иране в 1979—1980 гг., свидетельствовал о том, что разрядка оказывала конкретное позитивное воздействие на обстановку в ближневосточном регионе.

Углублению кризиса американского интервенционизма способствовал ряд других экономических, военных и политических факторов. Во-первых, нежелательность для США военной конфронтации с ближневосточными государствами вытекала из того, что военные действия в этом районе могли бы привести



к разрушению нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих заводов, разрыву нефтетранспортных коммуникаций, потере вложенных в нефть этого региона американских капиталов, использованию арабами «нефтяного оружия» против США, перекрытию доступа США к ближневосточной нефти с соответствующими потрясениями в сложившейся системе снабжения жидким горючим Соединенных Штатов и западноевропейских стран НАТО.

Во-вторых, Вашингтон учитывал общую, в целом неблагоприятную для него расстановку военных сил на Ближнем и Среднем Востоке. Удаленность этого района от территории США, военная слабость, а затем и полный развал СЕНТО; недостаточность для «большой войны» военного присутствия США в регионе; практическая невозможность использования имеющихся баз (например, американских баз в Турции, на Бахрейне и в Омане) в вооруженном конфликте с арабскими странами, общее ослабление южного фланга НАТО — все это вынуждало Вашингтон проявлять осмотрительность в подходе к «силовой стратегии». Против вооруженного вмешательства на Ближнем и Среднем Востоке возражали западноевропейские страны и Япония.

В-третьих, США учитывали, что интервенция могла бы привести к разрыву дипломатических отношений Вашингтона с ближневосточными странами, росту антиамериканских настроений во всем районе Ближнего и Среднего Востока, падению престижа США, укреплению единого фронта арабских государств на антиимпериалистической основе. В более широком плане интервенция, несомненно, форсировала бы процессы ликвидации экономических, военных и политических позиций США в развивающихся государствах. Отрезвляющее воздействие на вашингтонских стратегов оказывало и сознание того, что интервенционистские акции на Ближнем и Среднем Востоке — районе, непосредственно примыкающем к южным рубежам СССР — чреваты опасностью прямого военного столкновения с Советским Союзом.

С учетом изложенного Вашингтон в 70-е годы проявлял определенную сдержанность в отношении конфликтных ситуаций в регионе. В реальной политике США, несмотря на военные угрозы и шантаж, акцент делался на продвижение «мирных инициатив» в решении острых кризисов в регионе, на рычаги экономического, политического и идеологического нажима, на преимущественное использование американских партнеров в целях вооруженной борьбы против антиимпериалистических режимов при одновременном сохранении на крайний случай потенциальной возможности вмешательства военной машины США. Именно в этих целях Вашингтон предоставлял своим союзникам на Ближнем и Среднем Востоке громадные количества самого современного, в том числе и наступательного во-

оружия, повышал их военный потенциал, чтобы они могли бы выполнять функции полицейской силы в регионе.

Показательно, что США не пошли на использование военных средств против государств, полностью национализировавших американские нефтяные активы (Ирак в 1972 г., Ливия в 1973 г., Иран в 1979 г.). В период четвертой арабо-израильской войны в октябре 1973 г. правительство США, хотя оно выступало с угрозами в адрес арабских стран и оказало громадную военную и политическую поддержку Израилю, стремились вместе с тем не допустить расширения этого вооруженного конфликта и вело дело к поиску мирных решений. Американская дипломатия прилагала усилия, чтобы провести в Совете Безопасности ООН совместно с СССР резолюцию о «прекращении огня», предотвратить переход конфликта в плоскость конфронтации между США и СССР.

Характерны в этой же связи попытки США задействовать вооруженные силы ООН (в Египте, Сирии и Ливане) для предотвращения рецидивов вооруженных столкновений между арабами и Израилем на Синайском полуострове, в районе Голанских высот, в Южном Ливане. Вашингтон явился инициатором заключения соглашений между Египтом и Израилем о разъединении войск на Синае (1974 и 1975 гг.) и аналогичного соглашения между Сирией и Израилем (1974 г.), которые предусматривали ввод в зоны разъединения по решению Совета Безопасности ООН контингентов вооруженных сил ООН.

В завершающий период иранской революции (1978—1979) Вашингтон, несмотря на угрозу потери американских позиций в результате свержения шаха, так и не пошел на организацию прямого вооруженного вмешательства в иранские дела, хотя США и имели с шахским правительством двухсторонние соглашения о принципиальной возможности такого шага. Журнал «Форчун» констатировал, что «возможность американской военной интервенции сразу же была отмечена как беспочвенная» [311, 12.III.1979, с. 102]. Соединенные Штаты ограничились лишь «демонстрациями силы» против Ирана, в числе которых были ввод в Индийский океан оперативного авианосного соединения ВМС США, маневры в Персидском заливе ближневосточного отряда ВМС США, переброска в Саудовскую Аравию на временной основе группы истребителей F-15 с прикомандированием американского военного персонала и т. д.

В конечном итоге США были вынуждены признать ограниченность своих возможностей в сфере прямого военного вмешательства в иранские события, бесперспективность в том, что касается Ирана, «дипломатии канонерок». Разумеется, свою роль сыграло и сделанное Советским Союзом в ответе Л. И. Брежнев на вопрос корреспондента «Правды» 18 ноября 1978 г. решительное предупреждение Соединенным Штатам не вмешиваться во внутренние иранские дела [2, т. 7, с. 523].

### **ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ПРАКТИКА ВАШИНГТОНА**

#### **Американская модель «урегулирования»**

С 1970 по 1980 г. ближневосточный конфликт оставался нерешенным. Продолжалась оккупация Израилем захваченных в 1967 г. арабских земель. Не было достигнуто сдвигов в решении вопроса об обеспечении законных национальных прав арабского народа Палестины. Не прекращено состояние войны между Израилем и сопредельными ему арабскими странами. Израиль занимался аннексированием оккупированных арабских территорий. События 70-х годов вновь подтвердили, что в основе арабо-израильского конфликта лежат не местные разногласия национального и религиозного характера между арабами и евреями, а историческая борьба арабского национально-освободительного движения против империализма, неокOLONиализма и сионизма, за упрочение политической и экономической независимости, прогрессивное развитие арабских стран без вмешательства извне.

Факты показывают, что ни республиканские правительства Р. Никсона и Дж. Форда, ни пришедшая в Белый дом в январе 1977 г. администрация партии демократов во главе с Дж. Картером (вопреки их бесконечным заверениям обеспечить «подлинный мир» в регионе) не предпринимали никаких действительных шагов, чтобы добиться всеобъемлющего мирного урегулирования ближневосточного конфликта на основе ликвидации последствий израильской агрессии, учета законных интересов всех вовлеченных в конфликт государств. В ходе состоявшихся в 1970—1980 гг. по различным каналам переговоров по ближневосточной проблематике Вашингтон отдавал предпочтение не взвешенному и объективному учету интересов всех заинтересованных сторон, а реализации своих империалистических задач в регионе, стабилизации положения Израиля как проамериканского государства с агрессивной внешней политикой, расположенного в самом центре арабского мира, затягиванию урегулирования на всеобъемлющей комплексной основе с прекращением израильской оккупации и удовлетворением неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины, вы-

воду египетского режима А. Садата из общеарабской борьбы против империализма и сионизма.

Официальная американская пропаганда, а также исследования американских ученых стремились замаскировать эту obstructионистскую позицию США в вопросе об урегулировании. Дело представлялось так, будто администрация США «искренне» добивалась урегулирования, а внешние силы мешали, мол, конструктивным начинаниям Вашингтона. Политика США в арабо-израильском конфликте объяснялась стремлением защитить интересы ближайшего американского союзника — Израиля, связанного с Соединенными Штатами «узлами дружбы и партнерства». Без преувеличения можно сказать, что нет и не было такого другого вопроса во внешней политике США как ближневосточный, вокруг которого была бы развернута столь массивная миротворческая пропаганда. Не было конца заверениям Вашингтона в своем стремлении к урегулированию ближневосточного конфликта, упрочению мира и безопасности в регионе.

Правительство США во многих своих внешнеполитических документах декларировало приверженность поискам ближневосточного урегулирования в рамках резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и 338. Так, президент Р. Никсон во внешнеполитическом докладе конгрессу от 3 мая 1973 г. утверждал, что «достижение урегулирования на Ближнем и Среднем Востоке — в национальных интересах США и что для нас прекратить поиски урегулирования было бы несовместимо с нашей ответственностью как великой державы» [87, с. 134]. При президенте Дж. Картере проблеме ближневосточного урегулирования было придано приоритетное значение в политике США. Этот вопрос был поставлен на одно из первых мест в списке внешнеполитических задач Вашингтона. Государственный секретарь С. Вэнс в выступлении в сенатской комиссии по иностранным делам 27 марта 1980 г. заявил: «Всеобъемлющее урегулирование между Израилем и его арабскими соседями остается первостепенной задачей Соединенных Штатов» [22, V.1980, с. 18].

Поднятая в США вокруг ближневосточной проблемы завеса лицемерия и фальсификаций, двойная игра дипломатии Вашингтона подчас создавали впечатление в искренности намерений вашингтонской администрации приложить реальные усилия, чтобы вывести ближневосточный конфликт из тупика. Однако анализ истоков и мотивов позиции США ничего не оставляет от заверений в стремлении США к достижению мира в ближневосточном регионе на справедливых для всех вовлеченных в конфликт сторон условиях. Широко используемое в вашингтонском лексиконе слово «мир» на Ближнем и Среднем Востоке на деле имело совершенно другое содержание. Если для широкой общественности понятие «мир» олицетворяет проч-

ные, справедливые, равноправные мирные отношения между Израилем и арабскими странами, то «мир» по-вашингтонски — это свобода Израиля осуществлять политику агрессии, экспансии и порабощения арабов. Это — лишение арабов-палестинцев их законных национальных прав, это свобода империалистических нефтяных ТНК продолжать политику ограбления национальных ресурсов арабских государств.

Позиция США в ближневосточном конфликте определяется комплексом глобальных целей американского империализма, связанных со значением Ближнего и Среднего Востока как главного нефтедобывающего района капиталистического мира и важнейшего военно-стратегического региона. Тот факт, что Вашингтон уходил от достижения ближневосточного урегулирования на справедливой основе, объяснялся, конечно, не только воздействием на политику США влиятельного произраильского лобби, хотя это воздействие, да притом немалое, имело место. Истоки обструкционистской линии Вашингтона кроются в более глубоких политических, экономических и военно-стратегических факторах, которые связаны с долгосрочными целями и задачами американской политики на Ближнем и Среднем Востоке.

В ближневосточном конфликте в тугой узел переплелись, казалось бы, принципиально несовместимые друг с другом цели и интересы США. Во-первых, это — стремление США к безоговорочной поддержке политики своего наиболее близкого партнера и союзника Израиля. Одновременно с этим — расчеты Вашингтона ограничить выходящие за «допустимые» рамки экспансионистские устремления Израиля в отношении арабских стран, которые могли бы нанести ущерб долгосрочным интересам США. Во-вторых, это — устойчивая ориентация США на развитие отношений с арабскими странами с учетом прежде всего фактора нефти. Одновременно с этим — линия на ослабление единства арабского мира, подрыв арабских антиимпериалистических правительств и движений. В-третьих, это необходимость для администрации США считаться, с одной стороны, с воздействием американских сионистских кругов в пользу усиления всесторонней поддержки Израиля, а с другой — нажимом нефтяных ТНК, заинтересованных в создании проамериканского политического климата в арабских странах. Одновременно с этим — объективная необходимость президента проводить такой курс на Ближнем и Среднем Востоке, который отвечал бы общим интересам американского правящего класса, а не только его отдельных, хотя и весьма влиятельных сионистских, нефтяных и других группировок. С учетом всего этого, позиция Вашингтона по проблеме ближневосточного конфликта носила сложный, зачастую противоречивый характер.

При анализе концептуальных основ американского подхода к проблеме ближневосточного конфликта важно дать ответ на вопрос о том, соответствует ли интересам США перерастание

этого конфликта в фазу открытой вооруженной борьбы и вспышка новой войны между арабскими странами и Израилем? Или в новых условиях, характеризующихся, в частности, усилением роли арабских стран для экономических и стратегических интересов США, вооруженный этап арабо-израильской конфронтации больше не является для Вашингтона приемлемым?

Факты показывают, что если в 50—60-е годы «ограниченный» арабо-израильский вооруженный конфликт считался в стратегии США допустимым, то в 70-е годы, особенно после октябрьской войны 1973 г., приоритетным компонентом в позиции США стало стремление сохранить ситуацию «контролируемой напряженности» без новой вспышки арабо-израильской войны. Теоретики американской внешней политики стали считать, что новая война могла бы обернуться весьма неблагоприятными последствиями для политических, экономических и военных интересов США как в регионе, так и в международном масштабе в целом. Такая война могла бы создать опасность вооруженной конфронтации между США и СССР, свергнуть капиталистический мир в новый, значительно более серьезный, чем прежде, этап энергетического кризиса, обострить отношения США с союзниками и т. д. В таком духе неоднократно высказывались президенты Р. Никсон и Дж. Картер, государственные секретари Г. Киссинджер и Э. Маски, заместители государственного секретаря США. Так, например, Дж. Картер в выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 октября 1977 г. заявил: «Из всех региональных конфликтов, происходящих сейчас в мире, наиболее чреват опасностью конфликт на Ближнем и Среднем Востоке. Война там (речь идет об октябрьской войне 1973 г.—*Р. Б.*) уже приводила мир на грань ядерного противоборства. Она нарушила нормальное развитие мировой экономики и принесла серьезные лишения народам как развивающихся, так и развитых стран» [95, 10.X.1977, с. 1474]. Заместитель государственного секретаря США по ближневосточным делам Г. Сондерс в выступлении в конгрессе 12 июня 1978 г. сказал: «Мы давно уже признали важность того, чтобы Соединенные Штаты стремились предотвратить переход конфликта на Ближнем и Среднем Востоке вновь в фазу военной вспышки» [22, VIII.1978, с. 29].

Аналогичные выводы в отношении подхода США к проблеме войны и мира в регионе были сделаны в исследованиях американских буржуазных ученых. Эта проблема была разработана, в частности, в исследованиях видного ученого-ближневосточника Дж. Кэмпбелла, профессора Гарвардского университета Н. Сафрана, профессора Джорджтаунского университета Б. Рейча, дипломата и ученого У. Куандта и ряда других. Все они сходятся на том, что для США в сложившихся условиях необходимо искать пути к какому-то урегулированию

ближневосточного конфликта и к предотвращению новой вспышки войны. «Для Соединенных Штатов,— подчеркивал Н. Сафран,— урегулирование стало делом настоятельной необходимости... Альтернативой быстрому движению в направлении урегулирования было бы продолжение арабо-израильской конфронтации и возможная война с ее грозными последствиями» [243, с. 589]. По оценке Б. Рейча, «для Соединенных Штатов прекращение ближневосточного конфликта сократит опасность конфронтации и конфликта с Советским Союзом, будет способствовать улучшению отношений с арабскими странами региона, обеспечит достижение цели США, касающейся укрепления безопасности Израиля, и позволит добиться достижения других американских задач в регионе (особенно обеспечение надежных поставок нефти и торговых интересов)» [237, с. 402]. Дж. Кэмпбелл указывал, что «Соединенные Штаты нуждаются в стабильности на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы избежать нового раунда арабо-израильской войны, которая могла бы быть хуже, чем война 1973 г., установить прочные отношения с нефтедобывающими странами Персидского залива, обеспечив доступ к нефти по разумным ценам», и чтобы тем самым, как считает автор, закрыть возможности для Советского Союза укрепить в регионе некие военные и политические позиции, якобы наносящие ущерб интересам Запада (см. [152, с. 626]).

Разумеется, предлагавшиеся правительством и учеными США структуры «мира» на Ближнем и Среднем Востоке в корне отличались от мира реального и справедливого, мира в прямом понимании этого слова. Речь шла о мире империалистическом, мире несправедливом для арабов. Но вместе с тем было ясно, что даже при таком характере мира США все же ориентировались на исключение «горячей войны», создание условий, при которых такая война не могла бы вспыхнуть. Отход США от установок 50—60-х годов на поддержку крупных вооруженных акций Израиля против сопредельных арабских государств был вызван с учетом того, что после октябрьской войны 1973 г. в ближневосточном регионе сложилась принципиально новая расстановка сил. Во-первых, главным контрагентом Израилю стало выступать теперь не революционно-демократическое правительство Египта, проводившее, как это было при президенте Г. Насере, активный антиимпериалистический, антиссионистский курс, а проамериканский реакционный режим А. Садата. Во-вторых, усилилось экономическое и политическое влияние в регионе консервативных арабских режимов, особенно Саудовской Аравии, стоявших в целом на соглашательских позициях в отношении империализма. В-третьих, палестинское движение сопротивления, ослабленное в результате своей вовлеченности в события в Ливане, не представляло реальной угрозы Израилю как государству. В-четвертых, ближневосточный конфликт стал неразрывно связан с энергетическим благополучием США и

других стран НАТО. В-пятых, разрядка международной напряженности была ведущей тенденцией в развитии международной обстановки, она оказывала сдерживающее влияние на милитаристские замыслы империализма.

Вашингтон опасался, что новая арабо-израильская война неминуемо поставила бы США в положение прямого сообщника Израиля. В этом случае была бы сорвана кэмп-дэвидская стратегия, фундаментально подорваны позиции Вашингтона в арабском мире, ослаблены консервативные арабские режимы, продемонстрирована несостоятельность расчетов этих режимов на поддержку со стороны США. Война привела бы к радикализации всей политической обстановки в регионе, могла бы подорвать режим А. Садата. Важным фактором, воздействовавшим на позицию Вашингтона, была заинтересованность США, ставшая, в сущности, объективной необходимостью, в развитии отношений с арабскими странами, особенно с нефтедобывающими, в проведении более уравновешенной, чем прежде, политики в арабо-израильском конфликте. Это вытекало из стремления сохранить позиции американского нефтяного комплекса в арабских странах, продлить, насколько это окажется возможным, доступ США к арабской нефти. Журнал «Бизнес Уик» писал, что ближневосточный регион «настолько взрывоопасен, что можно представить себе десяток вариантов событий, которые могли бы на следующий же день привести к потере Западом половины необходимой ему нефти» [305, 28.XI.1977, с. 56].

Реальную опасность для своих интересов Вашингтон видел в неизбежном использовании арабскими странами, в случае вспышки новой войны в регионе, нефтяного оружия против США и их союзников. При этом считалось, что новое арабское эмбарго на поставки нефти в США нанесло бы американской экономике значительно больший ущерб, чем эмбарго 1973—1974 гг. Если результатом эмбарго 1973—1974 гг. была потеря в США 0,5 млн. рабочих мест и сокращение ВВП на 20 млрд. долл. [95, 10.I.1977, с. 9], то новое эмбарго, если его продолжительность составит шесть месяцев, привело бы к росту безработицы на 1—1,5 млн. человек и сокращению ВВП на 39—56 млрд. долл. [319, осень 1977, с. 664]. Определенное влияние на позицию США оказывал и учет Вашингтоном высокой стоимости арабо-израильского конфликта для американского бюджета. По имеющимся данным, суммарные затраты США, связанные с войнами на Ближнем и Среднем Востоке, потерями в результате нефтяного эмбарго, выплатами на содержание войск ООН в регионе, оказанием помощи Израилю и арабским странам, оцениваются в 55—70 млрд. долл. [50, с. 13—14].

Что касается «израильского угла» в подходе США к ближневосточному урегулированию, то он определялся прежде всего фактором функционирования тесного американо-израильского



военного союза. «Национальные интересы Соединенных Штатов и Израиля в отношении мира и стабильности на Ближнем и Среднем Востоке,— указывал в докладе о результатах своей поездки в Израиль в апреле 1975 г. американский сенатор Дж. Джэвитс,— носят столь взаимодополняющий характер, что какое-либо фундаментальное изменение в основах этих отношений практически является немыслимым» [69, с. 4]. Израиль проводил курс на поддержание перманентного кризиса в регионе, на отказ от любых компромиссов, ведущих к установлению справедливого мира, на преднамеренное затягивание кризиса, саботаж выполнения решений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему и Среднему Востоку. Израиль не относил палестинскую проблему к числу коренных проблем урегулирования, он не признавал Организации освобождения Палестины и отказывался вести с этой организацией какой-либо диалог, возражал против допуска ООП к участию в Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку или другим переговорах по урегулированию ближневосточного конфликта [176, с. 209]. Израильские экстремисты продолжали оккупацию палестинских земель.— Западного берега и сектора Газы, где проживали около 1,1 млн. арабов-палестинцев и лишь 14 тыс. евреев [323, 14.IV.1980, с. 71].

Особенно опасный для дела мира и бескомпромиссный характер стала носить политика Израиля после прихода к власти в результате парламентских выборов в мае 1977 г. блока ультраправых партий «Ликуд» во главе с М. Бегиним, занявшим пост премьер-министра. В основу правительственной программы М. Бегина была положена «теория» о том, будто оккупированные районы Западной Иордании и Газы, согласно «историческому праву» израильтян, должны органически входить в состав Израиля и поэтому, дескать, нет вопроса о прекращении оккупации этих районов и осуществлении там принципа национальной государственности палестинцев. По израильскому лексикону, стержень ближневосточной проблемы — прекращение оккупации Западного берега и Газы, как это зафиксировано во многих решениях ООН, а возвращение этих районов в «лоно Израиля». 20 марта 1979 г.— за несколько дней до подписания сепаратного «мирного» договора с Египтом — М. Бегин заявил в кнессете, что Израиль никогда не выведет свои войска на границы, существовавшие до июньской войны 1967 г., не вернет арабам аннексированную восточную часть Иерусалима и не допустит создания палестинского государства в районе Западного берега и Газы [302, 21.III.1979].

Израиль проводил аннексию оккупированных арабских территорий, осуществлял их насильственную колонизацию. За 1967—1979 гг. на оккупированных арабских землях было создано 133 постоянных израильских поселения различного типа, в том числе военизированных [302, 17.VII.1979]. Такие поселе-

ния были созданы в северной части Синая, на Западном берегу, в секторе Газа, на Голанских высотах. Поселения находились «под защитой» израильских оккупационных вооруженных сил. Помимо стратегических соображений, определяемых рамками израильской концепции о «защитимых и безопасных границах», создание поселений было связано со стремлением израильских правителей увековечить оккупацию арабских земель, изменить демографический состав оккупированных территорий. Политика создания поселений противоречила общепризнанным нормам международного права; в частности, она шла вразрез с положениями Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Явно аннексионистскую политику Израиль проводил и в отношении Иерусалима. Вопреки решениям ООН Израиль вскоре после войны 1967 г. объявил Иерусалим (вместе с оккупированной арабской частью этого города) «столицей Израиля». В 1980 г. Израиль пошел на официальную аннексию арабской части Иерусалима. 31 июля 1980 г. израильский кнессет принял закон, по которому Иерусалим провозглашался «вечной и неделимой столицей Израиля».

Конечно, политика Израиля в целом соответствовала долгосрочным устремлениям американского империализма на восстановление и упрочение своего контроля над районом Ближнего и Среднего Востока и его нефтяными ресурсами, подорванного в результате побед арабского национально-освободительного движения в 50—60-х годах. Это и определяло принципиальную общность позиций Вашингтона и Тель-Авива. Однако США отнюдь не устраивали ультраэкстремистские проявления израильской политики, которые создавали труднопреодолимые барьеры на пути развития отношений Вашингтона с арабами и реализации американских планов, связанных с сохранением доступа к арабской нефти. Весьма показательной с этой точки зрения была статья американского ученого Я. Лустика в американском журнале «Форин Полиси» в конце 1980 г. В статье говорилось, в частности, что «Соединенные Штаты не должны жертвовать своими интересами на Ближнем Востоке ради израильской политики и амбиций», что они должны «ослабить свою привязку к израильской политике в отношении Западного берега и Газы и достигнуть диалога и политического соглашения с палестинцами» и что «интересам США на Ближнем Востоке не соответствует нынешняя американская политика фактической поддержки аннексионистского курса Бегина» [310, зима 1980—1981 гг., с. 33—42].

Вашингтон учитывал, что в широком историческом плане Израиль в конечном итоге не смог обеспечить выполнения главной задачи США в регионе — повернуть вспять процессы развития освободительной борьбы ближневосточных народов, ликвидировать достигнутые ими в борьбе с нефтяными ТНК завое-

вания. США не смогли использовать Израиль в целях подрыва иранской революции; они не смогли обособить, отделить политику поддержки израильской агрессии от политики эксплуатации арабской нефти. Долгосрочные интересы США на Арабском Востоке пришли в явное столкновение с политикой безоговорочной поддержки Израиля. Во всех нефтедобывающих арабских государствах, включая и консервативные режимы, развивалось движение за национализацию западных нефтяных активов, ликвидацию господства монополий, становление национальной нефтяной индустрии. Большое значение приобрели совместные шаги арабских стран по проведению антиимпериалистической нефтяной политики с превращением вопроса о нефти в действенное орудие политического нажима на США, в средство борьбы за ликвидацию последствий агрессии Израиля.

Октябрьская война 1973 г. нанесла несокрушимый удар по империалистическому мифу о «военной непобедимости» Израиля. Была развенчана израильская военная доктрина, уповавшая на «слабость» арабских армий и способность Израиля к «гарантированной победе» над ними в «любое время». Уменьшилось былое военное превосходство Израиля. Действия арабских вооруженных сил показали, что израильская политика агрессии и территориальных захватов не имеет перспектив. Была подорвана израильская концепция о «защитимых» географических границах. Стало ясным, что ни Суэцкий канал, ни Голанские высоты безопасными для Израиля границами быть не могут. «Война 1973 г. потрясла основы израильской жизни», — писал в своей книге Н. Сафран [243, с. 179]. Потери Израиля в этой войне (военное снаряжение, собственность) оценивались в 4 млрд. долл. [246, с. 178]. Это составляло примерно половину валового национального продукта Израиля в 1973 г. Израиль потерял 2,8 тыс. человек убитыми, 8 тыс. ранеными, 840 танков, 120 самолетов [213, с. 362].

В 70-е годы Израиль оказался в еще более глубокой политической изоляции на международной арене, чем прежде. В период октябрьской войны 1973 г. американские партнеры по НАТО (за исключением Португалии, в которой тогда господствовал фашистский режим) не дали Вашингтону разрешения на использование своих территорий в целях переброски американского оружия в Израиль. Американский ученый Р. Стоки писал в своей книге «Америка и арабские государства», что «за малым исключением, европейские союзники США поспешили отмежеваться от американских действий и даже осудить их, и сильное напряжение поколебало солидарность Атлантического союза» [254, с. VII]. Угроза прекращения или сокращения поставок арабской нефти вынудила Японию и западноевропейские страны НАТО отойти от беспрекословной поддержки позиции США, внести позитивные для арабов коррективы в свою ближневосточную политику. Партнеры США заметно ослабили

политическую, экономическую и военную поддержку Израиля; они держали курс на развитие отношений с арабскими государствами, предостерегали Вашингтон от использования вооруженной силы на Ближнем и Среднем Востоке. В 1973—1980 гг. страны «Общего рынка» выступили с рядом совместных деклараций о своей позиции по проблеме урегулирования ближневосточного конфликта. В этих документах подчеркивалась необходимость выполнения резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и 338, прекращения израильской оккупации арабских территорий, предоставлении прав на национальное самоопределение арабскому народу Палестины. Агрессивная политика Израиля была решительно осуждена движением неприсоединения. В ООН лишь небольшое число государств выступали в защиту Израиля.

Произошли негативные для Израиля сдвиги и в настроениях широкой общественности США. Сионистским кругам и контролируемым ими органам массовой информации в целом не удалось убедить американцев в том, будто главными виновниками обострения энергетических трудностей в США явились арабские страны. Все большее число американцев выступало против односторонней ориентации США на Израиль, в пользу проведения Вашингтоном более взвешенной и сбалансированной политики в арабо-израильском конфликте. Среди американской общественности крепло понимание того, что Израиль проводит опасный и нереалистичский курс на Ближнем и Среднем Востоке, противоречащий интересам США. Отрицательно воспринимались в Соединенных Штатах агрессивные действия Израиля в Ливане. В последние годы опросы общественного мнения неизменно подтверждали устойчивую тенденцию к уменьшению числа американцев, высказывавшихся в поддержку Израиля (с 56% в 1967 г. до 37% в 1975 г.) [257, с. 62]. В 1975 г. 44% опрошенных американцев высказались за то, чтобы США полностью стояли в стороне от арабо-израильской войны. Только 13% выступали за использование американских войск для «сохранения и спасения Израиля» [40, с. 51]. В 1979 г. 59% опрошенных американцев высказались в пользу переговоров США с Организацией освобождения Палестины и только 29% — против [313, 2.X.1979].

Несомненно, осложнились в последние годы отношения между Израилем и американским конгрессом. Конечно, не было оснований говорить о наступлении какого-то кризиса в этих отношениях. Произраильское лобби по-прежнему располагало сильными позициями в обеих палатах высшего законодательного органа США. В конгрессе доминировала установка о «незаменимости» Израиля как главного союзника США на Ближнем и Среднем Востоке. Конгресс поддерживал все ключевые акции вашингтонской администрации, касавшиеся Израиля и ближневосточного региона в целом. Получила, в частности,

двухпартийную поддержку в сенате и в палате представителей кэмп-дэвидская стратегия Дж. Картера. Конгресс утверждал запрашивавшиеся администрацией громадные ассигнования на военную и экономическую помощь Израилю. Американский сенат и палата представителей неоднократно принимали резолюции, декларировавшие поддержку Израиля со стороны США.

В то же время следует отметить, что действовавший ранее, в сущности, на автоматическом режиме механизм поддержки конгрессом Израиля начал работать с явными перебоями. В конгрессе негативно воспринимались зондажи администрации о формализации американских фактических военных обязательств Израилю путем заключения официального американо-израильского договора о военном союзе. Возросло число законодателей, отказывавшихся беспрекословно выполнять волю израильских экстремистов и их подручных из произраильского лобби. Среди членов конгресса усилились опасения в отношении того, что Израиль может вовлечь США, помимо их желания и воли, в вооруженный конфликт в ближневосточном регионе. Все слышнее звучали голоса тех, кто выступал за пересмотр неконструктивного подхода Тель-Авива к проблеме ближневосточного урегулирования. Ряд видных сенаторов, которые в прошлом безоговорочно поддерживали Израиль, стали высказываться, несмотря на сильный нажим на них сионистов, с более трезвой оценкой обстановки в регионе, призывать израильских правителей к проявлению большей гибкости и реализма в ближневосточных делах. Так, сенатор Ч. Перси подчеркивал необходимость ухода Израиля с оккупированных арабских территорий. Сенатор Дж. Макговерн критиковал тактику «частичного урегулирования» администрации Дж. Форда [302, 22.VII.1976]. Более «придирчиво», чем в прошлом, стали рассматриваться запросы администрации о выделении Израилю средств на военную помощь. У многих законодателей не нашли поддержки попытки Израиля заблокировать предоставление американской военной помощи Египту и Саудовской Аравии. В 1978 г. впервые за всю историю существования Израиля произраильскому лобби в конгрессе было нанесено серьезное поражение по принципиально важному вопросу. 15 мая сенат США большинством в 55 голосов против 44 отклонил инспирированную произраильским лобби резолюцию, блокировавшую выполнение решения администрации Дж. Картера относительно пакетной сделки о продаже военных самолетов Израилю, Саудовской Аравии и Египту. На выборах в конгресс в ноябре 1980 г. потерпели поражение несколько сенаторов, которые относились к числу наиболее активных сторонников Израиля, что привело к ослаблению произраильского лобби в сенате США.

С немалыми трудностями столкнулось правительство Дж. Форда в октябре 1975 г. при продвижении через конгресс своего законопроекта о направлении американского персонала

для обслуживания постов радиотехнической разведки на Синае в соответствии со вторым соглашением между Египтом и Израилем о разъединении войск от 4 сентября 1975 г. Ряд сенаторов и конгрессменов выступили против посылки американского персонала на Синай, мотивировав это тем, что такой шаг означал бы расширение американских военных обязательств на Ближнем и Среднем Востоке и мог бы вовлечь США в вооруженный конфликт. Во время слушаний этого вопроса в сенате была поставлена под вопрос конституционность подписанных Г. Киссинджером 1 сентября 1975 г. американо-израильских и американо-египетских документов («Меморандумы о соглашениях», «Заверения правительства США»), поскольку они по характеру содержащихся в них обязательств были равнозначны международным договорам и поэтому должны быть представлены конгрессу на одобрение (тексты см. [23, с. 249—253]). Все это, с одной стороны, объяснялось недовольством американских законодателей по поводу негибкой и закостенелой позиции Израиля по ключевым проблемам урегулирования, что связывало действия дипломатии США, а с другой — пониманием необходимости проведения более сбалансированной политики в арабо-израильском конфликте, исходившей из долгосрочных, в первую очередь нефтяных, интересов США.

Разумеется, в США вставал вопрос и об очевидной бесперспективности агрессивной политики Израиля в долгосрочном плане. Признавалось, что время работает не на Израиль, который превратился в милитаристское государство-гарнизон; что само израильское общество переживает серьезный кризис, охватывающий сферы экономики, политики и социальных отношений; что нарастают процессы изменения соотношения политических и военных сил в регионе в пользу арабских государств; что усиливается изоляция Израиля на международной арене; что резко ухудшается его финансово-экономическое положение, растут инфляция, внешние долги; что в самом Израиле пробивают себе дорогу настроения против колонизации оккупированных территорий и проведения политики экспансии, за занятие более гибкой позиции по проблеме урегулирования с арабами.

Журнал «Форин Аффферз» писал по этому поводу, что Израиль — это «страна в осаде». Это государство тратит на военные цели 30% своего ВВП — больше, чем любая другая страна в мире. Ежегодно израильские военные расходы растут на 20%. Внешний долг Израиля в 1978 г. — 12,5 млрд. долл.\*; темпы инфляции — 50%; дефицит платежного баланса — 3,25 млрд. долл. [309, лето 1979, с. 1005, 1011, 1012, 1014]. Профессор Гарвардского университета Стэнли Хоффман отме-

---

\* В 1980 г. внешний долг Израиля достиг уже 17,5 млрд. долл. [321, 18.V.1981, с. 26].

чал в своих работах, что Израиль должен добиваться выхода из физической и моральной изоляции от соседних арабских стран и остального мира, своей «интеграции в ближневосточный регион». Он должен сократить военный бюджет, вывести войска с оккупированных территорий и в обмен добиться признания своего существования и соответствующих гарантий [309, IV.1975, с. 420—428]. Серьезное беспокойство в США вызывало усиление внутренней нестабильности в Израиле (неустойчивость кабинета М. Бегина, уход в отставку в 1979—1980 гг. «столпов» израильской государственной машины М. Даяна и Э. Вейцмана).

С учетом всех изложенных факторов Вашингтон объективно был заинтересован в том, чтобы быстрее «закрыть» острый ближневосточный конфликт, снизить уровень арабо-израильского противостояния и взрывоопасность обстановки в регионе. По замыслам США, снижение уровня арабо-израильской конфронтации расчистило бы путь для проведения более маневренной американской политики в регионе, особенно в том, что касается укрепления и развития отношений с арабскими странами, позволило бы США сконцентрировать внимание и энергию на других неотложных международных делах. То, что на Ближнем и Среднем Востоке стало объективно необходимым какое-то урегулирование, ведущее к снижению взрывоопасности конфликта, стало никем, кроме кругов сионистов, не оспаривавшейся установкой ближневосточной политики США последних лет. Вопрос заключался в том, каким должно быть это урегулирование, на какой конкретно основе оно должно быть достигнуто. Должно ли это урегулирование быть всеобъемлющим, соответствовавшим основополагающим решениям Совета Безопасности ООН и удовлетворявшим законные, справедливые требования всех вовлеченных в конфликт государств, или оно должно носить характер частичных, паллиативных сделок, не устраняющих фундаментальные причины ближневосточного кризиса, но в какой-то степени снижающих его взрывоопасность и накал, т. е. быть построено по американско-израильской модели, идущей вразрез с подлинными интересами укрепления мира и безопасности в регионе.

Можно сделать вывод, что достижение всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта на базе полного вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и материализации неотъемлемых прав арабского народа Палестины определенно расходилось с экспансионистскими целями американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Во-первых, коренным империалистическим интересам США отвечала дальнейшая стабилизация положения Израиля как проамериканского, вооруженного до зубов государства с агрессивной внешней политикой и сионистской идеологией. С учетом сложившейся в этом районе обстановки, ха-

рактизирующей неустойчивостью системы правых арабских режимов, Вашингтон рассматривал Израиль в качестве единственной надежной опоры, действенного рычага нажима на арабов, орудия борьбы против освободительных сил в арабском мире. Соединенные Штаты считали, что в результате всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта и достижения прочного мира в этом районе они лишились бы этой важной козырной карты в своей политике.

Во-вторых, вашингтонские стратеги рассматривают Израиль в качестве важного компонента американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке. Израилю, особенно после свержения шаха в Иране в 1979 г., отводится наряду с Египтом ключевая роль в утверждении проамериканского баланса сил в этом районе. В этой связи достижение всеобъемлющего урегулирования с вытекающим из него устранением возможностей проведения Израилем «силовой политики» против сопредельных государств свело бы на нет роль израильского фактора в военных планах США, привело бы к нарушению в ущерб Вашингтону стратегического равновесия сил в регионе.

В-третьих, сковывающее воздействие на позицию США оказывали и факторы внутривосточного плана. Деятельность произраильского лобби в конгрессе и в исполнительных органах власти ограничивала маневренность вашингтонской администрации в ближневосточном вопросе. Попытки Вашингтона, сколь бы робкими они ни были, выйти за рамки приемлемых Израилю шагов, оказать нажим на Тель-Авив наталкивались на шумные обструкции сионистских кругов. Эти обструкции наносили политический ущерб Белому дому, позволяли стоящей в оппозиции президенту партии превращать ближневосточный вопрос в предмет острой межпартийной борьбы. В результате как президенты-республиканцы Р. Никсон и Дж. Форд, так и президент-демократ Дж. Картер были вынуждены уступать нажиму сионистов, снова и снова возвращаться к тактике «частичных шагов» и сепаратных сделок.

В-четвертых, принятию Соединенными Штатами принципа всеобъемлющего урегулирования препятствовало стремление правящей американской верхушки отмежеваться от решения палестинского вопроса на условиях, удовлетворяющих законные национальные права арабского народа Палестины. Вашингтон был безоговорочно против создания суверенного палестинского государства. Он исходил из того, что появление на карте Ближнего и Среднего Востока независимой арабской Палестины с активной антиимпериалистической и антиссионистской политикой, не отвечало бы ни интересам США, ни интересам Израиля.

В-пятых, интересам США, разумеется, соответствовало и то, что перманентная неурегулированность ближневосточного конфликта, ставшая постоянно действующим фактором обстанов-



ки в регионе, способствовала расколу арабского мира, стимулированию противоречий между различными арабскими режимами, ослаблению общеарабского антиимпериалистического фронта, подрыву единства и согласованных действий арабских государств в борьбе против империализма и сионизма.

В-шестых, путем срыва всеобъемлющего урегулирования США стремились упрочить базовые позиции международного сионизма, расширить его возможности ведения глобальной борьбы против революционных, освободительных движений на Арабском Востоке, против социалистической системы в целом. Вашингтон не без оснований опасался, что достижение прочного и устойчивого мира в регионе могло бы привести к подрыву сионистских догм, ослаблению механизма реакционного воздействия сионизма на ход революционных, национально-освободительных процессов в мире.

Исходя из всего этого, Вашингтон вел дело не к всеобъемлющему решению ближневосточного конфликта, а к достижению империалистического, аннексионистского «мира», отвечающего интересам американского империализма и Израиля. Вашингтон хотел бы «решить» ближневосточную проблему так, чтобы закрепить свои империалистические позиции в регионе, обеспечить экспансионистские аппетиты Тель-Авива, не допустить осуществления законных прав арабского народа Палестины, вынудить арабские страны пойти на уступки, наносящие ущерб их национальным интересам. Немаловажное место в американской модели урегулирования отводилось расчетам на закрепление позиций нефтяных монополий США в арабских странах.

### «Равноудаленный подход»

«Равноудаленный подход» — это принятая на вооружение ближневосточной политики США с начала 70-х годов установка на более уравновешенный курс в арабо-израильском конфликте, как бы в «одинаковой степени» учитывающий интересы Израиля, с одной стороны, и арабских стран, с другой. В рамках этого подхода Вашингтон, наряду с безоговорочной поддержкой Израиля и укреплением американо-израильского военного союза, активно добивался, в целях обеспечения долгосрочных интересов американского империализма, развития отношений также и с арабскими странами, причем не только с правыми режимами, смыкающимися с США (Египет, Саудовская Аравия и др.), но и с такими странами, как Сирия\*. Стремясь сбалансировать свою позицию в отношении арабов и Израиля, Вашингтон предоставлял арабским странам более

\* США учитывали, что арабские страны имеют несравненно большие, чем Израиль, людские (150 млн. человек населения) и сырьевые ресурсы [22, XII.1980, с. 57].

крупную чем в 50—60-х годах экономическую и военную помощь, поставлял им большие количества военной техники, выступал инициатором развития с арабами политических связей, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. В письме конгрессу США от 12 мая 1978 г. по вопросу о продаже боевых самолетов Израилю, Египту и Саудовской Аравии Дж. Картер характеризовал «равноудаленный подход» как политику, которая отражает «твердое и непоколебимое обязательство США в отношении безопасности Израиля» и в то же время стремление поощрять «умеренные силы» в арабском мире и их более тесные взаимоотношения с Соединенными Штатами [22, VI.1978, с. 40]. Пропагандистской основой «равноудаленного подхода» являлся тезис о якобы «отходе» Вашингтона от односторонней ориентации на Израиль и наличии «исторического единства» между США и арабским миром.

Одним из истоков «равноудаленного подхода» было признание правящей олигархией США того, что интересы США и Израиля не во всем совпадают и что существуют определенные различия между внешнеполитическими целями обоих государств. Кроме того, в 70-е годы для США возросла необходимость подключить к реализации своих неоколониалистских планов в регионе не только Израиль, но и консервативные арабские режимы. Продвижению концепции «равноудаленного подхода» при Р. Никсоне — Дж. Форде способствовала традиционная ориентация руководства партии республиканцев, тесно связанного с крупным нефтяным бизнесом, на консолидацию позиций США в арабских странах в интересах нефтяных монополий.

К «равноудаленному подходу» Вашингтон подталкивали прежде всего интересы крупных нефтяных ТНК, которые в целом критически воспринимали односторонние произраильские акции США на Ближнем и Среднем Востоке. Разумеется, монополии поддерживали традиционную американскую политику милитаризации Израиля и его использования в качестве инструмента борьбы против освободительного движения арабов. В то же время они считали, что односторонняя ставка на Израиль, не сбалансированная соответствующими компенсационными мерами в отношении арабских государств, затрудняет стабилизацию позиций нефтяного комплекса США в арабских странах, осложняет расчеты империализма на развитие классового партнерства с кругами национальной арабской буржуазии. Нефтяные монополии с конца 60-х годов стали оказывать наем на вашингтонскую администрацию в пользу проведения более благоприятной для арабов политики, в том числе разработки более гибкой формулы урегулирования ближневосточного конфликта.

В американской и английской научной литературе приводились данные о действиях нефтяных ТНК по продвижению «рав-

ноудаленного подхода» во имя сохранения доступа к арабской нефти в условиях обострения энергетических трудностей в США. Указывалось, в частности, что крупнейшие монополии — партнеры действующей в Саудовской Аравии американской компании АРАМКО («Экссон», «Мобил Ойл», «Техас Ойл» и «Стандард Ойл Компани оф Калифорния») подталкивали администрацию США на «нейтральную» позицию в арабо-израильском конфликте, на «проамериканскую», а не на «произраильскую» политику на Ближнем и Среднем Востоке [319, лето 1979, с. 454]. Английский исследователь Л. Тэрнер в своей книге «Нефтяные компании в международной системе» констатировал, что монополии — партнеры АРАМКО «развернули беспрецедентную кампанию в США, подчеркивая необходимость более сбалансированной политики в арабо-израильском конфликте. Это далеко выходило за рамки обычных взаимоотношений между ТНК и внешнеполитическим истеблишментом, когда обе стороны обмениваются мнениями в отношении политической обстановки в коммерчески важных районах земного шара, и бизнесмены более или менее осторожно интересуются возможностью модификаций в политике или в предписаниях, которые особенно затрагивают их интересы. В данном же случае монополии АРАМКО пытались изменить американскую политику и даже были готовы обратиться к общественному мнению через голову госдепартамента» [258, с. 133—134].

12 октября 1973 г., в разгар октябрьской войны, руководители монополий — партнеров АРАМКО направили Р. Никсону совместный меморандум, в котором предупредили президента, что любое увеличение военной помощи Израилю вызовет контрмеры арабов в отношении поставок их нефти в США [258, с. 135]. В том же, 1973 г. нефтяные ТНК предприняли публичные демарши («Мобил Ойл» — заявление руководства этой компании, июнь; «Стандард Ойл Компани оф Калифорния» — письмо председателя Совета директоров служащим и акционерам компании, июль; «Техас Ойл» — выступление председателя Совета директоров, сентябрь), в которых в той или иной форме ставился вопрос о необходимости корректировки ближневосточной политики США в сторону более полного учета интересов арабов. Еще в конце 1968 г., после избрания Р. Никсона на пост президента, группа главных руководителей нефтяного комплекса США (Д. Рокфеллер, Дж. Макклой, Р. Андерсон) посетила Р. Никсона и рекомендовала ему проводить более сбалансированную политику в ближневосточном конфликте [247, с. 206].

Конкретными акциями «равноудаленного подхода» в политике США явились поездки в арабские страны и Израиль государственного секретаря У. Роджерса (май 1971 г.) и президента Р. Никсона (июнь 1974 г.) (тексты документов см. [14, с. 165—184]). Эти американские визитеры афишировали стрем-

ление республиканской администрации проводить «сбалансированную» политику в арабо-израильском конфликте, развивать отношения как с Израилем, так и с арабскими странами. Большую роль в материализации «равноудаленного подхода» сыграла «челночная дипломатия» Г. Киссинджера (1973—1976 гг.). Правительством Дж. Картера «равноудаленному подходу» был придан новый размах. Была развернута программа поставок наступательного оружия Египту и Саудовской Аравии. В целях установления личных контактов с руководством арабских стран Дж. Картер в 1978—1979 гг. дважды посетил Арабский Восток. Государственный секретарь С. Вэнс стал столь же частым визитером в столицах арабских государств, каким был Г. Киссинджер. Участились поездки в этот район делегаций и отдельных представителей конгресса США. Вашингтон держал курс на расширение торговли с арабскими странами, привлечение в США их нефтедолларов, развитие культурных связей и обмена студентами.

Одним из компонентов «равноудаленного подхода» были попытки США внешне смягчить наиболее экстремистские акценты в политике Израиля. Вашингтон подталкивал Тель-Авив к проявлению большей гибкости и сдержанности в отношении арабов, призывал к поискам компромиссов. Он, в частности, дистанцировался от израильской практики создания поселений на оккупированных территориях, подвергал ее критике, квалифицируя как политику, нарушавшую нормы международного права и несовместимую со стратегией Кэмп-Дэвида. Вопрос о поселениях неоднократно был предметом дипломатических демаршей правительства США Израилю, а также объектом публичной перепалки между американскими и израильскими лидерами. 8 февраля 1978 г. госдепартамент США опубликовал документ, из которого следовало, что президент Дж. Картер в январе 1978 г. трижды (6, 10 и 27 января) направлял израильскому премьер-министру М. Бегину послания, в которых выражалась «озабоченность» Соединенных Штатов по поводу создания Израилем новых поселений на Синайском полуострове и в Западной Иордании [22, III.1978, с. 37]. Такая линия США, хотя дело никогда не доходило до реального нажима Вашингтона на Израиль, вызывала тем не менее резкое противодействие израильских правителей, которые, опираясь на помощь международного сионизма, а также произраильского лобби в конгрессе и в других эшелонах государственной власти США, пытались вернуть Вашингтон на прежний курс автоматической и безоговорочной поддержки Израиля.

Если говорить в целом, то «равноудаленный подход» был ответом американского империализма на изменившуюся ситуацию в регионе, подкорректированным долгосрочной стратегией США, продиктованной необходимостью приспособиться к новому соотношению сил, характеризующемуся возрастанием поли-

тического и финансового могущества консервативных нефтедобывающих арабских стран, а также окончательным переходом режима А. Садата в орбиту политики США. Некоторый отход Вашингтона от прежней прямолинейно односторонней ориентации на Израиль был также результатом воздействия таких факторов, как усиление накала антиимпериалистической борьбы в регионе, стремление США приостановить тенденцию к ослаблению позиций американского нефтяного комплекса, необходимость поддержания, в целях сохранения доступа к арабской нефти, благоприятного политического климата в странах деятельности монополий и установления стабильных отношений с местными правительствами и национальной буржуазией, возрастание зависимости США от арабской нефти и расчеты не допустить использования арабами в дальнейшем их «нефтяного оружия» против США.

Классовый смысл «равноудаленного подхода» заключался в том, чтобы закрепить капиталистический путь развития арабских государств, обеспечить навязывание им неоколониалистских доктрин «взаимозависимости» и «партнерства», ослабить тенденции к укреплению арабского единства на антиимпериалистической основе, подорвать прогрессивные арабские режимы. Тем самым США рассчитывали продлить еще на какой-то срок деятельность нефтяных монополий в регионе, сохранить здесь свои империалистические позиции, подорвать сотрудничество арабов с СССР и другими социалистическими государствами.

«Равноудаленный подход» — это достаточно реальная переакцентировка приоритетов в американской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. Нельзя согласиться с теми исследователями, которые склонны преуменьшать значимость американских шагов по определенному отходу от односторонней ставки на Израиль и ориентации на развитие отношений с арабскими странами. В равной степени вряд ли правильно сводить «равноудаленный подход» лишь к комплексу пропагандистских мер, призванных прикрыть произраильскую ориентацию политики США. В заявлении Советского правительства о положении на Ближнем Востоке от 29 апреля 1976 г. по этому вопросу четко указывалось: «До недавнего времени в арсенале империалистической политики на Ближнем Востоке было одно главное орудие — сионистские правящие круги Израиля, которые проводят курс на территориальную экспансию за счет арабов. Теперь же агрессоры и их покровители надеются опереться в своей политике и на некоторые арабские государства» [302, 29.IV.1976].

Если оценить общие итоги политики «равноудаленного подхода», то, бесспорно, она привела к укреплению позиций США в ряде арабских государств, в частности в Египте, в нефтедобывающих странах Персидского залива. К 1974 г. Вашингтон

смог восстановить дипломатические отношения почти со всеми арабскими странами (за исключением Ирака), которые разорвали эти отношения в июне 1967 г. Сократились антиамериканские настроения в арабском мире, усилилась экономическая и политическая привязка арабских стран к США, активизировались американо-арабские экономические отношения и политические контакты. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что при всей «сбалансированности» американского подхода к Израилю и арабам, Израиль тем не менее оставался и остается приоритетным военно-политическим звеном в ближневосточной политике США. По-прежнему действовала установка Вашингтона о необходимости поддержания четко выраженного военного преимущества Израиля над любой комбинацией арабских стран. В период реализации «равноудаленного подхода» американские военные поставки израильским экстремистам не только не сократились, но достигли рекордных масштабов. Вашингтон не устанавливал никаких количественных или качественных ограничений на поставки Израилю современного наступательного оружия. Отнюдь не стала более близкой к арабам и позиция США по проблеме урегулирования ближневосточного конфликта. В ООН при голосовании резолюций, касающихся проблем Ближнего и Среднего Востока, США в большинстве случаев были на стороне Израиля.

### **Соединенные Штаты и палестинский вопрос**

С начала 70-х годов палестинский вопрос выдвинулся в число ключевых проблем ближневосточного урегулирования. Этому способствовали активизация борьбы Палестинского движения сопротивления (ПДС) против экспансии и агрессии Израиля, превращение ПДС в весомый фактор всей политической и военной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке и арабского национально-освободительного движения в целом. Как никогда прежде, стал очевидным тот факт, что без решения палестинского вопроса на условиях, удовлетворяющих неотъемлемые национальные права арабов-палестинцев, не может быть прочного мира на Ближнем и Среднем Востоке, что в этом районе будет и впредь сохраняться опасная и напряженная обстановка, чреватая взрывом.

С момента своего создания (1965 г.) Организация освобождения Палестины (ООП) — признанный руководитель ПДС — смогла проделать огромную работу по мобилизации сил палестинцев, развитию у них национального самосознания, превращению палестинской проблемы из «проблемы беженцев», к чему сводят ее империализм и сионизм, в неотложный политический вопрос утверждения палестинской государственности (см. [289, с. 73]). О сложности этого вопроса свидетельствует тот факт, что в результате курса Израиля на разобщение пале-

стинцев, изгнание их с родных мест и лишение национального очага палестинский народ оказался раздробленным и разбросанным по самым различным уголкам арабского мира. Из общего числа арабов-палестинцев примерно в 4 млн. человек (на 1979 г.) 700—800 тыс. проживали на Западном берегу Иордана, 450 тыс.— в районе Газы, 1,1 млн.— в Иордании, 500 тыс.— в Израиле, 400 тыс.— в Ливане, 250 тыс.— в Кувейте, 250 тыс.— в Сирии, 125 тыс.— в Саудовской Аравии [323, 4.VI.1979, с. 39]. Около 1,7 млн. палестинцев были беженцами, живущими за счет помощи ООН в различных арабских странах ([206, с. 198], свыше 1,6 млн. палестинцев находилось на оккупированных Израилем палестинских территориях (Западный берег и Газы) и в самом Израиле.

Важным фактором укрепления ПДС было то, что это движение в своей деятельности гибко сочетало военные, политические и дипломатические формы борьбы. В период октябрьской войны 1973 г. военные формирования ПДС участвовали в боях на сирийско-израильском фронте, они проводили военные операции в районах Западного берега и Газы. В Ливане палестинцы совместно с ливанскими национально-патриотическими силами боролись против вооруженной агрессии Израиля на юге этой страны. Политическую борьбу ООП проводила широким фронтом — и в региональном и в международном масштабе, на различных дипломатических форумах. В 70-х годах ООП выдвинула новую, более реалистическую программу решения палестинского вопроса, включая вопрос о создании национального палестинского государства. В этой программе фактически речь шла о создании палестинского государства не вместо Израиля, что в сложившихся условиях было бы малореальным, а наряду с Израилем — на территориях Западного берега и Газы, которые будут освобождены в результате ближневосточного урегулирования. Одновременно с этим, в новой программе была сохранена — в качестве стратегической цели — задача превращения всей территории Палестины, включая Израиль, в единое, светское, демократическое и многонациональное государство (тексты документов см. [289, с. 75—78]).

Организация освобождения Палестины завоевала широкую поддержку палестинцев, в том числе тех, кто находится на оккупированных палестинских землях — Западном берегу и в Газе. Общеарабское совещание на высшем уровне в Рабате в резолюции от 28 октября 1974 г. признало ООП единственным законным представителем арабского народа Палестины. В Рабате были подтверждены права палестинского народа на возвращение на родину и самоопределение, создание независимой национальной власти под эгидой ООП в качестве единственного законного представителя палестинского народа на всей палестинской территории, которая будет освобождена от израильской оккупации [289, с. 68]. Несмотря на сложную обстановку

в арабском мире, усугубленную, в частности, военными действиями в Ливане, на последующих общеарабских совещаниях подтверждались статус и права ООП как единственного законного представителя арабского палестинского народа, а также требования о прекращении израильской оккупации и создании палестинского государства. Решения общеарабских совещаний наносили удар по американским планам ослабления ООП, снятия палестинского вопроса с повестки дня ближневосточного урегулирования.

Значительно расширились и стали всеобъемлющими международные связи ООП. Организация освобождения Палестины официально признана более чем 100 государствами Европы, Азии, Африки, в том числе рядом крупных западноевропейских стран [309, лето 1979, с. 997]. В сентябре 1976 г. ООП был предоставлен статус постоянного члена Лиги арабских стран, располагающего такими же правами, как и страны — члены этой организации. В том же году ООП стала полноправным членом движения неприсоединения. В итоговых документах третьей (Лусака, 1970 г.), четвертой (Алжир, 1973 г.), пятой (Коломбо, 1976 г.) и шестой (Гавана, 1979 г.) конференций глав государств и правительств неприсоединившихся стран была выражена твердая поддержка неотъемлемых прав арабского народа Палестины, в том числе и его права на самоопределение без всякого вмешательства извне.

Постоянные дружественные связи ООП поддерживает с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Советские руководители неоднократно принимали в Москве председателя исполкома ООП Я. Арафата. В сообщении о приеме Л. И. Брежневым Я. Арафата 9 марта 1978 г. указывалось, что «палестинский народ, возглавляемый Организацией освобождения Палестины, добился немалых успехов и превратился в один из ведущих отрядов арабского национально-освободительного движения» [302, 10.III.1978]. Советский Союз оказывает палестинскому движению сопротивления разностороннюю поддержку в его борьбе за реализацию программы палестинской государственности, против агрессии империализма и сионизма.

В ноябре 1974 г. Организации освобождения Палестины был предоставлен статус наблюдателя при ООН. По этому вопросу Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию (текст см. [14, с. 420—423]). Если в Совете Безопасности Вашингтону удавалось, используя право вето, блокировать принятие конструктивных решений по палестинскому вопросу, то Генеральной Ассамблеей ООН, рассматривавшей палестинскую проблему как политическую проблему утверждения палестинской государственности, были приняты на XXIX—XXXV сессиях (1974—1980) значительным большинством голосов (США вместе с Израилем всегда голосовали против) конструктивные ре-



золюции по палестинскому вопросу. В них подтверждались неотъемлемые законные права палестинского народа на самоопределение без постороннего вмешательства, на национальную независимость и суверенитет. Израилю запрещалось предпринимать любые действия, которые вели бы к изменению законного статуса, географической природы или демографического состава оккупированных арабских территорий, в том числе создание новых израильских поселений. Фиксировалась необходимость приглашать ООП участвовать во всех усилиях, переговорах и конференциях по достижению мира на Ближнем Востоке (в том числе и в Женевской мирной конференции), проводимых под эгидой ООН, на равной основе с другими участниками (тексты см., в частности, [16, с. 1204—1205, 1231—1233]). Принятие решений ООН по палестинской проблеме явилось успехом сил, выступающих за справедливое урегулирование ближневосточного конфликта, и поражением тех, кто хотел бы отделить палестинский вопрос от проблемы ближневосточного урегулирования и предать забвению права палестинцев.

В 1975 г. по решению XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН был учрежден Комитет ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа в составе представителей 20 стран — членов ООН. Этот комитет разработал и в 1976 г. представил Совету Безопасности ООН доклад, содержащий конкретные рекомендации относительно путей решения палестинского вопроса. В 1976—1980 гг. Совет Безопасности неоднократно обсуждал палестинский вопрос. В основу обсуждения были положены рекомендации Комитета ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа, а также резолюции, вносившиеся группами развивающихся государств. Большинство членов Совета Безопасности высказывались за необходимость осуществления национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на самоопределение. Однако США неизменно использовали право вето при голосовании резолюций по вопросу о Палестине. В этой связи Совет Безопасности не смог принять каких-либо действенных мер по решению палестинской проблемы на основе, удовлетворяющей законные права арабского народа Палестины.

Большую роль в продвижении дела палестинцев на международной арене сыграла специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу, проходившая в июле 1980 г. в Нью-Йорке. В выступлениях представителей многих государств была выражена солидарность с борьбой палестинского арабского народа, озабоченность сложившейся ситуацией и заинтересованность в справедливом решении палестинской проблемы. Была принята резолюция по палестинскому вопросу (112 стран — за, 7 — против, 24 — воздержались), в которой содержалось требование до 15 ноября 1980 г. начать полный и безоговорочный уход Израиля со всех оккупированных терри-

торий. Все западноевропейские союзники США (кроме Норвегии) отказались поддержать попытки Вашингтона заблокировать принятие этой резолюции и воздержались при голосовании.

С 1970 по 1980 г. позиция США по палестинской проблеме от начала до конца была негативной. Она не только практически полностью совпадала с обструкционистской линией Израиля, но и проводилась согласованно с Тель-Авивом. Вашингтон основывал свою политику на полном непризнании Организации освобождения Палестины, отказе от проведения с ООП каких-либо переговоров, блокировании участия ООП в переговорах, в том числе и в рамках ООН, поощрении действий Израиля, направленных на физическую ликвидацию палестинского движения сопротивления, отрицании законных прав палестинского арабского народа на самоопределение, суверенитет, создание независимого палестинского государства. Правительство Дж. Картера сорвало решение вопроса об участии представителей ООП в Женевской мирной конференции в качестве отдельной полноправной делегации [215, с. 1—2]. Соединенные Штаты не предприняли никаких реальных шагов к тому, чтобы сдерживать курс Израиля на угнетение палестинцев и изменение исторического и культурного наследия арабской Палестины.

Свое признание Организации освобождения Палестины и вступление в официальные контакты с ней Вашингтон обуславливал признанием со стороны ООП права Израиля на существование и согласием с резолюцией Совета Безопасности ООН № 242, в которой, как известно, палестинский вопрос трактовался лишь в качестве проблемы беженцев. Такая позиция Вашингтона неоднократно излагалась президентами Р. Никсоном, Дж. Фордом и Дж. Картером, она была зафиксирована и в официальном документе — «Меморандуме о соглашении между правительством Соединенных Штатов и правительством Израиля» от 1 сентября 1975 г. В этом документе заявлялось, что «Соединенные Штаты будут и впредь придерживаться своей нынешней политики в отношении Организации освобождения Палестины, т. е. они не признают ООП и не будут вести с ней переговоров до тех пор, пока эта организация не признает право Израиля на существование и не согласится с резолюциями Совета Безопасности ООН № 242 и 338. Правительство США будет всесторонне консультироваться с правительством Израиля и будет стремиться согласовать с ним свою позицию и стратегию на Женевской мирной конференции по данному вопросу» [23, с. 252].

Выдвигавшиеся Соединенными Штатами условия признания ООП на практике означали, что палестинцы, ставшие жертвой израильской агрессии и геноцида, изгнанные со своей родины или живущие в условиях оккупации, первыми должны признать Израиль — государство-агрессор. Для ООП в равной степени были неприемлемыми требования США относительно признания

резолюции № 242, в которой, как известно, не было отражено право арабского народа Палестины на самоопределение и создание национального государства, палестинский вопрос сводился в ней лишь к проблеме беженцев. Понятно, что выдвигание Вашингтоном таких требований к ООП свидетельствовало лишь о стремлении США завести решение палестинской проблемы в тупик, затянуть достижение справедливого урегулирования ближневосточного конфликта.

Соединенные Штаты следовали в фарватере обструкционистской линии Тель-Авива при обсуждении палестинской проблемы на всех международных форумах, в том числе в ООН. Они голосовали против всех резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу, которые были приняты на ее XXIX—XXXV сессиях. В Совете Безопасности ООН Вашингтон неизменно прибегал к вето при голосовании вносимых на рассмотрение этого органа резолюций, призванных содействовать признанию ООП, справедливому решению палестинской проблемы, восстановлению законных национальных прав палестинского народа.

Соединенные Штаты поддерживали и поощряли израильский курс на ослабление палестинского движения сопротивления, рассчитывая тем самым вообще снять с повестки дня палестинскую проблему как ключевой фактор ближневосточного урегулирования.

Острая и сложная обстановка в Ливане в 70-е годы была результатом действий сил империализма и сионизма. Этими силами делалась ставка на изгнание палестинцев из Ливана, уничтожение формирований ПДС, дислоцировавшихся на ливанской территории в соответствии с каирскими соглашениями 1969 г. между правительством Ливана и ООП. Проходившая в 1975—1976 гг. в Ливане гражданская война привела к гибели 30 тыс. человек и причинила экономический ущерб в 6 млрд. долл. [234, с. 137]. В течение десятилетия Израиль осуществлял в Ливане вооруженные акции против палестинцев, которых в Ливане было около 400 тыс., в том числе 90 тыс. из них — в лагерях палестинских беженцев [195, с. 43]. Конечно, крайне острая конфликтная ситуация в Ливане носила многоплановый характер. Движущие силы ливанского конфликта были связаны не только с империалистическими целями ослабления ПДС. В Ливане в тугой узел переплелись многие острые проблемы и противоречия ливанского общества: и социальные, и религиозные, и экономические. Важную роль играло стремление ливанских правых кругов ослабить национально-патриотические силы страны, упрочить классовые привилегии правохристианской буржуазии.

В ряде книг по проблемам Ливана, вышедших в США, акцент при анализе истоков острых конфликтов и гражданской войны делался на факторы неустойчивости и сложности поли-

тической обстановки в стране, религиозных и национальных распрей, слабости фундаментальной структуры государственного управления и т. д. Так, например, в работе Х. Вокке «Война в Ливане: ее истоки и политические масштабы» причины гражданской войны были сведены, в сущности, к противоречиям, вытекающим из чрезвычайной пестроты этнического и религиозного состава местного населения, а также из многопартийной структуры политической жизни. Автор подчеркивал, что в составе 3-миллионного ливанского народа было 30% христиан-маронитов, 10 — православных, 6 — последователей греко-католической церкви, 4 — армян (приверженцев григорианской церкви), 21 — мусульман-суннитов, 18 — мусульман-шиитов, 6,5% друзов и т. д. [261, с. 16]. В стране действовали восемь политических партий [261, с. 24—30]. Все это, согласно выводам автора, и было первопричиной конфликтной ситуации в стране.

Вряд ли можно согласиться с такими выводами Х. Вокке, как и авторов ряда других подобных публикаций (см., например, [199; 178]). Нельзя не видеть, что стержнем ливанских событий, которые фактически начались с конца 60-х годов, т. е. задолго до возникновения гражданской войны 1975—1976 гг. и продолжались все последнее десятилетие, были расчеты США, Израиля и идущих у них на поводу ливанских правохристианских сил пристегнуть ПДС к внутренним событиям в Ливане, ослабить военный и экономический потенциал палестинцев и, если возможно, ликвидировать ПДС как независимый и действенный фактор в борьбе против израильской агрессии, аннулировать каирские соглашения 1969 г., регулирующие пребывание ПДС на ливанской земле, изгнать палестинцев из Ливана. Империализм и сионизм учитывали в своей ориентации на форсирование войны против палестинцев в Ливане, что после вывода сил ПДС из Иордании в 1970—1971 гг. Ливан оставался единственным плацдармом непосредственных действий ПДС против Израиля. Делалась ставка также и на то, чтобы создать в Ливане новый острый узел межарабских противоречий, отвлечь тем самым внимание и ресурсы арабских народов от принципиальной задачи — борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, ослабить общеарабский нажим на Израиль.

Генеральный секретарь ЦК Ливанской коммунистической партии Н. Шауи в выступлении на XXV съезде КПСС 3 марта 1976 г. сказал: «Гражданскую войну, которая в течение десяти месяцев бушевала в Ливане, следует рассматривать в общем контексте конфронтации между арабским национально-освободительным движением и местной реакцией, поддерживаемой Израилем и империализмом. Разжигая пламя этого вооруженного конфликта, силы реакции преследуют цели: разгромить палестинское движение сопротивления и прогрессивное патриотическое движение в Ливане, установить безраздельное господство

правых сил на всей территории страны или в случае провала этого плана осуществить раздел Ливана» [302, 4.III.1976].

Одновременно с действиями сил правой ливанской реакции Израиль развязал прямую агрессивную войну против ПДС на ливанской земле. Израильские экстремисты в 70-х годах осуществили многие тысячи вооруженных провокаций в Ливане. Они проводили вооруженные рейды против ПДС, воздушные бомбардировки ливанских городов и лагерей палестинских беженцев, обстрелы ливанской территории с суши и с моря, воздушные налеты на Бейрут. Израиль оказывал широкую военную помощь правым ливанским вооруженным формированиям. Он осуществлял поставки им оружия, морскую блокаду ливанского побережья, находившегося под контролем ПДС. По данным американской печати, израильская помощь правохристианским силам составила свыше 1 млрд. долл. [313, 18.VI.1980].

В марте 1978 г. крупные подразделения (до 30 тыс. человек) регулярных вооруженных сил Израиля, оснащенных новейшим американским вооружением, вторглись в Ливан и оккупировали южную часть его территории (2 тыс. кв. км, или около 17% всей ливанской земли) [302, 26.III.1978]. Эта агрессия ставила своей целью не только уничтожение вооруженных формирований ПДС, но и перманентную оккупацию южных ливанских районов вплоть до р. Литания с переносом на этот рубеж израильских государственных границ. США не предприняли никаких мер, чтобы не допустить израильского вторжения в Ливан, они не осудили этот акт израильской агрессии и практику геноцида против палестинцев.

Совет Безопасности ООН 19 марта 1978 г. по жалобе Ливана принял резолюцию (№ 425), предписывавшую Израилю немедленно прекратить военные действия и вывести свои войска со всей оккупированной ливанской земли (текст см. [22, V.1978, с. 51]). Этим же решением Совета Безопасности были созданы специальные вооруженные силы ООН в Южном Ливане (5,8 тыс. человек) с целью обеспечения вывода израильских оккупационных войск, восстановления мира и безопасности в стране. Однако Израиль долгое время затягивал выполнение резолюции № 425. Израильские экстремисты вместе со своей агентурой — правохристианскими силами — осуществляли на оккупированной ливанской земле совместные вооруженные действия против ПДС и ливанских национально-патриотических сил.

В июне 1978 г. Израиль был вынужден вывести оккупационные войска из Ливана. Однако их вывод был обставлен так, чтобы другими способами обеспечить изоляцию ПДС, превращение Южного Ливана в зону израильского контроля. Так, после вывода войск территория Израиля осталась закрытой со стороны Ливана барьером вооруженных сил ООН. Кроме того, Израиль передал часть освобожденных им южноливанских зе-

мель правохристианским отрядам, не признавшим власть центрального ливанского правительства. Это был маневр, направленный на сохранение фактического израильского присутствия на юге Ливана, на создание там «буферной зоны безопасности», чтобы лишить Организацию освобождения Палестины возможности вести вооруженную борьбу за осуществление законных прав палестинского арабского народа.

В целом, осуществлявшаяся в 70-х годах американо-израильская стратегия на ослабление ПДС привела к известной потере людских и материальных ресурсов палестинских патриотических сил, сокращению их маневренности и свободы действий. Палестинцы понесли значительные потери в связи с участием в войне в Ливане. Ранее были закрыты возможности для действий ПДС против Израиля с территориями Иордании, Сирии и Египта. Однако, несмотря на маневры империализма, Израиля и правой арабской реакции, ПДС удержало свои позиции, укрепило свою роль в арабском мире и на международной арене. Организация освобождения Палестины стала авторитетным и признанным руководителем палестинского народа.

В целях дискредитации ООП Соединенные Штаты в своей пропаганде обыгрывали тезис о «террористическом характере» деятельности палестинских патриотических сил. Этот же тезис использовался Вашингтоном и для оправдания военных акций Израиля в Ливане. Однако несостоятельность этого тезиса очевидна. Понятно, что палестинское движение сопротивления ведет законную освободительную борьбу против поддерживаемой империализмом стратегии Израиля на то, чтобы инкорпорировать навечно в составе своей территории все без исключения палестинские земли, борьбу за осуществление своих неотъемлемых национальных прав, признанных ООН и всем международным сообществом. Палестинцам противостоит вооруженный до зубов Израиль, который возвел вооруженные провокации и террор в ранг государственной политики, развернул широкомасштабную войну на физическое уничтожение ПДС и палестинского народа, используя в этой войне самое современное американское оружие. Однако и в таких условиях руководство ООП выступает против использования палестинцами актов индивидуального террора, практики угона самолетов и т. д., принимая соответствующие практические меры для недопущения этого.

В 70-е годы позиция США по палестинской проблеме не оставалась застывшей и неизменной. Она эволюционировала, приспособлялась к изменившейся обстановке, к росту влияния и роли ООП в мировых целях. Вашингтон понимал, что полностью игнорировать ООП стало больше невозможным. Прежняя линия на отказ от признания политического и национального характера палестинской проблемы больше не срабатывала. Острый «палестинский узел» вел к дестабилизации обстановки в

регионе, препятствовал реализации кэмп-дэвидской стратегии, неблагоприятно сказывался на американских позициях в арабском мире. В США появились исследования и доклады с рекомендациями «модифицировать» подход к палестинскому вопросу. Так, 4 ноября 1979 г. «специальная рабочая группа по Ближнему и Среднему Востоку» Атлантического совета\* опубликовала доклад, в котором признавалось, что палестинская проблема «является сердцевинной арабо-израильского конфликта» и рекомендовалось начать «неофициальные контакты с ООП», невзирая на факт непризнания этой палестинской организации со стороны США. В докладе говорилось, в частности, что «не должно быть автоматической поддержки позиции Израиля со стороны США, ибо непримиримая политика Израиля, так же как и арабских стран, может противоречить американским интересам в регионе» [313, 6.XI.1979].

С учетом этого администрация США стремилась снять остроту палестинской проблемы. Вашингтон осуществлял маневры вокруг этого вопроса, разыгрывал намерение «изменить» свой прежний подход, принять во внимание законные права палестинцев и т. д. [22, 19.XII.1977, с. 893]. Однако каких-либо реальных позитивных сдвигов в позиции США в 70-х годах не произошло. Дело ограничивалось лишь потоком широковетательных деклараций о необходимости учета палестинской проблемы в контексте ближневосточного урегулирования, в рамках которого должны быть признаны «законные интересы» палестинского народа. Заместитель государственного секретаря США по ближневосточным делам Г. Сондерс в своем нашумевшем выступлении в конгрессе США 12 ноября 1975 г. заявил, что «вопрос заключается не в том, должны ли интересы палестинцев найти свое отражение в окончательном урегулировании, а в том, каким образом это сделать и где. Мира не будет до тех пор, пока ответ на этот вопрос не будет найден» [22, 1.XII.1975, с. 797].

Правительство Дж. Картера заявляло, что палестинцам должна быть предоставлена возможность «принять участие в определении своего будущего». Эта так называемая «асуанская формула» Дж. Картера была зафиксирована в заявлении президента во время его визита в Асуан для встречи с А. Садатом 4 января 1978 г. В заявлении говорилось, что «должно быть обеспечено решение палестинской проблемы во всех ее аспектах. Нужно признать законные права палестинского народа и предоставить палестинцам возможность участвовать в определении своего будущего» [22, II.1978, с. 12]. В выступлении

---

\* Буржуазная неправительственная американская организация, занимающаяся разработкой проблем внешней политики США. В ее состав входит ряд видных ученых, военных и политических деятелей США, в том числе генерал А. Гудпейстер, генерал Б. Скаукрофт, дипломат и ученый Дж. Сиско, видный исследователь-ближневосточник Дж. Кэмпбелл и др.

Дж. Картера в Клинтоне 16 марта 1977 г. был поднят вопрос о праве палестинцев на свое «национальное отечество» [95, 21.III.1977, с. 361]. Все это выдавалось американской администрацией как шаг Вашингтона на пути к «решению» палестинской проблемы.

В июле—августе 1979 г. Вашингтон разыграл очередной тур дипломатической игры вокруг палестинской проблемы. Администрация Дж. Картера заявила о якобы намерении выступить в Совете Безопасности ООН с инициативой «модификации» резолюции № 242 на предмет ее дополнения положением о «праве Израиля на существование» одновременно с «признанием законных прав палестинцев», что придало бы резолюции более «приемлемую» для палестинцев форму [317, 27.VIII.1979, с. 21]. Однако вся эта затея провалилась, когда США заявили, что наложат вето на арабский контр-проект корректировки резолюции № 242, который содержал не общие рассуждения, а конкретные формулировки относительно признания прав палестинцев на самоопределение вплоть до создания своего государства в соответствии с Уставом ООН, и когда Дж. Картер под нажимом сионистских кругов уволил в отставку в августе 1979 г. представителя США при ООН Э. Янга, имевшего ранг члена кабинета, за то, что тот имел в Нью-Йорке в конце июля 1979 г. «несанкционированную встречу» с З. Терзи, постоянным наблюдателем ООП при Организации Объединенных Наций [302, 17.VIII.1979].

На деле Соединенные Штаты не помышляли о реальном пересмотре своей позиции по палестинскому вопросу. Американские маневры в этом вопросе носили пропагандистский, демагогический характер, они не содержали конструктивных предложений и не подкреплялись конкретными мерами в части, касающейся воздействия на Израиль. В американских демаршах дело не доходило до признания права на самоопределение для палестинцев. Вашингтон, как и прежде, затягивал справедливое решение палестинского вопроса, стремился с помощью процедурных и организационных уловок отстранить ООП от участия в процессе ближневосточного урегулирования. США блокировали участие ООП в Женевской мирной конференции на равноправной, недискриминационной основе. Предложенные американской стороной альтернативные «решения» этого вопроса, в частности, предложение об участии «палестинцев» в составе «объединенной арабской делегации», были заведомо неприемлемыми для ООП. Такого рода предложения означали подрыв идеи созыва самой конференции, блокирование решения важнейшего компонента ближневосточного урегулирования — палестинской проблемы.

Негативной и обструкционистской оставалась позиция США по вопросу создания палестинского государства. Выдвинутый Дж. Картером в 1977 г. план «палестинского отечества» ока-



зался очередным мифом. На деле США не предполагали предоставить «палестинскому отечеству» государственный суверенитет; имелось в виду конституционно связать его в рамках федерации или конфедерации с монархическим режимом в Иордании. Тем самым были бы сведены к минимуму самостоятельность и обособленность палестинской нации, ущемлены ее законные права на самоопределение. В выступлении на приеме в Белом доме 15 апреля 1980 г. по случаю визита премьер-министра М. Бегина Дж. Картер прямо сказал: «Мы решительно, твердо и последовательно высказываемся против создания какого-либо независимого палестинского государства в районе Западного берега» [22, V.1980, с. D].

Вопрос о создании палестинского государства был полностью обойден в решениях совещания руководителей США, Египта и Израиля в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 г. Он был подменен планом «административной автономии» для Западного берега и Газы, который полностью лишал палестинцев прав на самоопределение, закреплял на неопределенное время оккупационный режим. Не было упоминаний о палестинской государственности и в документах, подписанных в Вашингтоне в связи с заключением 26 марта 1979 г. договора «о мире» между Египтом и Израилем. Ни в тексте самого договора, ни в сопутствующих ему документах (в частности, письма Дж. Картера, А. Садата и М. Бегина по вопросу о Западном берегу и Газе от 26 марта 1979 г.) ничего не говорилось об упразднении режима израильской оккупации и военизированных поселений на этих исконно палестинских землях; понятие «палестинский народ» подразумевало лишь тех палестинцев, которые проживают в районах Западного берега и Газы. Не учитывалась судьба палестинских беженцев, находящихся в других странах. «Урегулирование» палестинской проблемы по кэмп-дэвидской модели означало бы фиктивную автономию в условиях военной оккупации Израиля для меньшей части палестинского народа (см. [22, V.1979, с. 14]).

### **Решения Организации Объединенных Наций и обструкционистская линия США**

Организация Объединенных Наций играла немаловажную роль в поисках путей решения ближневосточного конфликта. По инициативе СССР, других социалистических, а также развивающихся государств Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН приняли ряд важных позитивных решений, которые были положены в основу переговоров по достижению ближневосточного урегулирования на всеобъемлющей основе. Соединенным Штатам не удалось использовать ООН для прикрытия израильской агрессии, оказания нажима на арабские страны. И, наоборот, жертвы агрессии — арабские страны, получавшие

поддержку со стороны Советского Союза, смогли использовать трибуну Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН в целях разоблачения агрессивной политики Израиля и его покровителей. Израиль и Соединенные Штаты были в изоляции при рассмотрении в органах ООН проблем, касающихся ликвидации последствий израильской агрессии. В Совете Безопасности лишь одни США прибегали к использованию вето при голосовании резолюций, относящихся к урегулированию на Ближнем и Среднем Востоке, а в Генеральной Ассамблее ООН против таких резолюций голосовали только США, Израиль и несколько других стран, в том числе расистские и диктаторские режимы.

В связи с агрессией Израиля в июне 1967 г. Совет Безопасности ООН принял 6, 7, 9 и 12 июня резолюции о немедленном прекращении арабо-израильских вооруженных действий. Соединенные Штаты поддержали эти решения, однако такая позиция США вытекала не столько из стремления обеспечить реальный мир в регионе, сколько из расчетов ограничить начавшийся вооруженный конфликт рамками локальной войны, предотвратить возможность расширения этого конфликта. Вашингтон помешал принятию внесенных Советским Союзом предложений о том, чтобы прекращение огня было осуществлено одновременно с немедленным и безусловным отводом израильских войск и решительным осуждением агрессора. В результате obstructивных действий США Израиль, несмотря на уже принятые решения о прекращении огня, смог в течение нескольких дней **продолжать наступательные операции против Египта, Сирии и Иордании и закрепиться на захваченных у арабов рубежах.**

В результате активных и гибких действий советской дипломатии Совет Безопасности ООН принял 22 ноября 1967 г. компромиссную резолюцию (№ 242), заложившую основы для переговоров по всеобъемлющему урегулированию ближневосточного конфликта. Резолюция предписывала вывод израильских вооруженных сил с оккупированных арабских территорий. В сочетании с выводом войск предусматривалось прекращение состояния войны между Израилем и арабскими государствами, обеспечение свободы судоходства по международным водным путям этого района, справедливое решение проблемы палестинских беженцев, уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждой страны этого района и ее права жить в мире в пределах безопасных и признанных границ, свободной от угрозы силой или актов силы. Резолюция санкционировала направление на Ближний Восток в целях поддержания контактов с арабскими странами и Израилем для достижения урегулирования на основе изложенных в резолюции принципов специального представителя генерального секретаря ООН [16, с. 461].

Резолюция № 242 наметила программу политического решения ближневосточного конфликта на всеобъемлющей основе

с должным учетом интересов арабских государств и других вовлеченных в конфликт стран. Она подтвердила недопустимость приобретения силой иностранных территорий. Вместе с тем в резолюции текстуально не был закреплен тезис о необходимости полного и безоговорочного отвода израильских войск со всех без исключения оккупированных арабских земель на линии, существовавшие до 5 июня 1967 г. Кроме того, резолюция трактовала палестинскую проблему лишь как проблему беженцев. В ней не содержалось положений о необходимости осуществления неотъемлемых законных прав арабского народа Палестины, включая его право на самоопределение и создание национального государства.

Имели место различия в толковании содержания резолюции № 242. Арабские страны исходили из того, что резолюция предусматривала полный вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий. Израиль же давал одностороннее, произвольное толкование духа и буквы резолюции. Он утверждал, будто она не предписывает полного вывода войск, в частности, из районов Западного берега и Газы. Такая позиция Израиля противоречила основополагающему принципу резолюции о недопустимости приобретения иностранных территорий путем войны.

Ряд американских ученых не поддержал израильское толкование резолюции. Показательной в этой связи была статья профессора Индианского университета Г. Перри «Резолюция Совета Безопасности № 242 и параграф о выводе войск» [315, осень 1977, с. 413—433]. Со своей стороны, правительство США при всей его ориентации на поддержку Израиля тем не менее «подправляло» израильскую интерпретацию резолюции № 242. Вашингтон заявлял, что эта резолюция касается вывода войск со всех трех главных фронтов арабо-израильской конфронтации (Иордания, Сирия, Египет), хотя «не обязательно с каждого квадратного фута арабской земли» [22, III.1979, с. 49].

Соединенные Штаты проголосовали за резолюцию № 242, а в дальнейшем во многих своих дипломатических документах подтверждали приверженность достижению ближневосточного урегулирования на основе этой резолюции. Однако практическая линия американской дипломатии была иной. В рамках резолюции № 242 по различным каналам (двухсторонним и многосторонним, а также в ООН) проходили переговоры заинтересованных сторон по выработке конкретных условий ближневосточного урегулирования. В 1969 г. в Вашингтоне состоялись двухсторонние советско-американские консультации по ближневосточному вопросу. В 1969—1971 гг. в Нью-Йорке проходили переговоры постоянных представителей СССР, США, Англии и Франции при ООН с целью выработки на основе резолюции № 242 взаимосогласованных рекомендаций четырех держав по ключевым проблемам урегулирования [237, с. 103—105].

В 1968—1972 гг. переговоры с арабскими странами и с Израилем вел специальный представитель генерального секретаря ООН шведский посол Г. Ярринг. Однако ввиду негативной позиции США и Израиля переговоры по всем этим каналам не принесли результатов. Главной причиной было то, что США и Израиль ставили вопрос о выводе оккупационных войск не безоговорочно на линии, существовавшие до 5 июня 1967 г., а в пределы «защитимых границ», что по американско-израильскому лексикону означало включение в состав территории Израиля ряда стратегически важных арабских территорий.

Как бы в развитие резолюции № 242 Соединенными Штатами был выдвинут план урегулирования ближневосточного конфликта, изложенный в выступлении государственного секретаря США У. Роджерса в Вашингтоне 9 декабря 1969 г. («план У. Роджерса») [22, 5.I.1970, с. 7—11]. Этот план отражал доминировавшую тогда в США ориентацию на комплексный подход к урегулированию. План подтверждал необходимость вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий одновременно с решением других проблем арабо-израильских отношений, таких, как установление мира между Израилем и арабами, определение постоянных арабо-израильских границ, гарантирование суверенитета и территориальной целостности всех государств Ближнего и Среднего Востока, решение проблемы палестинских беженцев. В то же время план содержал ряд неприемлемых для арабов положений, противоречивших букве и духу резолюции № 242. Так, У. Роджерсом была подтверждена формула об установлении арабо-израильских границ по линиям до 5 июня 1967 г., но с «несущественными изменениями, требующимися по соображениям безопасности». На деле это нарушало принцип «полного вывода войск», вело к расширению израильской территории за счет стратегически важных арабских земель. Кроме того, план включал неприемлемое арабами в тот период требование о «прямых переговорах» с Израилем. План У. Роджерса был негативно воспринят (хотя по разным причинам) как в арабских странах, так и в Израиле, и он остался на бумаге [237, с. 112].

В связи с октябрьской войной 1973 г. Совет Безопасности ООН принял 22 октября 1973 г. новую важную резолюцию (№ 338), которая наряду с резолюцией № 242 имела основополагающее значение для ближневосточного урегулирования. Соавторами этой резолюции были СССР и США. Для согласования с советской стороной проекта резолюции Москву посетил 20—21 октября 1973 г. государственный секретарь США Г. Киссинджер. Резолюция № 338 предлагала воюющим сторонам немедленно прекратить все военные действия с оставлением войск на занимаемых ими позициях и безотлагательно начать практическое выполнение резолюции № 242 во всех ее частях, а также начать переговоры между заинтересованными сторо-

нами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке (текст см. [22, 12.XI.1973, с. 604]. 25 октября 1973 г. Совет Безопасности принял решение (резолюция № 340) о создании чрезвычайных вооруженных сил ООН, вводимых в зону разъединения египетских и израильских войск на Синае в целях наблюдения за выполнением соглашения о прекращении огня (текст резолюции см. [16, с. 1189—1190]). Таким образом, советско-американское сотрудничество, ставшее возможным в условиях разрядки международной напряженности, сделало возможным мирное решение серьезного кризиса на Ближнем и Среднем Востоке в 1973 г.

Действенность резолюций № 242 и 338 была закреплена и усилена тем, что Генеральная Ассамблея ООН на своих XXV—XXXV сессиях (1970—1980) приняла, вопреки сопротивлению США и Израиля, ряд важных решений, упрочивших и развивших принципы резолюций № 242 и 338. В этих решениях, которые были приняты устойчивым большинством голосов стран — членов ООН, заявлялось о недопустимости приобретения территорий силой, решительно осуждались агрессия Израиля и его аннексионистские действия на оккупированных землях, ставился вопрос о необходимости достижения не «частичного», а всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта на основе полного вывода израильских войск и т. д. (тексты см. [11, с. 220—222; 12, с. 218—220 и др.]).

После октябрьской войны 1973 г. Совет Безопасности ООН по инициативе социалистических и развивающихся государств неоднократно возвращался к обсуждению вопроса о ликвидации последствий израильской агрессии. Во вносившихся этими государствами проектах резолюций акцент делался на срочной необходимости нормализации обстановки в ближневосточном регионе, установления подлинного и прочного мира. Был внесен также ряд резолюций по палестинскому вопросу, по вопросу о недопустимости создания Израилем поселений на оккупированных арабских землях и изменения демографической структуры этих территорий, недопустимости и незаконности аннексионистских шагов Израиля в отношении Иерусалима, осуждения израильского террора на Западном берегу и др. Однако США с помощью неизменного использования вето противодействовали принятию Советом Безопасности конструктивных решений. Не выдерживала критики та аргументация, к которой США прибегали для оправдания своего вето. Американцы обычно развивали тезис о том, будто проект резолюции носит «несбалансированный» в отношении Израиля характер, что в нем мера осуждения Израиля не компенсируется соответствующим осуждением действий арабской стороны. Но как можно «сбалансировать» резолюцию, которая осуждает Израиль, например, за конкретные факты беззакония на оккупированных

территориях или на территории суверенной страны — Ливана? Понятно, что такая аргументация с головой выдает стремление США обелить своего израильского партнера, снять с него ответственность за противоправные действия, подорвать саму возможность использования ООН для пресечения израильской агрессии.

### **Тактика «частичного урегулирования» при правительствах Р. Никсона и Дж. Форда**

С конца 1970 г. США отошли от поисков всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, они подменили комплексное урегулирование паллиативными, частичными сделками. Р. Никсон и Г. Киссинджер разработали и поставили на вооружение ближневосточной политики США концепцию «частичного урегулирования». Сущность ее состояла в том, чтобы расчлнить сложную ближневосточную проблему на ряд «поддающихся решению» составных частей и решать их сепаратно, поэтапно, методом прямых арабо-израильских переговоров, при посредничестве США, но без участия СССР и без жесткой привязки результатов каждого из этапов к всеобъемлющему урегулированию на базе основополагающих решений Совета Безопасности ООН [237, с. 199]. В выступлении в Атланте 23 июня 1975 г. Г. Киссинджер аргументировал целесообразность такого подхода тем, что он якобы дает возможность «разделить ближневосточную проблему на отдельные элементы, которые, по-видимому, легче разрешить, чем добиться всеобъемлющего урегулирования» [22, 14.VII.1975, с. 56].

Замыслы Вашингтона состояли, однако, отнюдь не в том, чтобы найти справедливое решение конфликта. Наоборот, тактика «частичного урегулирования» представляла собой долгосрочный подрывной маневр США, нацеленный на решение империалистических задач Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке, связанных прежде всего с расчетами укрепить позиции Израиля, гарантировать американский доступ к арабской нефти, ослабить позиции СССР в регионе. Этот маневр не имел ничего общего с достижением подлинного урегулирования на основе учета законных интересов всех вовлеченных в конфликт сторон. Реальные планы США состояли в том, чтобы затянуть вывод израильских войск с оккупированных территорий, не допустить удовлетворения неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины, навязать арабам американо-израильскую модель «урегулирования». Одновременно Вашингтон рассчитывал отстранить от процесса урегулирования Советский Союз, закрепить за собой в одностороннем порядке роль «главного арбитра» в решении ближневосточных проблем, нажать политический капитал на своей «миротворческой деятельности»,

стабилизировать выгодную США и Израилю расстановку сил в регионе.

Ввод в дипломатический обиход тактики «частичного урегулирования» коренным образом изменил и методику переговоров по ближневосточной проблеме. Вашингтон с 1970 г. отошел от использовавшихся ранее двухсторонних и многосторонних каналов переговоров с участием СССР и встал на путь «челночной дипломатии». Существо этой дипломатической «новинки» заключалось в том, чтобы путем непрерывных поездок руководителей дипломатии США на Ближний и Средний Восток осуществлять закулисное нажимное посредничество между Израилем и арабскими странами с задачей активного воздействия на ту и другую стороны в целях сближения их позиций и навязывания им американской модели урегулирования. Одновременно ставилась задача убедить арабов в том, будто все «козырные карты» к урегулированию находятся в руках США и что только Вашингтон сможет обеспечить путем оказания должного воздействия на Израиль возврат арабским странам захваченных у них в 1967 г. земель. Пропаганда США утверждала, что в сложившихся условиях будто бы только методами «челночной дипломатии» возможно сближить позиции сторон, добиться от Израиля «большей сговорчивости» и в конечном итоге обеспечить его согласие на урегулирование.

В рамках такого подхода при правительствах Р. Никсона и Дж. Форда состоялись в 1970—1976 гг. многократные поездки государственного секретаря США и его заместителей в арабские страны и Израиль, а также поездки израильских и арабских лидеров в США, активизировались конфиденциальные контакты между внешнеполитическими ведомствами Вашингтона, с одной стороны, Тель-Авива, Каира, Дамаска, Аммана, Эр-Рияда — с другой. Можно без преувеличения сказать, что помощник президента по вопросам национальной безопасности, а с 1973 г. государственный секретарь США Г. Киссинджер большую часть своего времени затрачивал на бесконечные разъезды по столицам ближневосточных государств. Только с ноября 1973 г. по сентябрь 1975 г. он совершил 12 поездок на Ближний и Средний Восток [302, 23.1.1977]. Американский государственный секретарь неделями отсутствовал в Вашингтоне; образно говоря, он руководил работой государственного департамента «с борта своего самолета „Боинг“ или из отеля „Король Давид“ в Иерусалиме» [249, с. 127].

Внешнеполитическая пропаганда США в розовом свете рисовала содержание и методы «челночной дипломатии» Г. Киссинджера. Подчеркивалось то, что Г. Киссинджер играл, мол, роль «честного маклера» в сближении позиций сторон, подталкивал их к соглашению.

Однако реальная кухня «челночной дипломатии» была не столь идиллической. В США был опубликован ряд работ, рас-

крявающих истинный характер «челночной дипломатии» и использовавшихся при ее проведении методов и приемов. В числе этих работ — книга профессора Гарвардского университета Э. Шихана «Арабы, израильяне и Киссинджер» [249], статья того же автора в американском журнале «Форин Полиси» под заголовком «Как Киссинджер добился этого. Дипломатия шаг за шагом на Ближнем и Среднем Востоке» [310, весна 1976 г. с. 3—70] и, наконец, вышедшая в США книга дипломатического обозревателя израильской газеты «Гаарец» М. Голана «Секретные переговоры Генри Киссинджера. Дипломатия шаг за шагом на Ближнем Востоке» [177].

В этих работах раскрыты подробности «челночной дипломатии» Г. Киссинджера, который, как указывают авторы этих работ, посвятил проблемам Ближнего и Среднего Востока больше времени, чем другим вопросам внешней политики США. По свидетельству М. Голана, Г. Киссинджер потратил тысячи часов на переговоры по ближневосточным проблемам; он совершил десятки поездок на Ближний и Средний Восток, общая протяженность которых достигла 300 тыс. миль. В работах Э. Шихана и М. Голана показаны двойная игра Г. Киссинджера, его склонность к беспринципным махинациям и маневрам, к «выкручиванию рук» даже ближайшим партнерам США. Так, Э. Шихан писал, что «чрезвычайно успешным орудием Г. Киссинджера была двусмысленность» [249, с. 114]; М. Голан отмечал, что «история бесед Г. Киссинджера с израильскими лидерами содержит примеры обмана и невыполненных обещаний, которые заставили бы покраснеть даже таких кумиров Г. Киссинджера как Меттерних и Кестлри» [177, с. 253].

В 1970—1971 гг. важным направлением тактики «частичного урегулирования» были шаги Вашингтона по установлению и закреплению ситуации «прекращения огня» на линиях противостояния Египет — Израиль, а также Иордания — Израиль в той форме и на тех условиях, которые соответствовали бы интересам США. В выдвинутом в этой связи государственным секретарем США У. Роджерсом в июне 1970 г. плане предлагалось взаимно прекратить на трехмесячный срок все вооруженные акции на границах между Израилем, с одной стороны, и Египтом и Иорданией, с другой. В таких условиях представитель генерального секретаря ООН Г. Ярринг должен был возобновить порученную ему миссию по обеспечению условий выполнения ноябрьской резолюции Совета Безопасности ООН [22, 10.VIII.1970, с. 178]. 7 августа 1970 г. соглашение о «прекращении огня» (Египет — Израиль) вступило в силу (текст см. [62, с. 17]). В ноябре оно было продлено на три месяца, в феврале 1971 г. — еще на месяц. В марте 1971 г. Египет объявил о решении больше не считать себя связанным соглашением о прекращении огня. Тем не менее фактически оно «молчаливо» соблюдалось сторонами вплоть до октябрьской войны



1973 г. США использовали ситуацию «прекращения огня» для дальнейшего военного укрепления Израиля.

Конечно, само по себе прекращение вооруженных действий на арабо-израильских границах, если оно конкретно привязано к достижению всеобъемлющего урегулирования и служит шагом на пути к полному выводу оккупационных войск, явилось бы позитивным шагом. Однако курс США на формализацию прекращения вооруженных акций на линиях противостояния Израиля с арабскими странами в условиях отсутствия политического урегулирования конфликта и продолжения оккупации арабских земель нельзя было расценить иначе, как попытки увековечить израильские территориальные захваты, поставить преграды на пути использования Египтом и другими арабскими государствами вооруженных средств борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии и освобождение своих территорий.

В рамках той же тактики «частичного урегулирования» администрация Р. Никсона в 1971 г. добивалась осуществления так называемого «суэцкого варианта» — плана возобновления международного судоходства по Суэцкому каналу до всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, в условиях продолжения израильской оккупации Синайского полуострова, но при отводе войск Израиля на некоторое расстояние от восточного берега канала [22, 25.X.1971, с. 443]. Идею «суэцкого варианта» Вашингтон позаимствовал от А. Садата, который в выступлении 4 февраля 1971 г. в Национальном собрании Египта выдвинул план возобновления международного судоходства по Суэцкому каналу. Однако, если Египет тогда рассматривал открытие канала как часть комплексного урегулирования в рамках резолюции № 242, то Вашингтон открытие канала трактовал изолированно от всеобъемлющего урегулирования и полного вывода израильских войск со всех оккупированных египетских территорий [237, с. 187—188].

Иными словами, «суэцкий вариант» отнюдь не был направлен на быстрое преодоление препятствий, стоящих на пути всеобъемлющего урегулирования. Он был призван подменить такое урегулирование полумерами, закрепляющими на неопределенно долгий срок территориальные захваты Израиля. Говоря о причинах провала «суэцкого варианта», журнал «Интернейшнл Аффферз» писал: «Переговоры были в конечном итоге прерваны ввиду жесткой позиции Израиля и его отказа уйти на расстояние более чем девяти километров от водного рубежа и разрешить присутствие символических египетских вооруженных сил на восточном берегу канала» [312, весна 1980, с. 244].

Важным этапом «частичного урегулирования», осуществлявшимся после октябрьской войны 1973 г., явились шаги дипломатии США по связыванию Израиля и сопредельных ему арабских стран (Египет, Сирия) системой соглашений о разъеди-

нении войск. Речь шла о реализации принятых Женевской мирной конференцией в декабре 1973 г. по настоянию США решение относительно урегулирования возникших в результате октябрьской войны военных проблем. В конце 1973 — начале 1974 г. Вашингтон главное внимание сконцентрировал на соглашении между Египтом и Израилем о разъединении войск в зоне Суэцкого канала. Именно здесь Г. Киссинджер впервые опробовал метод «челночной дипломатии». Он неоднократно посещал Тель-Авив и Каир в целях оказания нажима на египетское и израильское руководство и выработки приемлемой Вашингтону позиции. 18 января 1974 г. Египет и Израиль подписали первое соглашение о разъединении войск в зоне Суэцкого канала. По этому соглашению Египет устанавливал свой контроль над обоими берегами канала. На Синае создавались рубежи разъединения с размещением в промежуточной — «буферной» — зоне контингентов чрезвычайных вооруженных сил ООН. Вводились ограничения на ремилитаризацию Египтом возвращаемых ему районов Синая и соответственно на численность египетских вооруженных сил в этих районах. Египет и Израиль обязались воздерживаться от всяких действий «военного и полувоенного характера» друг против друга (текст см. [14, с. 17—18]).

Затем Г. Киссинджер сконцентрировал свои посреднические усилия на обеспечении аналогичного соглашения между Сирией и Израилем. В апреле—мае 1974 г. в рамках своей «челночной дипломатии» он непрерывно курсировал между Дамаском и Тель-Авивом, согласовывая позиции обеих сторон. Только за май 1974 г., когда подготовка сирийско-израильского соглашения вступила в завершающую фазу, Г. Киссинджер посетил Тель-Авив 16 раз, Дамаск — 12, Каир — 3, Эр-Рияд — 1 [237, с. 292—293]. 31 мая 1974 г. в Женеве было подписано Соглашение между Сирией и Израилем о разъединении войск в районе Голанских высот (текст см. [14, с. 157—158]). Оно предусматривало отвод израильских войск с той части Голанских высот, которая была захвачена Израилем в ходе октябрьской войны 1973 г., а также из района сирийского города Эль-Кунейтра, захваченного Израилем в 1967 г. Устанавливалась «буферная» зона шириной от 2 до 6 км, в которой должны быть размещены контингенты сил ООН по наблюдению за разъединением войск Сирии и Израиля, созданные по специальному решению Совета Безопасности ООН от 1 июня 1974 г.

В 1974—1975 гг. главной задачей ближневосточной политики США стало заключение египетско-израильского соглашения о втором этапе разъединения войск на Синае. Приступая к этому этапу, США рассчитывали связать египетский режим новым далеко идущим соглашением с Израилем, окончательно пристегнуть А. Садата к американско-израильской модели «урегулирования», вывести Египет из общеарабского антиимпериа-

листического фронта. В основу нового соглашения Вашингтон положил планы отвода израильских войск из районов синайских перевалов Митла и Гиди и нефтепромыслов Абу-Рудайс в обмен на официальное обязательство Египта прекратить состояние войны с Израилем в условиях сохранения израильской оккупации других арабских, в том числе и египетских территорий [323, 7.IV.1975, с. 13]. И в этом случае Г. Киссинджер осуществлял функции «посредника» в согласовании позиций сторон, а фактически — руководителя египетско-израильских переговоров.

Нельзя сказать, чтобы эти переговоры проходили гладко и «челночная дипломатия» Г. Киссинджера работала без сбоев. Наоборот, Г. Киссинджеру понадобились десятки поездок в столицы ближневосточных государств, чтобы согласовать условия второго Синайского соглашения. Главной трудностью было то, что предложенная Вашингтоном схема соглашения предусматривала существенные политические уступки со стороны Египта, ослабляющие его позиции в арабском мире. Речь прежде всего шла об обязательстве Египта, в обмен на освобождение от израильской оккупации небольшой части Синайского полуострова, по сути дела, согласиться на сепаратный мир с Израилем и выйти из противоборства с ним. Даже А. Садат при всей его ориентации на сотрудничество с США посчитал такие требования чрезмерными. К тому же Израиль не проявил должной гибкости. В итоге разработка условий второго Синайского соглашения в марте 1975 г. зашла в тупик. В связи с этим Г. Киссинджер на пресс-конференции 26 марта 1975 г. угрожал «полностью пересмотреть» американскую политику на Ближнем и Среднем Востоке, «вернуться в Женеву» [22, 14.IV.1975, с. 461]. Однако на деле никакого отхода США от курса «частичного урегулирования» не произошло. Этот курс (в различных его формах) оставался стержневым направлением ближневосточной политики Вашингтона и в дальнейшем.

Правительство Дж. Форда в середине 1975 г. развернуло очередной тур нажима на Каир, Тель-Авив, Дамаск. Состоялись встречи Дж. Форда с египетским президентом А. Садатом (1—2 июня, Зальцбург) и израильским премьер-министром И. Рабином (10—13 июня, Вашингтон). Израилю и Египту были даны обещания о значительном увеличении американской помощи. Вновь заработала «челночная дипломатия». С 20 августа по 3 сентября 1975 г. Г. Киссинджер предпринял третью в 1975 г. крупную поездку на Ближний и Средний Восток (предыдущие поездки состоялись в феврале и в марте) с посещением Израиля, Египта, Иордании, Саудовской Аравии. В итоге Дж. Форду и Г. Киссинджеру удалось добиться согласия Каира и Тель-Авива на возобновление переговоров по второму этапу разъединения, сблизить позиции сторон и добиться согла-

4 сентября 1975 г. представители Египта и Израиля подписали в Женеве соглашение о втором этапе разъединения египетских и израильских войск на Синае (текст см. [15, с. 401—407]). К соглашению был приложен документ о создании на Синае баз радиотехнической разведки (в целях наблюдения за выполнением условий соглашения) и об укомплектовании этих баз американским персоналом (200 человек). Кроме того, Г. Киссинджер 1 сентября 1975 г. подписал с министрами иностранных дел Египта и Израиля четыре двухсторонних документа (Меморандум о соглашении между правительством США и правительством Израиля, Меморандум о соглашении между правительством США и правительством Израиля относительно Женевской конференции, Заверения правительства США правительству Египта, Заверения правительства США правительству Израиля), в которых содержится ряд важных гарантий и политических обязательств Вашингтона Египту и Израилю (тексты см. [23, с. 249—253]). Фактически второе Синайское соглашение представляло собой трехстороннюю (США, Египет, Израиль) пакетную сделку, затрагивавшую целый комплекс проблем американской политики в ближневосточном регионе.

В соответствии с соглашением Израиль обязался вывести свои войска из районов синайских перевалов Митла и Гиди и нефтепромыслов Абу-Рудайс (5,5% территории Синайского полуострова). Соответственно сдвигалась к востоку контролируемая войсками ООН «буферная» зона разъединения. В этой зоне создавались три станции радиотехнического наблюдения за выполнением соглашения, обслуживаемые американским персоналом. Египет и Израиль приняли на себя обязательства урегулировать конфликт мирными средствами, продолжать соблюдать прекращение огня на суше, на море, в воздушном пространстве, воздерживаться от военных и полувоенных действий в отношении друг друга. Соглашение разрешало провоз невоенных грузов для Израиля или из Израиля через Суэцкий канал. Со своей стороны, Вашингтон обязался значительно увеличить военную и экономическую помощь Израилю и Египту, более жестко гарантировать «безопасность» Израиля, не допускать ослабления своей политики полного непризнания ООП и т. д.

Соглашение узаконило прямое военное присутствие США в районе Синайского полуострова в форме участия американского персонала в проведении на этой стратегически важной территории радиотехнической разведки. Это предоставило Вашингтону дополнительные возможности для империалистического вмешательства в арабо-израильский конфликт. Своим присутствием США как бы гарантировали закрепленный в соглашении военно-политический статус-кво на Синае, сковывали возможности использования Египтом военных средств против Израиля в целях полного освобождения своей территории.

Соглашение не решило ни один из коренных вопросов ближ-

невосточного урегулирования. Остался, в частности, нерешенным ключевой компонент ближневосточного конфликта — вопрос о полном выводе израильских войск с арабской земли. Около 90% территории Синайского полуострова по-прежнему оставалось под контролем Израиля. Соглашение обходило молчанием проблемы вывода израильских войск с других арабских земель, удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины. В соглашении отсутствовала увязка мер по разъединению войск с проблемой всеобъемлющего урегулирования на основе резолюций № 242 и 338. Не было прекращено состояние войны между Израилем и арабскими государствами. Соглашение фактически явилось империалистическим договором о «мире» между Египтом и Израилем. Израиль, не взяв на себя никаких обязательств освободить оккупированные в 1967 г. арабские территории (кроме небольшой части Синая), фактически нейтрализовал возможности военного решения арабами проблемы освобождения своих земель, поскольку без Египта ни Сирия, ни Иордания были бы не в состоянии вести эффективные боевые действия против Израиля.

Соглашение нанесло значительный ущерб борьбе арабских народов против империализма и сионизма, за ликвидацию последствий израильской агрессии. Принятые Египтом по этому соглашению обязательства были равнозначны одностороннему прекращению им состояния войны с Израилем, выводу египетского режима из конфронтации с империализмом и сионизмом. Израилю в то же время обеспечивались дополнительные гарантии безопасности на линиях разъединения войск за счет присутствия в «буферной» зоне вооруженных сил ООН, а также функционирования созданной по условиям соглашения и укомплектованной американским персоналом системы радиотехнического наблюдения. После заключения соглашения Израиль продолжал аннексию оккупированных территорий на Синае, создание там израильских поселений. Продолжались нарушения прав человека на оккупированных арабских землях. Соглашение осложнило достижение всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, поставило новые преграды на этом пути. Оно ухудшило общую политическую обстановку в регионе, привело к обострению межарабских противоречий, углублению опасного источника вооруженного конфликта.

Хотя предусмотренное тремя соглашениями 1974—1975 гг. разъединение войск на Синае и в районе Голанских высот было завершено, однако процесс реального урегулирования ближневосточного конфликта даже не был начат. В Обращении Советского правительства к правительству США по вопросу о возобновлении работы Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку от 9 ноября 1975 г. указывалось: «Опыт показывает, что путь частичных мер, осуществляемых к тому же на сепаратной основе, не ведет к решению ближневосточ-

ной проблемы. Да он и не может вести к такому решению, поскольку при этом остаются в стороне главные, ключевые вопросы политического урегулирования» [7, т. за 1975, с. 141].

После заключения в 1975 г. второго Синайского соглашения процесс «частичного урегулирования» застопорился. Вашингтон столкнулся с трудностью дальнейшего искусственного расчленения ближневосточной проблемы. Израиль возражал против возвращения арабам новых частей оккупированной территории без получения закрепленных в договорном порядке гарантий «безопасности» и «мира». В 1975—1976 гг. обострилось общее положение в регионе. Проходила гражданская война в Ливане. В 1976 г. в США развернулась президентская избирательная кампания, которая осложнила маневренность республиканской администрации в ближневосточном регионе. В декабре 1975 г. в США был опубликован доклад Брукингского института (Вашингтон) «Путь к миру на Ближнем Востоке». Руководителем авторского коллектива был видный ученый и дипломат Генри Оуэн. В докладе был подвергнут критике подход Г. Киссинджера к проблеме урегулирования ближневосточного конфликта, признавался провал политики «частичного урегулирования». Отмечалось, что эта политика, в том числе и заключенные в ее рамках три соглашения о разъединении войск, привела к усилению нестабильности в регионе, возрастанию опасности новой арабо-израильской вооруженной вспышки. Делался вывод о необходимости возврата к всеобъемлющему подходу [73].

Весь 1976 г. дипломатия США работала на Ближнем и Среднем Востоке на холостом ходу. Вашингтоном в рамках политики «частичного урегулирования» не было выдвинуто в тот период никаких новых инициатив. В докладе Информационной службы конгресса США «Ближний Восток: политика США, Израиль, нефть и арабские страны» (1977 г.) констатировалось, что «ко времени прихода в Белый дом в январе 1977 г. Дж. Картера сложилось общее согласие в отношении того, что поэтапная дипломатия, должна быть заменена усилиями достигнуть всеобъемлющего урегулирования» [219, с. 3].

### **Президент Дж. Картер и проблема ближневосточного урегулирования**

Приход в Белый дом в январе 1977 г. администрации партии демократов во главе с Дж. Картером не привел к какому-либо изменению базисных основ политики США в ближневосточном конфликте. Дж. Картер исходил из прежних задач «решить» ближневосточный конфликт так, чтобы были обеспечены экспансионистские интересы Израиля, развитие отношений с консервативными арабскими режимами, сохранение доступа к ближневосточной нефти, расширение военного присутствия США.

Не оправдались делавшиеся в период избирательной кампании 1976 г. прогнозы в отношении того, что правительство партии демократов сделает, дескать, традиционный крен в сторону односторонне ориентированного на Израиль курса в ущерб отношениям США с арабскими странами. На деле получилось так, что новый президент, исходя из долгосрочных задач американской политики в регионе и поддерживая Израиль, в то же время, пожалуй, в большей степени, чем это делали Р. Никсон и Дж. Форд, подталкивал израильских лидеров к смягчению их прямолинейно жесткой политики и к поискам выгодных США компромиссов по проблеме ближневосточного урегулирования.

При общности принципиального подхода республиканцев и демократов к ближневосточной проблеме в политике Дж. Картера в то же время появились некоторые новые тактические моменты. При Дж. Картере повысилось место ближневосточного урегулирования в списке внешнеполитических приоритетов США. Если проанализировать внешнеполитическую деятельность Дж. Картера в 1977—1980 гг., нетрудно убедиться в том, сколь большое значение он уделял ближневосточным делам. В 1977 г. Дж. Картер лично встречался в Вашингтоне, в столицах государств ближневосточного региона или на территории третьих стран (зачастую по несколько раз) с руководителями Египта, Израиля, Иордании, Сирии, Саудовской Аравии, Ирана. Первой зарубежной дипломатической миссией администрации Дж. Картера была поездка государственного секретаря С. Вэнса на Ближний и Средний Восток в феврале 1977 г. А всего С. Вэнс в первый год правления Дж. Картера был в ближневосточном регионе пять раз [22, II.1978, с. 33]. На вашингтонской пресс-конференции 27 февраля 1979 г. Дж. Картер признал, что «за два года пребывания на посту президента он уделил больше времени и своих личных усилий поискам мира на Ближнем и Среднем Востоке, чем каким бы то ни было другим международным проблемам» [95, 5.III.1979, с. 346]. Всего С. Вэнс совершил в 1977—1980 гг. более десяти визитов на Ближний и Средний Восток в целях ведения переговоров.

Как в ходе избирательной кампании 1976 г., так и в первый год пребывания в Белом доме Дж. Картер декларировал намерение отказаться от проводившегося предыдущей администрацией курса частичных сделок и сделать акцент на достижение всеобъемлющего решения ближневосточного конфликта. Поначалу создалось впечатление, будто Дж. Картер действительно занял более реалистическую и конструктивную позицию. В ряде выступлений в 1977 г. и особенно детально в своем программном выступлении 16 марта 1977 г. в Клинтоне Дж. Картер прокламировал принципиальную схему урегулирования [95, 21.III.1977, с. 358—370]. Эта схема не оставляла

сомнений в том, что новый американский президент на первых порах защищал всеобъемлющий подход к решению ближневосточной проблемы в рамках Женевской мирной конференции. Ключевыми положениями выдвинутой Дж. Картером схемы были:

прекращение состояния войны между Израилем и арабскими странами и установление «подлинного мира». Полная нормализация отношений между ними, включая установление дипломатических отношений, открытие границ, развитие торговых связей, культурных обменов. Признание арабами Израиля в качестве «постоянной реальности» в регионе;

отход Израиля с оккупированных в 1967 г. арабских территорий на «взаимосогласованные, безопасные и признанные границы» с одновременным принятием мер по обеспечению безопасности Израиля, в том числе путем установления демилитаризованных «буферных» зон вдоль израильских границ. Дж. Картер детально не раскрыл своей позиции в отношении масштабов отвода израильских войск. Он повторил лишь прежний американский тезис об отводе этих войск на границы по состоянию на 5 июня 1967 г. с «незначительными изменениями». Было, однако, очевидным, что Вашингтон подтверждал прежнюю, уже отвергнутую арабами концепцию «защитимых границ», т. е. границ, обеспечивающих приращение территории Израиля за счет включения стратегически важных арабских территорий;

предоставление «национального отечества» палестинцам, связанного в той или иной мере с Иорданией, а также учет «законных интересов палестинских арабов» в контексте ближневосточного урегулирования. Эта формула была пущена в оборот Вашингтоном в целях прикрытия отказа от решения проблемы создания национального палестинского государства. Понятие «национальное отечество» Дж. Картер никогда не отождествлял с суверенным палестинским государством.

Если дать оценку этой схеме, то можно констатировать, что хотя общий подход Дж. Картера внешне носил комплексный характер, однако главные компоненты предложенной схемы, особенно те, которые касались вывода войск оккупантов и палестинского вопроса, были полностью неприемлемыми для арабов; они противоречили основополагающим решениям ООН по Ближнему и Среднему Востоку.

В 1977 г. Дж. Картер придерживался той позиции, что переговоры по реализации предложенной им схемы урегулирования должны вестись Вашингтоном совместно с Советским Союзом и другими заинтересованными странами на Женевской мирной конференции. В сентябре 1977 г. в Вашингтоне и Нью-Йорке состоялись переговоры министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Дж. Картером и С. Вэнсом, в ходе которых было согласовано Совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. Как видно из текста



этого документа, американская сторона, во-первых, подтвердила свою приверженность всеобъемлющему решению ближневосточной проблемы в рамках возобновленной Женевской конференции; во-вторых, США согласились с необходимостью решения в контексте общего урегулирования палестинской проблемы. В Заявлении указывалось, в частности, что «урегулирование должно быть всеобъемлющим, охватывающим все заинтересованные стороны и все вопросы» и что «в рамках всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы должны быть решены все конкретные вопросы урегулирования, в том числе такие ключевые, как вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны» [7, том за 1977, с. 170].

Однако в конце 1977 г. США ужесточили свою позицию как по существу самого урегулирования, так и по методам его достижения. Дж. Картер отошел от принципов Совместного советско-американского заявления, отказался от переговоров с СССР, поддержал и поощрил «инициативу» А. Садата о переговорах с Израилем, в том числе его сепаратные переговоры с М. Бегиним в Иерусалиме (19—21 ноября) и в Исмаилии (25—26 декабря 1977 г.), а также последовавшие за этими переговорами раунды египетско-израильских контактов на всех уровнях, включая высший. Тем самым американцы перечеркнули основные положения Совместного заявления и прежде всего те, которые касались необходимости всеобъемлющего урегулирования и созыва Женевской мирной конференции. Американский журнал «Орбис» констатировал, что Дж. Картер «порвал с всеобъемлющим подходом, которого он придерживался вначале» [319, осень 1978, с. 502]. Журнал «Форин Аффферз» отмечал, что «фактически Соединенные Штаты возвратились к политике Г. Киссинджера, проводимой им в 1973—1975 гг., к поэтапному подходу к урегулированию арабо-израильского конфликта, который осуществлялся Соединенными Штатами в отношении двух основных участников конфликта, и оставлял Советский Союз за пределами» [152, с. 452].

Причины ужесточения с конца 1977 г. ближневосточной политики США прежде всего были связаны с общей линией Вашингтона на отход от разрядки международной напряженности, отказ от сотрудничества с Советским Союзом, обострение советско-американских отношений. Свою роль сыграли и сильный нажим на Дж. Картера со стороны американских сионистских кругов, которые встретили в штыки Совместное заявление, а также расчеты США максимально использовать в своих интересах выход Египта из конфронтации с империализмом и сионизмом, ставку А. Садата на достижение сепаратной сделки с Израилем по американской модели. Вашингтон, хотя и про-

должал заявлять о приверженности резолюциям № 242 и 338, на деле строил свою позицию так, чтобы, отойдя от зафиксированных в Совместном заявлении обязательств о достижении урегулирования на всеобъемлющей основе, обеспечить за спиной арабских народов и Советского Союза сепаратную сделку Египта с Израилем. Дж. Картер дал согласие на посылку представителей США для участия в предложенных А. Садатом египетско-израильских контактах в Каире в декабре 1977 г., а в дальнейшем принял активное личное участие в выработке и реализации кэмп-дэвидской стратегии США, положенной в основу подхода Вашингтона к проблеме ближневосточного урегулирования.

### **Подрывная линия США в вопросе о созыве Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку**

Руководствуясь целями сохранения мира и укрепления безопасности народов, Советский Союз прилагал настойчивые усилия к тому, чтобы добиться политического урегулирования ближневосточного конфликта, установить прочный мир на Ближнем и Среднем Востоке. В выдвинутой XXIV съездом КПСС Программе мира борьба за ликвидацию последствий израильской агрессии и достижение мирного урегулирования опасного кризиса в этом районе названа в числе основных внешнеполитических задач СССР. В одобренной XXV съездом КПСС Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов вновь указывалось на необходимость «сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации остающихся военных очагов, и прежде всего, на осуществлении справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке» [5, с. 26]. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС было сделано предложение «вернуться к честным коллективным поискам всеобъемлющего урегулирования на справедливой и реалистической основе. В сложившихся условиях это можно было бы сделать, скажем, в рамках специально созванной международной конференции». Была выражена готовность СССР в конструктивном духе, с позиций доброй воли принять участие в такой работе совместно с другими заинтересованными сторонами, в том числе и с США [6, с. 14—15].

Советский Союз неоднократно выдвигал конкретные предложения по урегулированию ближневосточного конфликта. Эти предложения, положенные в основу позиции советской стороны при обсуждении проблемы ближневосточного урегулирования в Организации Объединенных Наций, а также по различным двухсторонним и многосторонним каналам, исходили из необхо-

димости проведения в жизнь принципа недопустимости приобретения чужих территорий путем войны. Советский план урегулирования предусматривает полный вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий, осуществление неотъемлемых законных прав арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного национального государства; обеспечение безопасности и суверенитета всех государств этого района, в том числе Израиля. Эта принципиальная позиция СССР находит понимание и поддержку со стороны миролюбивых, демократических сил Ближнего и Среднего Востока, широких слоев мировой общественности.

Советский Союз явился инициатором идеи созыва представительной мирной конференции по Ближнему Востоку, на которой могли бы быть рассмотрены и решены в комплексе все сложные и острые проблемы урегулирования ближневосточного конфликта. Советская идея созыва такой конференции была отражена в резолюции № 338 (от 22 октября 1973 г.), в которой указывалось на необходимость начать немедленно «переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке» [302, 23.X.1973].

Выдвигая предложение о созыве мирной конференции по Ближнему Востоку, Советский Союз исходил из того, что необходимо создать постоянно действующий механизм для разработки и осуществления реалистической программы ближневосточного урегулирования на базе резолюций № 242 и 338. Этот механизм должен обеспечить рассмотрение и решение всего комплекса проблем, относящихся к политическому урегулированию в регионе с участием всех вовлеченных в конфликт сторон, включая представителей арабского народа Палестины в лице Организации освобождения Палестины, а также других заинтересованных государств. Созыв такой конференции поставил бы преграду на пути попыток США перевести процесс урегулирования на рельсы сепаратных, частичных сделок, осуществляемых за спиной Советского Союза и арабских народов. Советский Союз в 1974—1977 гг. неизменно ставил вопрос о созыве Женевской конференции в переговорах с руководителями США, ближневосточных государств и ООП, а также в Организации Объединенных Наций.

Позиция вашингтонской администрации по проблеме созыва Женевской мирной конференции была противоречивой и непоследовательной. С одной стороны, США, продвинув в Совете Безопасности ООН в октябре 1973 г. совместно с СССР резолюцию № 338, тем самым официально обязались начать мирные переговоры. Вашингтон в 1974—1977 гг. не выдвигал принципиальных возражений против созыва конференции; он внешне соглашался с советскими предложениями о проведении практической подготовки к конференции, сроках ее проведения, об-

щей повестки дня. Однако на деле США с помощью разного рода организационных и процедурных уловок, прежде всего направленных на то, чтобы не допустить к участию в конференции на равноправной основе Организацию освобождения Палестины, стремились либо вообще сорвать созыв конференции, либо направить ее работу в русло штамповки тех сепаратных сделок, которых США достигли или предполагали достигнуть на закулисных переговорах со своими ближневосточными партнерами, прежде всего с Израилем и Египтом.

В рамках резолюции № 338 и при содействии СССР и США 21—23 декабря 1973 г. был проведен первый этап Женевской мирной конференции. В конференции приняли участие СССР, США, Египет, Иордания, Израиль и представители Организации Объединенных Наций. Из прямо вовлеченных в ближневосточный конфликт сторон не участвовали Сирия, а также Организация освобождения Палестины. Правительство Сирии не направило своих представителей в Женеву, а посылка приглашения ООП была заблокирована Соединенными Штатами и Израилем. Сопредседателями конференции были СССР и США. В своем выступлении на конференции 21 декабря 1973 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко подчеркивал необходимость достижения устойчивого справедливого урегулирования ближневосточного кризиса (см. [3, с. 298—303]).

Соединенные Штаты уклонились от решения на конференции кардинальных вопросов ближневосточного урегулирования. Несмотря на усилия Советского Союза, в Женеве не было достигнуто никаких сдвигов в решении таких ключевых вопросов урегулирования как вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г., осуществление неотъемлемых прав палестинского арабского народа, включая его право на самоопределение и создание независимого государства. Вашингтон сделал все, чтобы направить работу конференции в русло решения отдельных возникших в связи с октябрьской войной 1973 г. военных проблем, в первую очередь проблем договорно-правового закрепления прекращения огня и разъединения войск сторон, участвовавших в войне. Излагая позицию США, Г. Киссинджер в заявлении, сделанном на этой конференции 21 декабря 1973 г., прежде всего подчеркивал необходимость решения вопроса о разъединении вооруженных сил Египта и Израйля в районе Суэцкого канала и войск Израйля и Сирии на Голанских высотах. Он говорил о стремлении США действовать в качестве посредника в «прямых или непрямых» переговорах, которые должны провести по данному вопросу эти две арабских страны с Израилем [13, с. 608—613].

Женевская конференция 1973 г. вследствие неконструктивной позиции США не выполнила возложенных на нее задач. Не удалось продвинуться вперед в деле достижения ближневосточного урегулирования по существу. Не уменьшилась взрывоопасность

кризиса на Ближнем и Среднем Востоке. Вместе с тем конференция дала и позитивные результаты. Главным было то, что самим созывом конференции был создан рабочий механизм для обсуждения и решения в дальнейшем конкретных вопросов ближневосточного урегулирования. Этот фактор был активно использован советской дипломатией в 1974—1977 гг. в качестве рычага давления на США в борьбе за достижение ближневосточного урегулирования на всеобъемлющей основе.

После Женевской конференции 1973 г. и заключения в 1974—1975 гг. двух синайских соглашений и соглашения о разъединении войск в районе Голанских высот никаких конструктивных сдвигов в позиции Вашингтона не произошло. США продолжали линию на подмену всеобъемлющего урегулирования сепаратными сделками, осуществлявшимися в обход Женевской конференции. Одновременно Вашингтон на словах декларировал готовность возобновить работу конференции и принять участие в ее работе. Это была беспринципная дипломатическая игра США, рассчитанная на подрыв конструктивных инициатив в вопросе о справедливом урегулировании ближневосточного конфликта, маскировку и прикрытие сепаратных сделок. Тем не менее в 1974—1977 гг. Советский Союз активно выступал за скорейшее возобновление работы Женевской конференции с участием всех заинтересованных сторон. Проблема созыва конференции была детально проработана в совместных советско-арабских документах, опубликованных в результате состоявшихся в тот период встреч советских руководителей с руководителями Сирии, Алжира, Ливии, НДРЙ, ООП. В этих документах подчеркивалась необходимость тщательной подготовки к созыву конференции. Говорилось, что конференция не должна завершиться лишь принятием широковещательных деклараций без конкретных решений, она не должна быть инструментом легализации сепаратных сделок, разработанных вне конференции.

Разумеется, Советский Союз проводил контакты по данному вопросу с Соединенными Штатами. В опубликованном 30 апреля 1974 г. сообщении о переговорах А. А. Громыко с Г. Киссинджером (28—29 апреля, Женева) указывалось, что «обе стороны высказались в пользу возобновления работы Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку в ближайшее время» [302, 30.IV.1974]. В совместном сообщении о переговорах А. А. Громыко с Г. Киссинджером 16—17 февраля 1975 г. в Женеве говорилось: «Стороны считают, что Женевская конференция должна сыграть важную роль в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке и должна возобновить свою работу в ближайшее время» [302, 18.II.1975]. 9 ноября 1975 г. Советское правительство через посла СССР в Вашингтоне направило правительству США официальное обращение по вопросу о возобновлении работы Женевской конференции. В обращении высказывалось предложение, чтобы СССР и США, как

сопредседатели конференции, выступили с совместной инициативой относительно возобновления ее работы. «Задачей возобновления конференции,— говорилось в советском документе,— должно быть достижение всеобъемлющего кардинального политического урегулирования ближневосточного конфликта на основе соответствующих решений ООН» [7, том за 1975, с. 141]. Было подчеркнуто, что в конференции с самого начала возобновления ее работы должны принять участие на равных правах все непосредственно заинтересованные стороны — Египет, Сирия, Иордания, представители арабского народа Палестины в лице Организации освобождения Палестины и Израиль, а также СССР и США как сопредседатели конференции.

Ответ на указанное обращение Советского правительства был дан в ноте государственного департамента США посольству СССР в Вашингтоне от 1 декабря 1975 г. В американской ноте не высказывалось каких-либо принципиальных возражений против возобновления работы конференции. Говорилось о необходимости, если речь идет о достижении прочного мира, решения всех вопросов, относящихся к урегулированию, включая и палестинский вопрос. «Законные интересы палестинцев,— говорилось в ноте,— должны быть приняты во внимание во всеобщем урегулировании». Вместе с тем в ноте в достаточно ясной форме высказывались возражения против определения состава участников конференции таким образом, чтобы в круг ее полноправных участников была бы включена Организация освобождения Палестины [22, 5.I.1976, с. 12—13].

Этот ответ американского правительства показал, что в действительности речь шла о попытках США вообще не допустить ООП к участию в конференции, отсрочить тем самым на неопределенное время ее созыв. Понятно, что без участия палестинцев терялся бы смысл пуска в ход этого механизма для достижения всеобъемлющего урегулирования. Без участия палестинцев Женевская конференция была бы не форумом деловых переговоров, а камуфляжем с целью создать видимость переговоров. 18 декабря 1975 г. вашингтонской администрации было передано советское заявление по поводу ответа США от 1 декабря. В заявлении указывалось, что хотя США и согласились с достижением всеобъемлющего урегулирования на Женевской конференции, однако американская сторона делает невозможным ее созыв, возражая против участия в ней — на равных правах с другими участниками — представителей палестинского народа в лице ООП [302, 20.XII.1975].

В 1976 г. Советский Союз выступил с предложением об организации работы Женевской конференции в два этапа, но с обязательным участием на обоих этапах ее работы представителей ООП. В опубликованном 29 апреля 1976 г. Заявлении Советского правительства о положении на Ближнем Востоке говорилось, что на начальном, непродолжительном этапе могли

бы быть разрешены все организационные вопросы. Затем конференция могла бы перейти к своей основной задаче нахождения решений вопросов урегулирования по существу [302, 29.IV.1976]. 2 октября 1976 г. было опубликовано новое Предложение Советского правительства об урегулировании на Ближнем Востоке и Женевской мирной конференции (оно было передано США, Египту, Сирии, Иордании, Израилю и ООП). В этом документе Советский Союз предложил возобновить работу конференции в октябре—ноябре 1976 г. и включить в ее повестку дня следующие вопросы: 1. Вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г.; 2. Осуществление неотъемлемых прав арабского народа Палестины, включая его право на самоопределение и создание собственного государства; 3. Обеспечение права на независимое существование и безопасность всех государств — непосредственных участников конфликта: арабских государств — соседей Израиля, с одной стороны, и государства Израиль — с другой, и предоставление им соответствующих международных гарантий; 4. Прекращение состояния войны между соответствующими арабскими странами и Израилем. На конференцию с самого начала и на равных правах с другими участниками должна быть допущена Организация освобождения Палестины [7, том за 1976, с. 115—116].

Однако правительство Дж. Форда так и не откликнулось в конструктивном духе на советские инициативы. В 1975—1976 гг. вашингтонская администрация продолжала тактику «частичного урегулирования». В американской схеме такого урегулирования Женевской конференции отводилась лишь роль органа, в котором должны быть проштампованы сепаратные сделки. Не претерпела каких-либо изменений и obstructивная политика республиканской администрации в отношении допуска на конференцию Организации освобождения Палестины. Вашингтон был согласен допустить на конференцию «представителей палестинцев» лишь в составе объединенной арабской делегации. Это было полностью неприемлемым для ООП.

Поначалу казалось, что администрация Дж. Картера заняла более реалистическую, чем правительство республиканцев, позицию в вопросе о созыве Женевской конференции. Складывалось впечатление, что новые вашингтонские руководители хотели бы действовать в ближневосточном регионе при наличии взаимопонимания с СССР. В течение 1977 г. Дж. Картер неоднократно заявлял о необходимости проведения Женевской конференции в 1977 г. Так, в выступлении в Клинтоне 16 марта 1977 г. он высказался за то, чтобы побудить арабские страны и Израиль встретиться в Женеве в конце 1977 г. с целью начать переговоры [95, 21.III.1977, с. 361].

С приходом в Белый дом Дж. Картера Советский Союз во-

зобновил контакты с США по проблеме созыва конференции. 28—30 марта 1977 г. в Москве проходили переговоры Л. И. Брежнева и А. А. Громыко с государственным секретарем США С. Вэнсом. В итоге было отмечено, что «взаимодействие СССР и США, являющихся сопредседателями Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, существенно важно для достижения справедливого и прочного мира в этом районе» [7, том за 1977, с. 42—43]. Новый советско-американский обмен мнениями имел место 18—20 мая 1977 г. в Женеве, где состоялась встреча А. А. Громыко с С. Вэнсом. В совместном сообщении об итогах этих переговоров от 21 мая 1977 г. говорилось о достижении договоренности между США и СССР о том, чтобы «направить свои совместные усилия на возобновление работы конференции в течение осени 1977 г.» [7, том за 1977, с. 84]. В этом документе была также подтверждена важность взаимодействия сопредседателей конференции — Советского Союза и Соединенных Штатов. И, наконец, в Совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку, опубликованном 2 октября 1977 г., которое подытожило переговоры А. А. Громыко с Дж. Картером и С. Вэнсом в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 1977 г., было подтверждено намерение обеих сторон «содействовать тому, чтобы работа конференции была возобновлена не позже декабря 1977 г.» [7, том за 1977, с. 170]. Эта договоренность открывала реальный путь к возобновлению работы конференции.

В 1977 г., в ходе подготовки к Женевской конференции, Советский Союз изложил детальную позицию по существу ближневосточного урегулирования, которое должно быть достигнуто в итоге работы конференции. В выступлении на XVI съезде советских профсоюзов 21 марта 1977 г. Л. И. Брежнев сказал, что «в основу итогового документа (или документов) о мире на Ближнем Востоке должны быть положены принцип недопустимости приобретения территории путем войн, право всех государств этого района на независимое существование и безопасность. Разумеется, должны быть обеспечены неотъемлемые права палестинского арабского народа, включая его право на самоопределение, на создание собственного независимого государства». Л. И. Брежнев подчеркнул, что «документы о мире должны предусматривать вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий. Такой вывод мог бы быть осуществлен не сразу, а по этапам, в течение, например, нескольких месяцев, в строго определенные сроки. Должны быть четко определены соответствующие линии границ между Израилем и его арабскими соседями — участниками конфликта. Эти границы должны быть объявлены окончательно установленными и нерушимыми». Л. И. Брежнев также сказал, что «с момента завершения вывода израильских войск между арабскими государствами — участниками конфликта и Израилем прекра-



тится состояние войны и будут установлены отношения мира. При этом все стороны возьмут на себя взаимные обязательства уважать суверенитет, территориальную целостность, неприкосновенность и политическую независимость друг друга, разрешать свои международные споры мирными средствами» [2, т. 6, с. 341].

Однако, несмотря на широковещательные декларации в пользу проведения Женевской конференции, правительство Дж. Картера на практике осуществляло столь же обструкционистский курс, как и администрация Дж. Форда. Дж. Картер не предпринимал конкретных мер, направленных на содействие созыву конференции и достижение реального урегулирования. Он не выдвинул каких-либо конструктивных инициатив, могущих послужить основой для серьезных переговоров, стремился создать лишь видимость продвижения вперед, нагромождал различного рода препятствия на пути созыва конференции. По вине США подготовка к конференции увязла в процедурных спорах вокруг вопроса о представительстве ООП. Соединенные Штаты по-прежнему стремились исключить ООП из процесса ближневосточного урегулирования, не допустить эту организацию к равноправному участию в конференции. Этим целям отвечало выдвинутое Соединенными Штатами предложение относительно того, чтобы арабскую сторону (Египет, Сирия, ООП, Иордания) представляла бы на конференции объединенная арабская делегация, в состав которой могли бы войти и «палестинцы» (не члены ООП), а не отдельные равноправные делегации этих арабских стран и ООП [22, 21.XI.1977, с. 712]. Американская версия организации работы конференции была изложена в американо-израильском «рабочем документе», одобренном правительствами обеих стран в октябре 1977 г. Этот документ предлагал построить работу конференции по принципу переговоров отдельных «рабочих групп» в целях обсуждения двухсторонних проблем урегулирования (Израиль — Египет, Израиль — Сирия, Израиль — Иордания). При такой схеме полностью обходился палестинский вопрос; сводилась к минимуму роль СССР как сопредседателя конференции [302, 29.X.1977]. Вашингтон рассматривал Женевскую конференцию лишь в качестве подходящего международного форума, который мог бы быть использован для легализации сепаратных сделок, которые должны вырабатываться в рамках «челночной дипломатии» без участия Советского Союза и других заинтересованных сторон. Дж. Кэмпбелл отмечал, что Женевская конференция рассматривалась «как средство обеспечения прикрытия, под завесой которого могли бы проходить двухсторонние переговоры» [152, с. 615].

В конце 1977 г. администрация Дж. Картера, встав на курс поощрения египетско-израильских сепаратных переговоров, затормозила практическую подготовку к конференции, она отка-

залась от выполнения зафиксированной в Совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 2 октября 1977 г. договоренности в отношении созыва Женевской конференции не позднее декабря 1977 г. Советский Союз решительно осудил сепаратные шаги США, Египта и Израиля по ближневосточному вопросу, предпринятые в обход Женевской конференции. В ответах Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента «Правды» от 24 декабря 1977 г. указывалось, что сепаратные переговоры с Израилем «это — линия на срыв подлинного урегулирования, и прежде всего на подрыв Женевской конференции еще до ее начала» [2, т. 6, с. 645].

### **Стратегия Кэмп-Дэвида и сепаратный «мирный» договор между Египтом и Израилем**

Как уже говорилось выше, с ноября 1977 г. правительство Дж. Картера переключило рычаги своей ближневосточной дипломатии на поддержку и поощрение сепаратной сделки «о мире» между Египтом и Израилем с вовлечением в нее других участников конфликта. Американская схема такой сделки заключалась в том, чтобы на первом этапе обеспечить заключение сепаратного «мирного» договора между Египтом и Израилем, замаскировав его односторонний характер параллельным подписанием какого-то дополнительного документа «об общих принципах урегулирования», призванного продемонстрировать стремление участников сделки действовать в направлении достижения всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. На втором этапе замышлялось навязать аналогичные сепаратные договоры с Израилем двум другим прямым участникам конфликта — Иордании и Сирии. В этих целях Вашингтон наряду с поощрением египетско-израильской сделки осуществлял активные демарши в Аммане и Дамаске, пытаясь склонить иорданских и сирийских руководителей к соглашениям с Израилем на аналогичной с Египтом основе. Палестинские территории предполагалось либо инкорпорировать в состав Иордании на основе статуса федерации или конфедерации, либо оставить под израильским политическим и военным контролем с фиктивным, бесправным статусом «административной автономии».

Таким образом, «окончательное урегулирование» по-вашигтонски мыслилось в форме трех отдельных мирных договоров Израиля с сопредельными ему странами — Египтом, Иорданией и Сирией. При такой схеме «урегулирования» Организация освобождения Палестины оставалась бы полностью за бортом; к тому же в изоляции от процесса урегулирования был бы и Советский Союз. Этим планом перечеркивался созыв Женев-

ской мирной конференции для достижения всеобъемлющего урегулирования. Вашингтон имел бы дело не со всеми странами — участницами конфликта в совокупности, а с каждой из них по отдельности, что облегчало задачу раскола их единства и оказания на них нажима.

Выдвинув такую схему, правительство Дж. Картера (в противовес своим прежним декларациям о «всеобъемлющем подходе») фактически возвратилось к прежней тактике «частичного урегулирования», разработанной и проводившейся еще предыдущей администрацией республиканцев. Отличие состояло лишь в том, что если прежний курс, нацеленный на заключение серии соглашений о разъединении войск, был ориентирован на раздробление ближневосточной проблемы по принципу «поэтапного возврата оккупированных территорий», то картеровский курс «мирных договоров» брал за основу принцип вычленения из целостной системы ближневосточного урегулирования отдельных стран — участниц конфликта. Общее заключалось в том, что и в том и в другом случае нарушались принципы комплексного, всеобъемлющего подхода, не предусматривался полный вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, оставался за бортом палестинский вопрос, сохранялась израильская оккупация арабской части города Иерусалима.

В целях практической материализации планов египетско-израильской сепаратной сделки администрация Дж. Картера вернулась к прежним методам «челночной дипломатии», которые были использованы в свое время Г. Киссинджером. Однако на этот раз, наряду с государственным секретарем С. Вэнсом и его помощниками, в процесс «челночной дипломатии» непосредственно включился и лично президент Дж. Картер. Более того, в отличие от прежних функций «честного маклера» Вашингтон открыто взял на себя роль руководителя и дирижера египетско-израильских переговоров, продолжавшихся с момента первой встречи А. Садата и М. Бегина в Иерусалиме в ноябре 1977 г. до подписания «мирного» договора между обеими странами в марте 1979 г. и затем до конца проходивших в 1979—1980 гг. переговоров США — Израиль — Египет по выработке статуса «административной автономии» для Западного берега и Газы.

Давление США на участников сделки носило фронтальный характер, осуществлялось на различных уровнях и по многим направлениям и стоило Вашингтону больших дипломатических усилий. Дж. Картер в марте 1979 г. посетил Тель-Авив для встреч с М. Бегиним, а также Асуан (январь 1978 г.) и Каир (март 1979 г.) для встреч с А. Садатом. Президент лично руководил переговорами А. Садата и М. Бегина в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 г. Кроме того, он принимал А. Садата в Вашингтоне в апреле 1977 г., в феврале и апреле 1978 г., в марте

1979 г., в апреле 1980 г., а М. Бегина — в июле и декабре 1977 г., в марте, мае и ноябре 1978 г., в марте 1979 г., в апреле 1980 г.

Государственный секретарь С. Вэнс участвовал и фактически руководил каирскими переговорами министров иностранных дел Египта и Израиля в январе 1978 г., аналогичными переговорами министров обеих стран в Лидсе (Англия) в июле 1978 г., переговорами Египта и Израиля на министерском уровне (Вашингтон) в октябре—ноябре 1978 г. и в феврале—марте 1979 г. (Вашингтон и Кэмп-Дэвид) по окончательной отработке текста египетско-израильского «мирного» договора. Кроме того, С. Вэнс осуществлял нескончаемые раунды «челночной дипломатии» на Ближнем и Среднем Востоке. Госсекретарь посетил столицы ближневосточных стран в феврале, августе, декабре 1977 г., в январе, апреле, августе, сентябре, декабре 1978 г., в мае 1979 г. Кроме того, раунды «челночной дипломатии» осуществляли заместитель государственного секретаря США по делам Ближнего и Среднего Востока Г. Сондерс, специальные представители президента США в ранге посла на переговорах по ближневосточному урегулированию А. Атертон, Р. Страус и С. Линовиц. Целью США в проведении этих контактов было продвижение «инициативы» А. Садата, преодоление разногласий и тупиков, возникавших при проведении египетско-израильских переговоров, выработка текстов «мирного договора» и «декларации принципов». Ставилась также задача вовлечь Иорданию и Сирию в американскую схему «урегулирования», заручиться поддержкой со стороны Саудовской Аравии, других консервативных арабских режимов.

Представляет интерес вопрос о том, на какой основе, на базе какого плана велись эти переговоры. Надо сказать, что режим А. Садата предложил свой план сепаратной сделки. В египетском плане, опубликованном в Каире 5 июля 1978 г., содержалось немало демагогических фраз о необходимости вывода израильских войск и признания прав палестинцев [215, с. 39]. Однако Вашингтон в качестве первоосновы египетско-израильской сделки с самого начала принял экспансионистский «план Бегина», переданный Дж. Картеру во время визита М. Бегина в Вашингтон в декабре 1977 г. «План Бегина» включал 26 пунктов. Он предусматривал предоставление «административной автономии» районам Западного берега и Газы с прерогативой местных палестинских властей решать «повседневные дела», но при сохранении военного и политического контроля со стороны Израиля и продолжении израильской оккупации. План отвергал создание суверенного палестинского государства, он исходил из сохранения израильских поселений на оккупированных арабских территориях. Планом было предусмотрено возвращение Синая под египетский суверенитет, однако при условии демилитаризации его значительной части и

сохранения израильских поселений, защищаемых вооруженными силами Израиля (текст см. [322, 29.XII.1977]).

В рамках «плана Бегина» Вашингтон, наряду с отработкой с Египтом и Израилем текста «договора о мире», сосредоточил усилия на согласовании дополнительного египетско-израильского документа — «декларации принципов», который должен был послужить прообразом «всеобъемлющего урегулирования» по американо-израильскому образцу [215, с. 7]. Этот документ должен был замаскировать сепаратный, антиарабский характер сделки, придать видимость стремления ее участников «решить» палестинский вопрос и тем самым обеспечить приемлемость сделки для всего арабского мира. Американские идеи в отношении содержания «декларации принципов» были изложены Дж. Картером А. Садату в январе 1978 г. в Асуане. Речь шла о навязывании Египту неокOLONиалистского варианта мира, отвечавшего целям закрепления империалистических позиций США в регионе и консолидации блока США с Израилем и правой арабской реакцией [51, с. 4].

В первой половине 1978 г. Вашингтону так и не удалось завершить отработку с Египтом и Израилем текстов договора и «декларации принципов». Зашли в тупик и были прерваны проходившие с участием США в январе 1978 г. переговоры Египта и Израиля в рамках учрежденных А. Садатом и М. Бегиным в декабре 1977 г. политического (на уровне министров иностранных дел) и военного (на уровне министров обороны) комитетов. Ничего не дала встреча в Лидсе (Англия) министров иностранных дел Египта и Израиля и государственного секретаря США С. Вэнса. Окончились безрезультатно попытки США (предпринятые в том числе в ходе визита С. Вэнса в Амман и Дамаск в декабре 1977 г.) вовлечь Иорданию и Сирию в сепаратные переговоры с Израилем. Причиной сложившегося тогда тупика была бескомпромиссная позиция М. Бегина по территориальным вопросам, вопросам статуса Западного берега и Газы и израильских поселений на оккупированных арабских землях. Кроме того, А. Садат, опасаясь изоляции Египта в арабском мире, пытался разыгрывать «сопротивление» американо-израильскому диктату и зачастую шел на попятный по, казалось бы, ранее уже согласованным вопросам. При всей ориентации на США А. Садат, учитывая растущие в арабских странах протесты против сепаратной сделки, прибегал к различным уловкам и маневрам, затягивал переговоры.

С середины 1978 г. Вашингтон сконцентрировал усилия на разработке с Израилем и Египтом более узкого, чем «декларация принципов», документа, касающегося лишь будущего статуса районов Западного берега и Газы. При этом за основу был принят план «административной автономии» для этих районов, исходивший из сохранения там военного присутствия Израиля в течение пятилетнего «переходного периода» с предоставлением

палестинцам на этот период лишь «местного самоуправления» в сочетании с какой-то формой израильской оккупации. После июльской встречи министров иностранных дел в Лидсе контакты Египта и Израиля полностью зашли в тупик. Возросли трения между США и Израилем, а также грызня между Белым домом и произраильским лобби. В то же время срыв переговоров грозил ослаблением личного престижа Дж. Картера, который связывал с успешным их завершением судьбу всей политики Вашингтона в ближневосточном регионе.

В этих условиях, в целях срочной «гальванизации» египетско-израильских контактов и вывода из тупика планов сепаратного сговора, Дж. Картер выступил 8 августа 1978 г. с инициативой встречи с руководителями Египта и Израиля в президентской резиденции Кэмп-Дэвид (текст заявления Белого дома см. [22, IX.1978, с. 43]). Эта встреча замышлялась как решительный шаг нажима Вашингтона в отношении своих ближневосточных партнеров. Американский президент рассчитывал, оказав личное воздействие на А. Садата и М. Бегина, добиться их согласия на компромисс. Во всем этом большую роль играли престижные, внутривластные расчеты Дж. Картера. Путем достижения сдвигов на пути к «решению» столь сложной и взрывоопасной проблемы как проблема ближневосточного урегулирования Дж. Картер рассчитывал повысить свой политический багаж в стране, укрепить связи с сионистскими кругами, попытаться компенсировать «успехами» на ближневосточном фронте тот регресс, который был допущен Вашингтоном в сфере отношений с Советским Союзом.

Переговоры в Кэмп-Дэвиде, проходившие с 5 по 17 сентября 1978 г., явились авральной попыткой США «урегулировать» ближневосточный конфликт без участия других заинтересованных сторон (Сирия, Иордания, ООП), а также без участия Советского Союза, являющегося сопредседателем Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку. Речь в Кэмп-Дэвиде шла о выработке под прямым нажимом Дж. Картера формулы так называемого египетско-израильского мирного договора, а также отдаваемого документа о принципах урегулирования, который позволил бы путем эфемерной увязки египетско-израильской сделки с вопросом о Западном берегу и Газе закамуфлировать откровенно сепаратный характер империалистического сговора США, Египта и Израиля и спасти А. Садата от полной изоляции и остракизма в арабском мире.

Результатом переговоров в Кэмп-Дэвиде было принятие двух документов: «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку» (текст см. [22, X.1978, с. 7—11]). В первом из этих документов закреплены принципы «мирного» договора между Египтом и Израилем, которые в дальнейшем воплотились в тексте подписанного 26 марта 1979 г. «договора о

мире» между обеими странами. Второй документ, содержащий претензии на всеобъемлющий подход, служил своего рода связкой между двухсторонней египетско-израильской сделкой и общим урегулированием. Этот документ был принят под давлением США и Египта, считавших, что чисто двухсторонний характер сделки, не предусматривающий хотя бы формальные заверения Израиля в том, что он согласится на какую-то «автономию» Западного берега и Газы, вызовет волну обвинений в адрес А. Садата и осложнит положение США. «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку» — это целиком антиарабский, произраильский документ. Хотя в нем и содержатся ссылки на необходимость урегулирования ближневосточного конфликта на базе резолюций № 242 и 338, однако на деле этот документ закрепляет американо-израильский диктат. Документ полностью обходит решение проблем палестинской государственности, восстановления арабского контроля над восточной частью Иерусалима, полной ликвидации израильской оккупации Западного берега и Газы, Голанских высот. Проблема создания независимого палестинского государства подменяется обещаниями о предоставлении под израильской протекцией фиктивного самоуправления жителям Западного берега и Газы на пятилетний «переходный период». Окончательное же определение правового статуса этих палестинских территорий отнесено к концу «переходного периода», а фактически под разными предложениями отложено на неопределенное время.

Давая оценку сговору в Кэмп-Дэвиде, Л. И. Брежнев в своей речи в Баку 22 сентября 1978 г. говорил: «В какие бы рамки ни облакался сепаратный сговор, который прикрывает капитуляцию одной стороны и закрепляет плоды агрессии другой — агрессии Израиля, он способен лишь сделать обстановку на Ближнем Востоке еще более взрывоопасной. Именно об этом говорит опыт недавних американо-израильско-египетских переговоров в Кэмп-Дэвиде. Налицо новая антиарабская сделка между Израилем и Египтом, выработанная при активном участии Вашингтона» [2, т. 7, с. 477].

После Кэмп-Дэвида понадобилось еще около полугода интенсивных переговоров (октябрь 1978 — март 1979), чтобы на основании кэмп-дэвидских решений окончательно «состыковать» позиции США, Египта и Израиля и выработать текст египетско-израильского договора и приложений к нему. Несмотря на все усилия Вашингтона форсировать (в свете событий в Иране) реализацию кэмп-дэвидских соглашений, Вашингтону так и не удалось добиться заключения египетско-израильского договора к установленному в Кэмп-Дэвиде сроку — 17 декабря 1978 г. Не помогло руководство Вашингтоном египетско-израильскими переговорами, проходившими на различных уровнях в США, Египте и Израиле, не сработал и переданный Египту и Израилю в ноябре 1978 г. американский проект договора.

Причиной многократных тупиков было то, что хотя к середине ноября 1978 г. США, Египет и Израиль и достигли согласия в отношении текста двухстороннего договора, однако А. Садат, напуганный событиями в Иране, настоятельно требовал реализации кэмп-дэвидской договоренности об установлении какой-то связи египетско-израильской сделки с будущим статусом Западного берега и Газы. Речь шла о принятии дополнительного к договору документа, в котором были бы регламентированы и конкретизированы процедуры, определяющие создание органов палестинской «административной автономии» на Западном берегу и в Газе, зафиксированы сроки проведения переговоров США, Египта и Израиля по выработке статуса этой «автономии». Кроме того, египетский режим требовал уточнения в свою пользу ранее уже согласованных положений проекта договора, устанавливающих приоритет обязательств Египта по договору с Израилем над его обязательствами по межарабским соглашениям и договорам. Израиль со своей стороны наращивал элементы жесткости в подходе к договору с Египтом, отказываясь принять какие-либо дополнительные обязательства, выходящие за рамки чисто двухсторонней сделки.

Лишь путем пуска в ход «тяжелой артиллерии» — личной «челночной дипломатии» американского президента — Вашингтону удалось повернуть ход переговоров в свою пользу. В марте 1979 г. Дж. Картер совершил поездку в Египет и Израиль. Следуя классическим канонам «челночной дипломатии», американский президент в ходе переговоров в Каире и в Тель-Авиве навязывал той и другой стороне американскую концепцию решения оставшихся спорных вопросов, лично согласовывал позиции сторон. Темпы активности США в реализации кэмп-дэвидской стратегии в немалой степени задавали ширившийся размах событий в Иране, приведший к потере военных и экономических позиций США в этой стране, и стремление Вашингтона как можно скорей компенсировать «потерю Ирана» с помощью сколачивания нового военного союза в регионе в составе США, Египта и Израиля.

26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан текст договора о «мире» между Египтом и Израилем вместе с рядом относящихся к нему приложений. Характерно то, что наряду с А. Садатом и М. Бегиним текст договора был подписан (в качестве «свидетеля») и Дж. Картером, что говорило о стремлении Вашингтона принять на себя юридическую ответственность за его выполнение. Одновременно Соединенными Штатами был подписан ряд двухсторонних (США — Израиль, США — Египет) и трехсторонних (США — Египет — Израиль) документов (письма Дж. Картера А. Садату и М. Бегину, письма министра обороны США Г. Брауна министрам обороны Египта и Израиля, Меморандум о соглашении между правительством США и правительством Израиля и др.), в которых



определены обязательства США участникам договора в связи с его выполнением обеими сторонами и гарантированием от нарушений. Весь этот обширный пакет документов сделал США прямым участником и гарантом кэмп-дэвидской системы, усилил их возможности прямого вмешательства в дела региона.

Договор между Египтом и Израилем — это сепаратный документ (текст см. [22, V.1979, с. 3—15]). Под ним не стоят подписи других стран — участниц общеарабской борьбы против агрессии и экспансии Израиля, продолжавшейся с 1948 г. Классовая сущность трехсторонней сделки США — Египет — Израиль — создание союза между империализмом, сионизмом и арабской реакцией, направленного против арабского национально-освободительного движения, на окончательный вывод Египта из конфронтации с Израилем и изоляцию этой страны от прогрессивных сил арабского мира, на раскол антиимпериалистического и антиссионистского фронта арабов.

Договор предусматривает прекращение состояния войны между Египтом и Израилем и «установление мира». По условиям договора должен быть осуществлен поэтапный вывод израильских вооруженных сил с Синайского полуострова (первый этап — девять месяцев, полный вывод войск — через три года после вступления договора в силу), включая эвакуацию двух военных аэродромов Израиля на Синае и ликвидацию здесь израильских поселений. В договоре говорится об установлении постоянных границ между Египтом и Израилем, которые будут проходить по исторически сложившейся международной границе между Египтом и бывшей английской подмандатной территорией Палестиной. По завершении первого этапа вывода войск последует установление между Египтом и Израилем нормальных дипломатических, экономических и культурных отношений, включая обмен послами. Израиль получит право пользования Суэцким каналом.

Египетско-израильский договор выгоден только Соединенным Штатам и Израилю. Укрепляя «безопасность» Израиля, выводя Египет из борьбы за ликвидацию израильской агрессии, договор отвечает фундаментальным целям американской политики на Ближнем и Среднем Востоке, он замораживает военную инициативу арабов, помогает Израилю продлить оккупационный режим на других захваченных арабских территориях, развязывает руки Израилю в проведении новых агрессивных акций. Расходятся с фактами утверждения А. Садата о «выгодности» договора для Египта. На деле зафиксированные в договоре условия египетско-израильского урегулирования означают капитуляцию Египта, они идут вразрез с его национальными интересами, в том числе с интересами его суверенитета и безопасности. Хотя по условиям договора Синайский полуостров в 1982 г. полностью возвращается Египту, однако фактически Египет получает на этой своей территории лишь урезанные права. Восточ-

ная часть Синай превращается в демилитаризованную зону. Другая, западная часть — в зону ограниченного египетского военного присутствия. В то же время на прилегающих к египетским рубежам территориях Израиля никаких демилитаризованных зон установлено не будет. Более того, в соседствующей с Синайским полуостровом израильской пустыне Негев будут созданы с помощью США две новые базы израильских ВВС, которые смогут обеспечивать реальный контроль над Синаем. Все это означает, что фактически военные границы Египта будут проходить по Суэцкому каналу, т. е. вдали от его официальной государственной границы с Израилем, который тем самым ставится в более выгодное по сравнению с Египтом стратегическое положение. Кроме того, по условиям договора ограничивается свобода Египта в области выполнения им его обязательств по существующим межарабским соглашениям и договорам.

Договор воздвигает новые препятствия на пути справедливого урегулирования ближневосточного конфликта. В договоре и приложениях к нему не затронуты такие ключевые вопросы урегулирования, как право палестинского народа на самоопределение и создание своего государства, прекращение израильской оккупации арабской части Иерусалима, а также Голанских высот; полная ликвидация израильского военного присутствия на Западном берегу и в секторе Газа; роль Организации освобождения Палестины. Неприкрыто предательский для дела общепалестинской борьбы против империализма и сионизма характер носит сговор США, Египта и Израиля по палестинской проблеме. Этому вопросу посвящен отдельный документ сепаратной сделки — совместное письмо А. Садата и М. Бегина Дж. Картеру от 26 марта 1979 г. и ответ американского президента (текст см. [22, V.1979, с. 14]). Зафиксированная в этих документах договоренность США, Египта и Израиля об установлении для районов Западного берега и Газы «административной автономии» на пятилетний «переходный период» (детали этой «автономии» должны быть разработаны на трехсторонних переговорах США — Египет — Израиль со сроком их начала в мае 1979 г.) служит средством увековечивания израильской военной оккупации, торпедирования идеи палестинской государственности, превращения Западного берега и Газы в израильские колониальные бантустаны. Показательно то, что в указанном документе, излагающем подход участников сепаратной сделки к «решению» палестинского вопроса, нет ни слова о прекращении израильской оккупации палестинских территорий. В рамках будущего «палестинского самоуправления» израильские войска будут оставаться, хотя они и будут размещены в специально отведенных «стратегических районах» [22, V.1979, с. 14]. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в выступлении на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН

25 сентября 1979 г. сказал: «Сепаратная сделка между Египтом и Израилем ничего не решает. Это — средство, призванное усыпить бдительность народов. Это — путь к накоплению в еще больших масштабах горючего материала, способного вызвать на Ближнем Востоке новый взрыв» [302, 26.IX.1979].

Договор о «мире» противоречит основополагающим решениям Организации Объединенных Наций по Ближнему Востоку, документам всеарабских совещаний на высшем уровне. Известно, что резолюции Совета Безопасности № 242 и 338, а также соответствующие решения Генеральной Ассамблеи предусматривают не частичный, а всеобъемлющий подход к решению ближневосточной проблемы. В равной степени решения всеарабских совещаний на высшем уровне, принятые с участием Египта, исходят из принципа не сепаратных, а совместных арабских действий, направленных на ликвидацию последствий израильской агрессии, на противодействие посягательствам империализма и сионизма на законные права арабских народов.

В документах, сопутствующих египетско-израильскому договору о «мире», зафиксированы обязательства США о гарантировании ими выполнения египетско-израильского договора. Понятно, что с помощью нагромождения такого рода гарантий Вашингтон хотел бы обеспечить «преемственность» стратегии Кэмп-Дэвида в случае краха режима А. Садата и его ухода с политической арены. Кстати, в опоре всей этой стратегии на «выживание» А. Садата Вашингтон видит фундаментальную слабость всей системы Кэмп-Дэвида [153, с. 505]. По Меморандуму о соглашении между правительством США и правительством Израиля, подписанному в Вашингтоне 26 марта 1979 г., Соединенные Штаты приняли на себя обязательство, в случае нарушения договора или «нападения на Израиль», «рассмотреть на чрезвычайной основе такие контрмеры, как расширение американского присутствия в этом районе, обеспечение Израилю необходимых поставок на чрезвычайной основе» [22, V.1979, с. 61]. В других документах сепаратной сделки (в письмах Дж. Картера А. Садату и М. Бегину от 26 марта 1979 г.) указывалось, что «в соответствии с конституционными процедурами, в случае фактического нарушения или угрозы нарушения договора о мире между Египтом и Израилем Соединенные Штаты — по получении просьбы от одной или от обеих сторон — будут консультироваться с ними в отношении упомянутого и предпримут такие другие действия, которые они могут посчитать уместными и полезными для обеспечения соблюдения данного договора». В письмах говорилось, что США «будут производить воздушное наблюдение за районом согласно просьбе сторон». Кроме того, США обещали добиться решения Совета Безопасности ООН о постоянном размещении военного персонала ООН в «буферной» зоне вдоль устанавливаемой дого-

вором международной границы между Египтом и Израилем. В случае, если Совет Безопасности не примет такого решения, то США предпримут необходимые меры по созданию альтернативных многонациональных сил в тех же целях контроля за выполнением договора [22, V.1979, с. 15].

Поскольку Соединенным Штатам в связи с решительным противодействием СССР не удалось в 1979 г. провести в Совете Безопасности ООН решение о продлении полномочий распластавшихся на Синае с 1973 г. чрезвычайных вооруженных сил ООН в целях их использования для наблюдения за выполнением египетско-израильского договора, Вашингтон поговору с Египтом и Израилем использует для таких функций военные формирования США, а также некоторых американских союзников, включенные в так называемые «многонациональные силы». Были приняты и меры к тому, чтобы сохранить и усилить контингент американских специалистов по радиоразведке, введенный на Синай по условиям второго Синайского соглашения 1975 г. Кроме того, предусмотрено расширение на Синае разведывательных операций американских ВВС [302, 21.IX.1979].

После подписания египетско-израильского договора дипломатия США вновь попыталась расширить систему Кэмп-Дэвида за счет подключения к ней Иордании и Сирии. Особый упор делался на работу с правительством Иордании. Был использован, в частности, визит короля Хусейна в Вашингтон в июне 1980 г. Ставка делалась на то, что в результате выпада египетского звена из общего антиизраильского фронта арабов Иордании и Сирии не смогут выстоять перед нажимом Израиля и будут вынуждены пойти на уступки в связи с непосильностью военных расходов и возрастанием опасности войны. Однако правительства Иордании и Сирии отвергли домогательства Вашингтона; они подтвердили общеарабскую линию на противодействие сепаратным сделкам, как не способствующим реальному урегулированию, выполняли решения двух всеарабских совещаний в Багдаде (ноябрь 1978 и март 1979 г.) об осуществлении политико-экономических санкций против египетского режима.

Советский Союз решительно осудил сепаратные действия США, Египта и Израиля, предпринимаемые в обход международного механизма для ближневосточного урегулирования — Женевской мирной конференции; он подверг критике капитулянтские действия египетского режима, которые вносят раскол в единство арабских государств и направлены против борьбы арабских народов за национальное освобождение и независимость. Советское правительство заняло твердую и последовательную позицию в поддержку справедливой борьбы арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии, против попыток империализма силой навязать арабам ка-

питулянтские решения. В 1978—1980 гг. в Советском Союзе были приняты руководители Сирии, Ирака, НДРЙ, Алжира, ООП. В совместных документах по итогам визитов было подчеркнуто отрицательное отношение сторон к сепаратным сделкам, отвергнут путь таких сделок как метод ближневосточного урегулирования.

### Тупики кэмп-дэвидской стратегии

Администрация Дж. Картера во многом не добилась тех целей, с которыми была связана кэмп-дэвидская стратегия. Если в части, касающейся реализации двухсторонних аспектов египетско-израильской сделки, дело продвинулось вперед (в 1980 г. завершён первый этап вывода с территории Синай израильских оккупационных войск, были установлены между обеими странами дипломатические отношения) [22, XII.1980, с. 54], то выполнение второй составной части кэмп-дэвидского сговора — создание статуса «административной автономии» для Западного берега и Газы, чему Вашингтон (в попытках снять остроту палестинской проблемы) отводил немаловажное значение, — при Дж. Картере зашло в полный тупик. Кроме того, дипломатии США не удалось вовлечь в кэмп-дэвидскую систему ни одну из других арабских стран, что оставило Египет в полной изоляции в арабском мире. Ни ООП, ни палестинцы — жители Западного берега и Газы не присоединились к процессу Кэмп-Дэвида. Личный представитель Дж. Картера на ближневосточных переговорах посол С. Линович признал, что отсутствие за столом переговоров палестинцев, а также Иордании является «разочаровывающим фактором и препятствием для решения вопроса» [22, IV.1980, с. 50]. В целом подтвердила свою ущербность для принципиальных интересов арабской нации концепция США о возможности сепаратных сделок арабов с израильскими экстремистами.

В конце правления администрации Дж. Картера зашли в тупик проходившие с мая 1979 г. трехсторонние переговоры (США, Египет, Израиль) по выработке статуса «административной автономии» для Западного берега и Газы. Юридической основой этих переговоров послужила договоренность руководителей США, Египта и Израиля (зафиксированная в приложениях к договору о «мире» письмах от 26 марта 1979 г.) о том, чтобы через месяц после обмена ратификационными грамотами договора о «мире» начать переговоры по реализации кэмп-дэвидского документа «Рамки для мирных переговоров на Ближнем Востоке» в части, касающейся установления «палестинского самоуправления» на Западном берегу и в Газе на основе плана «административной автономии». Было также решено «закончить указанные переговоры в рамках одного года» [22, V.1979, с. 14].

Как сам процесс переговоров, так и возможность достижения на них позитивных результатов рассматривались правительством США как важный фактор подтверждения «жизнеспособности» кэмп-дэвидской стратегии, на базе которой Дж. Картер основывал весь курс своей ближневосточной политики. Признавалось, что провал этих переговоров поставил бы на грань срыва эту политику, нанес бы ущерб личному престижу Дж. Картера как «творцу» Кэмп-Дэвида.

Конкретным предметом переговоров была выработка регламента проведения выборов в палестинский «административный совет», определение компетенции и полномочий этого органа, сферы его ответственности и обязанностей. Из внесенных Израилем предложений следовало, что «административный совет» должен заниматься лишь сугубо местными, «муниципальными» делами (образование, здравоохранение, налогообложение, сельское хозяйство, дороги и т. д.). Полностью исключалось наделение этого органа какими-либо внешнеполитическими, военными, законодательными, юридическими функциями, которые и далее должны быть сосредоточены лишь в руках Израиля. В течение пятилетнего «переходного периода» должна продолжаться израильская военная оккупация Западного берега и Газы, хотя в более замаскированных формах. Так, оккупанты вместо дислокации на всей территории этих районов будут располагаться лишь в «стратегических анклавах». Израиль должен и далее иметь право на создание своих поселений. В пользу Израиля должен быть решен вопрос о контроле над водными ресурсами и землей. Тем самым дело сводилось к попыткам достигнуть открыто колониалистского «решения» палестинской проблемы, закрепить продолжение израильской оккупации Западного берега и Газы.

США в ходе переговоров выдвигали свои проекты «административной автономии», во многом совпадавшие с подходом Израиля (хотя американцы и были вынуждены отмежеваться от позиции Израиля по ряду проблем, в том числе по проблемам Иерусалима и израильских поселений). Египет занимал на переговорах от начала до конца лицемерную позицию. Прикрываясь лозунгами защиты «общеарабского дела», египетские представители иногда подвергали критике наиболее одиозные проявления израильского экстремизма (например, решение израильского кнессета в июле 1980 г. о легализации аннексии Иерусалима) и не раз заявляли об отказе от продолжения переговоров [321, 11.VIII.1980, с. 12]. Однако на деле египетский режим вел дело к достижению сговора с Израилем и США.

С самого начала было ясно, что трехсторонние переговоры — это не тот форум, на котором можно было бы достигнуть решения вопроса об определении судьбы арабского народа Палестины. Об этом свидетельствовал хотя бы сам состав участников переговоров. С самого начала в них отказались участвовать Ор-

ганизация освобождения Палестины, представители населения Западного берега и Газы, а также Иордания, которая до 1967 г. осуществляла контроль над Западным берегом. О заведомой бесперспективности достижения на этом форуме благоприятных для палестинцев результатов свидетельствовало и поведение Израиля, который от начала до конца занимал жесткую и бескомпромиссную позицию. Переговоры проходили под аккомпанемент заявлений М. Бегина (сопровождавшихся конкретными действиями по их реализации) относительно намерения Израиля осуществлять и впредь израильский военный контроль над Западным берегом и Газой, продолжать расширение сети израильских военных поселений с целью изменения демографического состава палестинских территорий, полностью аннексировать Иерусалим и т. д.

Переговоры явились, в сущности, пропагандистско-дипломатическим маневром США. Этот маневр был направлен на то, чтобы прикрыть сепаратную кэмп-дэвидскую сделку, легализовать израильскую аннексию оккупированных палестинских территорий, попытаться «решить» судьбу арабского народа Палестины без участия самих палестинцев, списав тем самым палестинскую проблему с повестки дня как ключевой компонент ближневосточного урегулирования. Уже сам план «административной автономии», положенный Израилем и США в основу переговоров, не оставлял сомнений в том, что речь шла не о путях и способах реализации неотъемлемых прав палестинского народа, в том числе и права на самоопределение, а о превращении Западного берега и Газы — исконно палестинских земель, населенных арабами-палестинцами, — в колониальные придатки Израиля. В совместном коммюнике об итогах визита в СССР руководителей НДРГ в октябре 1979 г. было подчеркнуто, что переговоры о так называемой «административной автономии» для палестинцев направлены «на узаконение оккупации Израилем захваченных у арабов земель и лишение арабского народа Палестины его законных национальных прав» [7, том за 1979 г., с. 173].

Но даже такие «ближайшие партнеры», как США, Израиль и Египет, не смогли договориться по разработанной ими же самими схеме «административной автономии». После десятка «раундов» и «этапов» и полутора лет бесплодного маневрирования по поискам «компромиссов» переговоры завязли в бесконечных дебатах, взаимных обвинениях и контроллингах. К концу 1980 г. они зашли в полный тупик, выбраться из которого не помогли состоявшиеся на различных уровнях встречи израильских, американских и египетских деятелей. Не было достигнуто договоренности ни по одному из обсуждавшихся вопросов, в том числе по таким спорным вопросам, как формы дальнейшего военного присутствия Израиля на Западном берегу и в Газе, будущее израильских поселений, регламент проведе-

ния выборов в органы палестинской власти, полномочия этих органов, сотрудничество Израиля и палестинских властей в отношении распределения водных ресурсов, участие арабских жителей Восточного Иерусалима в выборах на Западном берегу и т. д. [318, 10.VI.1980]. Однако, несмотря на очевидный провал, ни один из участников переговоров не хотел отказаться от их продолжения. Дж. Картер использовал факт «ведения переговоров» в качестве «козыря» в своей избирательной кампании. Египет упорно цеплялся за переговоры, стремясь «сохранить лицо» в арабском мире и «престиж» защитника палестинского дела. Израиль рассчитывал использовать переговоры для легализации израильских поселений и продления оккупации палестинских территорий.

В целом кэмп-дэвидская стратегия привела к резкому обострению всей обстановки в ближневосточном регионе, затруднила поиски справедливого урегулирования ближневосточного конфликта. Опираясь на США и не опасаясь теперь войны «на два фронта», Израиль усилил вооруженные провокации в Ливане. Израильские экстремисты осуществляли практику неприкрытого геноцида в отношении находившихся в Ливане палестинцев. Усилился израильский произвол и террор на оккупированных арабских землях. Продолжалась политика создания израильских поселений на Западном берегу и в Газе, а также процесс экспроприации арабских земель. Израильский кнессет в 1980 г. принял решение о легализации аннексии всего Иерусалима. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в выступлении 23 сентября 1980 г. на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН сказал, что «прямым следствием антиарабской сделки в Кэмп-Дэвиде является неослабевающий накал напряженности на Ближнем Востоке, где обстановка чревата опасными неожиданностями» [302, 24.IX.1980].

Сделка руководителей США, Египта и Израиля в Кэмп-Дэвиде и последовавшее за ней заключение египетско-израильского «мирного договора» были отвергнуты подавляющим большинством арабских государств. Ни одно из арабских государств (за исключением Омана) не поддержало эти сепаратные шаги. Даже такие близкие к США государства, как Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, отвергли решения Кэмп-Дэвида и египетско-израильский договор. Соединенным Штатам не удалось вовлечь Иорданию и Сирию в сепаратные переговоры с Израилем. Стратегия Кэмп-Дэвида была решительно отвергнута Организацией освобождения Палестины, а также палестинским населением оккупированных Израилем районов Западного берега и Газы. Палестинцы отказывались принимать участие в переговорах между США, Египтом и Израилем по вопросу о выработке статуса «административной автономии» для этих районов.

В качестве антиимпериалистического противовеса вашингтонскому курсу сепаратных сделок прогрессивными арабскими



силами в конце 1977 г. был создан Национальный фронт стойкости и противодействия, в состав которого вошли Сирия, НДРЙ, Алжир, Ливия и ООП. Решительную позицию борьбы против сепаратных сделок заняло правительство Ирака. Были проведены четыре совещания глав государств и правительств, входящих в состав Национального фронта стран и движений — в декабре 1977 г. в Триполи, в феврале 1978 г. в Алжире, в сентябре 1978 г. в Дамаске и в апреле 1980 г. в Триполи. Было создано политическое и военное руководство фронта. Образован политический комитет в составе министров иностранных дел стран-участниц и руководителя политического отдела ООП. В решениях совещаний фронта был решительно осужден капитулянтский курс режима А. Садата. Отвергнуты и признаны незаконными сепаратные сделки, курс Кэмп-Дэвида был расценен как заговор империалистических и сионистских сил против арабских народов, разработаны меры по укреплению общеарабского единства в борьбе против империализма и сионизма, по усилению поддержки палестинского движения сопротивления. В целом деятельность Национального фронта сыграла положительную роль в деле координации действий арабских государств в борьбе против империалистических сепаратных сделок.

Весомым фактором в деле сплочения арабских государств в борьбе против реализации решений Кэмп-Дэвида было созданное по инициативе Ирака совещание глав государств и правительств арабских стран в Багдаде (2—5 ноября 1978 г.). Это совещание явилось более широким арабским форумом, чем совещания Национального фронта. В нем приняли участие руководители 18 арабских государств и Организации освобождения Палестины\*. Главное внимание участников совещания было сосредоточено на разработке конкретных общеарабских мер по противодействию кэмп-дэвидской стратегии США и капитулянтскому курсу египетского руководства.

В своих итоговых документах совещание единодушно отвергло сделку в Кэмп-Дэвиде и все, что с ней связано, признало ее неправомерность и неприемлемость в качестве основы для установления справедливого мира на Ближнем Востоке. По решению совещания был учрежден Фонд поддержки государств, находящихся в состоянии конфронтации с Израилем (кроме Египта). Были одобрены конкретные политико-экономические санкции против Египта, которые должны быть реализованы в случае подписания им сепаратного договора с Израилем. В Багдаде были подтверждены обязательства арабских стран добиваться установления мира на Ближнем и Среднем Востоке на основе полного вывода израильских войск, удовлетворения национальных прав арабского народа Палестины.

---

\* В совещании отказались участвовать Египет, Судан и Оман.

В связи с подписанием 26 марта 1979 г. сепаратного египетско-израильского «мирного» договора 27—31 марта 1979 г. в Багдаде было проведено совещание министров иностранных дел, финансов и экономики 18 арабских стран и представителей ООП. На совещании было принято решение о введении в действие тех санкций против египетского режима, которые были согласованы на общеарабском совещании на высшем уровне в Багдаде в ноябре 1978 г. [302, 2.IV.1979]. На основе багдадских решений 18 арабских государств разорвали дипломатические отношения с Каиром; Египет был лишен членства в Лиге арабских стран. Штаб-квартира Лиги была переведена из Каира в Тунис. Египет в апреле 1979 г. был исключен из ОАПЕК и из трех общеарабских нефтяных компаний, был введен полный запрет на поставки этой стране арабской нефти. Каир был также выдворен из других общеарабских финансовых и экономических организаций. Прекращены арабские финансовые субсидии Египту на двухсторонней основе. Из каирских банков были изъяты нефтедолларовые вклады арабских государств, воздушное пространство этих государств было закрыто для египетских самолетов. Египет в результате этих мер потерпел значительный экономический и финансовый ущерб, он оказался в политической изоляции в арабском мире.

Возрастание противодействия арабов реализации кэмп-дэвидской стратегии явилось качественно новым фактором в расстановке сил в арабском мире. На основе общеарабского сопротивления сепаратным сделкам в арабских странах нарастали и другие антиимпериалистические процессы. Арабские государства отвергали интервенционистские акции Вашингтона, угрозы вооруженной оккупации нефтепромыслов. Консервативные арабские режимы стали проявлять большее стремление к защите общеарабских интересов в противовес диктату империализма и сионизма. Роль США в заключении сепаратного договора вызвала в арабском мире заметный рост антиамериканских настроений, в том числе и в тех странах, которые считались союзниками США (например, Саудовская Аравия). На фоне упрочения общеарабского единства наглядно проявилась непрочность режима А. Садата, вверившего свою судьбу США и Израилю и ставшего орудием империалистической игры. Вашингтон был серьезно обеспокоен этими новыми тенденциями в арабском мире.

В 70-е годы район Ближнего и Среднего Востока приобрел ключевое значение для глобальных империалистических интересов США. Этот район рассматривался Вашингтоном не только через призму важности ближневосточной нефти для эксплуататорских интересов нефтяных ТНК и функционирования экономики США и западноевропейских стран НАТО, но и как один из главных центров противоборства двух систем — социалистической и капиталистической. Правительство Дж. Картера объявило район Персидского залива «жизненно важным» для интересов Соединенных Штатов и декларировало намерение прибегнуть к использованию в этом районе американских вооруженных сил в случае, если возникнут ситуации, которые могли бы привести к ослаблению империалистических позиций в регионе.

Вашингтон активно использовал рычаги своей военной и внешней политики для стабилизации американских позиций на Ближнем и Среднем Востоке, продления доступа к ближневосточной нефти, подрыва национально-освободительных движений, сохранения ближневосточных государств в системе мирового капиталистического хозяйства. На выполнение этих империалистических целей был задействован широкий спектр «традиционных» и «новых» колониалистских методов и средств: военный и экономический нажим, вмешательство во внутренние дела, поддержка правых режимов, агрессивные акции Израиля, навязывание Ирану и арабским странам неоколониалистских доктрин «взаимозависимости» и «партнерства», экономическая и торговая экспансия и т. д. Результатом агрессивной милитаристской политики США было крайнее обострение обстановки в ближневосточном регионе, который стал наиболее взрывоопасной точкой земного шара. Продолжал оставаться чрезвычайно острым арабо-израильский конфликт. Кэмп-дэвидская стратегия Вашингтона нацеливалась не на поиски справедливого урегулирования этого конфликта, а на продвижение империалистических замыслов США. Задачей этой стратегии было сколачивание под эгидой США египетско-израильского военно-политического союза, установление американского военного присутствия в Египте, превращение египетского режима в верноподданнического американского партнера и его вывод из состояния конфронтации с Израилем, раздувание внутриарабских противоречий. Соединенные Штаты создали новый опасный очаг

конфликтов и напряженности в районе Индийского океана и Персидского залива. По вине Израиля и США сохранялась острокризисная ситуация в Ливане. Продолжался вооруженный конфликт между Ираком и Ираном, отвечавший интересам империализма.

В январе 1981 г. на пост президента США вступил республиканец Р. Рейган, одержавший победу над Дж. Картером на президентских выборах в ноябре 1980 г. Ближневосточная политика США при Р. Рейгане не претерпела каких-либо существенных изменений. Президент-республиканец проводил фундаментальный американский курс на блокирование с Израилем и правыми арабскими режимами, расширение военного присутствия США в регионе, борьбу против арабского освободительного движения, обеспечение доступа к ближневосточной нефти, торможение урегулирования ближневосточного конфликта на справедливой для всех вовлеченных в конфликт сторон основе. Администрация Р. Рейгана осуществляла подрывную политику в палестинском вопросе: в частности, она заняла резко отрицательную позицию по проблемам создания независимого палестинского государства и признания ООП в качестве единственного законного представителя арабского народа Палестины. Правительство Р. Рейгана содействовало Израилю в проведении вооруженных акций против палестинцев в Ливане. Р. Рейган продолжал картеровскую стратегию Кэмп-Дэвида. Под предлогом создания «многонациональных сил» по наблюдению за выполнением египетско-израильского «мирного договора» 1979 г. Вашингтоном было обеспечено прямое присутствие подразделений вооруженных сил США на Синайском полуострове. В 1981 г. расширились поставки американского оружия Израилю и консервативным арабским режимам. Были форсированы планы создания интервенционистских «сил быстрого развертывания» и военных баз США в Египте, Сомали, Омане и Кении. Американская дипломатия осуществила в 1981 г. в органах НАТО ряд шагов по распространению «ответственности» этого блока на район Ближнего и Среднего Востока. Как и при Дж. Картере, в рамках все той же «челночной дипломатии» совершали поездки в страны ближневосточного региона эмиссары Р. Рейгана — государственный секретарь США А. Хейг, посол по особым поручениям Ф. Хабиб.

В документах XXVI съезда КПСС была дана оценка результатов ближневосточной стратегии США — стратегии Кэмп-Дэвида. В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду было указано: «Добиваясь господствующего положения на Ближнем Востоке, США встали на путь политики Кэмп-Дэвида, на путь раскола арабского мира и организации сепаратного сговора между Израилем и Египтом. Американской дипломатии не удалось превратить этот сепаратный антиарабский сговор в более широкое соглашение капитулянтского типа. Но она преуспела в другом:

произошло новое обострение обстановки в регионе. Ближневосточное урегулирование оказалось отброшенным назад» [6, с. 14].

Тяжелым ударом по арабской освободительной борьбе явился отказ египетского режима А. Садата от прогрессивных завоеваний народа Египта, достигнутых в 50—60-е годы под руководством президента Г. Насера, предательство этим режимом коренных интересов арабской нации, выход Египта — этой ключевой и наиболее крупной страны арабского мира — из состояния конфронтации с империализмом и сионизмом и включение Каира в орбиту внешней и военной политики США. Сепаратный «мирный договор» между Египтом и Израилем, заключенный 26 марта 1979 г. при участии США, укрепил позиции империализма, усилил агрессивность политики Израиля, ослабил возможности использования арабами вооруженных средств борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии.

В 70-х годах возросла финансовая мощь и политическое влияние консервативных арабских режимов. Внутриарабские противоречия зачастую затрудняли процессы выработки общеарабских мероприятий по борьбе против агрессии Израиля, в том числе и в Ливане. Сохранился капиталистический путь развития в большинстве ближневосточных государств. Форсированные поставки американского оружия, расширение здесь военного присутствия США, включая и шаги по милитаризации зоны Персидского залива и Индийского океана, превратили весь этот район в опасный узел международной напряженности и гонки вооружений.

Однако в целом Соединенным Штатам не удалось отграничить ближневосточный регион от мирового революционного процесса. Революционно-демократические силы, несмотря на натиск империализма и сионизма, добились в 70-е годы решения ряда принципиально важных политико-экономических задач. Из сферы контроля империализма было выбито важное стратегическое звено — Иран. В результате иранских событий 1978—1979 гг. и свержения шахского режима Соединенные Штаты лишились империалистического жандарма в районе Персидского залива. Развалился военный блок СЕНТО. Вашингтону не удалось осуществить планы создания какого-то альтернативного варианта этого блока.

Принципиально важных результатов добились нефтедобывающие страны Ближнего и Среднего Востока в борьбе против американских нефтяных ТНК. Была аннулирована прежняя открыто грабительская концессионная основа эксплуататорской деятельности западных монополий. Активизировалась антиимпериалистическая деятельность двух крупнейших организаций нефтедобывающих государств — ОПЕК и ОАПЕК. Ближневосточные страны — производители нефти развивали государственный сектор в нефтяной индустрии, расширили свой выход на

мировой рынок нефти, осуществили в полной или частичной форме национализацию нефти.

Несмотря на отдельные спады в развитии арабской национально-освободительной борьбы, на Арабском Востоке в целом проходили процессы консолидации общеарабского единства в борьбе против империализма и израильской агрессии, активизировались совместные усилия арабских стран по срыву кэмп-дэвидской стратегии и других империалистических планов ближневосточного «урегулирования», возросла поддержка со стороны арабов палестинского движения сопротивления и национально-патриотических сил в Ливане. В период с 1970 по 1980 г. арабским странам удалось провести несколько всеарабских совещаний на высшем уровне. На них были разработаны совместные конкретные меры арабов по противодействию диктату западных нефтяных ТНК, объединению сил и материальных ресурсов арабского мира для борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии и подрыв навязывавшихся Вашингтоном сепаратных сделок, оказанию экономической и политической помощи палестинскому движению сопротивления в его борьбе за реализацию неотъемлемых прав арабского народа Палестины. Палестинское движение сопротивления консолидировало свои ряды и стало боевым отрядом общеарабской национально-освободительной борьбы.

XXVI съезд КПСС поставил перед советской внешней политикой задачу приложить новые усилия для достижения справедливого урегулирования ближневосточного конфликта с учетом законных интересов всех заинтересованных сторон. В Отчетном докладе ЦК КПСС было выдвинуто предложение о созыве международной конференции для достижения этой цели, была выражена готовность Советского Союза в конструктивном духе, с позиций доброй воли принять участие в такой работе совместно с другими заинтересованными сторонами — с арабами, с Израилем, с Соединенными Штатами, с европейскими странами. На съезде была подтверждена неизменная позиция СССР по проблеме урегулирования ближневосточного конфликта. «Для подлинного мира на Ближнем Востоке,— говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС,— должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 году арабских территорий. Должны быть реализованы неотъемлемые права арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства. Необходимо обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля. Таковы основные принципы» [6, с. 15]. Съездом были также предложены конкретные мероприятия по снятию напряженности и укреплению мира и безопасности в районе Персидского залива и на подступах к нему.

1. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27.

### **Документы КПСС и Советского правительства**

2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1—7. М., 1970—1979.
3. Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978.
4. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
5. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
6. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
7. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. Тома за 1970—1979 гг., М., 1971—1980 гг.

### **Документы международного коммунистического и рабочего движения**

8. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969. М., 1969.
9. Новая программа КП США.— «США: экономика, политика, идеология». 1970, № 11.
10. Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. Пер. с англ. М., 1974.

### **Источники. Документы и сборники документов правительства и конгресса США**

11. American Foreign Relations, 1971. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1976.
12. American Foreign Relations, 1972. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1976.
13. American Foreign Relations, 1973. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1976.
14. American Foreign Relations, 1974. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1977.
15. American Foreign Relations, 1975. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1977.
- 15a. American Foreign Relations, 1976. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1978.
- 15b. American Foreign Relations. 1977. A Documentary Record. Council on Foreign Relations. N. Y., 1979.
16. The Arab-Israeli Conflict. Readings and Documents. Princeton, 1977.
17. Assessment of the 1978 Middle East Camp David Agreements. Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives, September 28, 1978. Wash., 1978.

18. Briefings on Diego Garcia and Patrol Frigate. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. November 22, 1974. Wash., 1974.
19. Compilation of Energy Related Legislation. Vol. 2. House of Representatives, March, 1977. Wash., 1977.
20. Congressional Record. Wash., 1970—1980.
21. Current Policy: Persian Gulf and Arabian Peninsula. June 1975. The Department of State. Wash., 1975.
22. Department of State Bulletin, Wash. 1970—1981.
23. Early Warning System in Sinai. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. October 6 and 7, 1975. Wash., 1975.
24. Early Warning System in Sinai. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. October 8, 1975. Wash., 1975.
25. Economic and Financial Impact of OPEC Oil Prices. Hearings, Committee on Banking, US Senate. January, 1977. Wash., 1977.
26. Economic Impact of President Carter's Energy Program. Hearings, Committee on Energy and Natural Resources, US Senate. May 3, 1977. Wash., 1977.
27. Economic Impact of Oil Decontrol. Hearing, Joint Economic Committee, US Congress. April 25, 1979. Wash., 1979.
28. The Economics of the President's Proposed Energy Policies. Hearings, Joint Economic Committee, US Congress. May 20—25, 1977. Wash., 1978.
29. Economic Report of the President, February, 1975. Wash., 1975.
30. Economic Report of the President, January 1979. Wash., 1979.
31. Economic Report of the President, January, 1980. Wash., 1980.
32. Energy and Foreign Policy. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. May 30—31, 1973. Wash., 1974.
33. Energy Independence or Interdependence: The Agenda with OPEC. Hearings, Joint Economic Committee, US Congress. January 1977. Wash., 1977.
34. Energy: A Strategy for International Action. A Report. The Trilateral Commission. N. Y., 1974.
35. Energy Windfall Profits. Hearings, Committee on Finance, US Senate. January 22—23, 1974. Wash., 1974.
36. Fiscal Policy and the Energy Crisis. Hearings, Committee on Finance, US Senate. November 27—29, 1973. P. 2. Wash., 1973.
37. Foreign Assistance Legislation for Fiscal Year 1978 (P. 1). Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives. March 16—22; April 18, 1977. Wash., 1977.
38. Foreign Assistance Legislation for Fiscal Year 1978 (P. 2). Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives. March—April, 1977. Wash., 1977.
39. Foreign Assistance Legislation for Fiscal Year 1981. US Congress. Wash., 1979.
40. Foreign Policy Choices for the Seventies and Eighties. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. Vol. 1. Wash., 1976.
41. Fuel Shortages. Hearings, Committee on Interior and Insular Affairs, US Senate. May 25, 1973. P. 3. Wash., 1974.
42. To Implement the United States Proposal for the Early-Warning System in Sinai. Report of the Committee on International Relations, House of Representatives. October 6, 1975. Wash., 1975.
43. International Economic Report of the President, March, 1975. Wash., 1975.
44. International Economic Report of the President, March, 1976. Wash., 1976.
45. International Economic Report of the President, January, 1977. Wash., 1977.
46. Iran and World Oil Supply. Hearings, Committee on Energy, US Senate. January 17, 1979. P. 1. Wash., 1979.
47. Message from the President of the USA Transmitting a Request for Emergency Security Assistance for Israel and Cambodia. October 23, 1973. Wash., 1973.
48. Middle East Arms Sales Proposals. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. May 3—8, 1978. Wash., 1978.



49. The Middle East Between War and Peace. A Report. Committee on Foreign Relations, US Senate. March 5, 1974. Wash., 1974.
50. Middle East Peace Package. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. April 11 and 25, 1979. Wash., 1979.
51. Middle East Peace Process. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. June 28, 1978. Wash., 1978.
52. Middle East Strategic Problems. Hearings, Committee on Foreign Relations, US Senate. October 3, 1977. Wash., 1977.
53. Multinational Oil Companies and OPEC: Implications for the US Policy. Hearings, Joint Economic Committee, US Congress. June 2, 3 and 8, 1976. Wash., 1977.
54. Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy. Report. Committee on Foreign Relations, US Senate. January 2, 1975. Wash., 1975.
55. Oil Fields as Military Objectives. A Feasibility Study, August 21, 1975. Congressional Research Service. Wash., 1975.
56. OPEC, the Trilateral World, and the Developing Countries: New Arrangements for Cooperation, 1976—80. Report. The Trilateral Commission. N. Y., 1975.
57. The Palestinian Issue in the Middle East Peace Efforts. Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives. September 30—November 12, 1975, Wash., 1976.
58. Peace and Stability in the Middle East. A Report by Senator H. Baker to the Committee on Foreign Relations, US Senate. August, 1975. Wash., 1975.
59. The Petroleum Industry. Hearings, Committee on the Judiciary, US Senate. P. 3. Vertical Integration, January 21—30, February 3—18, 1976. Wash., 1976.
60. Presidents Carter's Energy Proposal: a Perspective. Staff Working Paper. June, 1977. US Congress. Wash., 1977.
61. Proposed Aircraft Sales to Israel, Egypt and Saudi Arabia. Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives. May 8—16, 1978. Wash., 1978.
62. Prospects for Peace in the Middle East: The View from Israel. Report by Senator F. Church on a Study Mission to Israel. Wash., 1972.
63. Public Law № 93—618, 93 Congress. January 3, 1975. Wash., 1975.
64. Public Papers of the Presidents of the United States. Richard Nixon, 1973. Wash., 1975.
65. Public Papers of the Presidents of the United States. Richard Nixon, January 1 to August 9, 1974. Wash., 1975.
66. Public Papers of the Presidents of the United States. Gerald Ford, 1974. Wash., 1975.
67. A Reappraisal of US Energy Policy. Report. Joint Economic Committee, US Congress. March 8, 1974. Wash., 1974.
68. The Relationship of Oil Companies and Foreign Governments. Report, June, 1975. Federal Energy Administration. Wash., 1975.
69. Report by Senator J. Javits to the Committee on Foreign Relations, US Senate. May, 1975. Wash., 1975.
70. Review of Developments in the Middle East, 1978. Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives. June 12, 1978. Wash., 1978.
71. Selected Documents. US International Energy Policy. October 1973—November 1975. The Department of State. Wash., 1975.
72. Statement on World Armaments and Disarmament. Stockholm International Peace Research Institute. Stockholm, 1978.
73. Toward Peace in the Middle East. Report of a Study Group. The Brookings Institution. Wash., 1975.
74. Toward a Strategy of Interdependence. Special Report, July, 1975. The Department of State. Wash., 1975.
75. United Nations. Special Unit on Palestinian Rights. Office of the Under-

- Secretary — General for Political and General Assembly Affairs. Bulletin № 1—2, January — February 1979.
76. United States Arms Policies in the Persian Gulf and Red Sea Areas: Past, Present and Future. Report. Wash., December 1977.
  77. US Department of Defence Annual Report. Fiscal Year 1979. February 2, 1978. Wash., 1978.
  78. US Department of Defence. Annual Report. Fiscal Year 1980. Wash., 1979.
  79. US Energy Outlook. Full Report of the National Petroleum Council's Committee on US Energy Outlook. Wash., 1972.
  80. US Foreign Energy Policy. Hearings, Joint Economic Committee, US Congress. September, 1975. Wash., 1975.
  81. United States Foreign Policy 1969—1970. A Report of the Secretary of State. Wash., 1971.
  82. United States Foreign Policy, 1971. A Report of the Secretary of State. Wash., 1972.
  83. United States Foreign Policy, 1972. A Report of the Secretary of State. Wash., 1973.
  84. United States Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by President R. Nixon, February 18, 1970. Wash., 1970.
  85. United States Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by President R. Nixon, February 25, 1971. Wash., 1971.
  86. United States Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by President R. Nixon, February 9, 1972. Wash., 1972.
  87. United States Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by President R. Nixon, May 3, 1973. Wash., 1973.
  88. US International Energy Policy, October 1973— November 1975. Selected Documents, № 3. The Department of State. Wash., 1975.
  89. US Interests in a Policy Toward the Persian Gulf. Hearings, Committee on Foreign Relations, House of Representatives. February 2— August 15, 1972. Wash., 1972.
  90. US International Energy Policy. Hearings, Committee on International Relations, House of Representatives. May 1, 1975. Wash., 1975.
  91. US Oil Companies and the Arab Oil Embargo: the International Allocation of Constricted Supplies. Federal Energy Administration. January 27, 1975. Wash., 1975.
  92. United States — OPEC Relations. Selected Materials. Congressional Research Service. Wash., 1976.
  93. US Participation in the UN. Report by the President to the Congress for the Year 1976. Wash., October, 1977.
  94. The US — Saudi Arabian Joint Commission on Economic Cooperation. Report. Wash., 1979.
  95. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., 1970—1980.

### Литература

96. Андреасян Р. Н., Казюков А. Д. ОПЕК в мире нефти. М., 1978.
97. Астапович А. З. Международные корпорации США: тенденции и противоречия развития. М., 1978.
98. Беглов И. И. США: собственность и власть. М., 1971.
99. Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. М., 1974.
100. Боронов Р. Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1977.
101. Бругенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979.
102. Бугров Е. В. США: нефтяные концерны и государство. М., 1978.
103. Валькова Л. В. Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979.

104. Вахрушев В. В. Неоколониализм — орудие империализма. М., 1974.
105. Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира. М., 1979.
106. Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции. М., 1979.
- 106а. Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. М., 1980.
107. Дмитриев Е. Палестинский узел. К вопросу об урегулировании палестинской проблемы. М., 1978.
108. Дмитриев Е., Ладейкин В. Путь к миру на Ближнем Востоке. М., 1974.
109. Ершов Ю. А. Сырье, топливо, политика. Топливо-сырьевая политика империализма. М., 1975.
110. Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. М., 1975.
111. Зяблюк Н. Г. Лоббизм и политика. М., 1976.
112. Иванов И. Д. Международные корпорации в мировой экономике. М., 1976.
113. Идеология и практика международного сионизма. М., 1978.
114. Иноземцев Н. Н. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972.
115. История дипломатии. Т. 5, Кн. 2. М., 1979.
116. История международных отношений и внешней политики СССР. 1968—1978. М., 1979.
117. Кодаченко А. С. Внешнеэкономическая политика империализма и развивающиеся страны. М., 1977.
118. Комлев Л. И. В борьбе с нефтяными спрутами (Кризис системы империалистической эксплуатации нефтяных ресурсов развивающихся стран). М., 1976.
119. Ладейкин В. П. Источник опасного кризиса (роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке). М., 1973.
120. Ленинская теория империализма и современность. М., 1977.
- 120а. Лосев С. А., Тыссовский Ю. К. Ближневосточный кризис: нефть и политика. М., 1980.
121. Матюхин Г. Г. Мировые финансовые центры. М., 1979.
122. Медведко Л. И. Ветры перемен в Персидском заливе. М., 1973.
- 122а. Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца. М., 1980.
123. Международный сионизм: история и политика. Сб. ст. М., 1977.
124. Нефтедоллары и социально-экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1979.
125. Новые явления в энергетике капиталистического мира. М., 1979.
126. Овинников Р. С. Сверхмонополии — новое орудие империализма. М., 1978.
127. Овинников Р. С. Уолл-стрит и внешняя политика. М., 1980.
128. Осипов А. И. Экономическая экспансия США в арабских странах. М., 1980.
129. Политика США в Азии. М., 1977.
130. Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974.
131. Примakov Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
132. Проблемы и противоречия американской экономики. М., 1978.
133. Рачков Б. В. Нефть и мировая политика. М., 1972.
134. Ригин Ю. И. Государство и монополии США. М., 1978.
135. Сионизм: теория и практика. М., 1973.
136. Современные внешнеполитические концепции США. М., 1979.
137. Современный капитализм и углубление его общего кризиса. Т. 1 и 2. М., 1979.
138. Соловьев Б. В., Фитуни Л. А. Экономическая политика империализма в Азии. М., 1979.
139. США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление. М., 1972.
140. США: внешнеэкономическая стратегия. М., 1976.

141. США: государство и экономика. Механизм государственно-монополистического развития экономики. М., 1976.
142. Топливо-энергетические ресурсы капиталистических и развивающихся стран. М., 1978.
143. Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М., 1976.
144. Ульяновский Р. А. Современные проблемы Азии и Африки. Политика. Экономика. М., 1978.
145. Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров. Л., 1970.
146. Щетинин В. Д. Эволюция американского неокolonнализма. М., 1972.
147. Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975.

\* \* \*

148. Abdullah M. The United Arab Emirates: a Modern History. N. Y., 1978.
149. Adelman M. The World Petroleum Market. Baltimore, 1973.
150. Adie W. Oil, Politics and Sea Power. The Indian Ocean Vortex. N. Y., 1975.
151. America in an Interdependent World. Problems of United States Foreign Policy. Hanover (N. Hamp.), 1976.
152. America and the World, 1978. «Foreign Affairs». N. Y., 1979.
153. America and the World, 1979. «Foreign Affairs». N. Y., 1980.
154. Aronson Sh. Conflict and Bargaining in the Middle East. Baltimore, 1978.
155. Barnett R., Müller R. Global Reach. The Power of the Multinational Corporations. N. Y., 1974.
156. Becker A., Hansen B., Kerr M. The Economics and Politics of the Middle East. N. Y., 1975.
157. Bergsten F., Horst T., Moran T. American Multinationals and American Interests. Wash., 1978.
158. Bohi D., Russel M. Limiting Oil Imports: an Economic History and Analysis. Baltimore, 1978.
159. Bryson T. American Diplomatic Relations with the Middle East, 1784—1975. A Survey. Metuchen (N. Y.), 1977.
160. Bryson T. United States and Middle East Diplomatic Relations, 1784—1978. Metuchen (N. Y.), 1979.
161. Burreil R., Cottrell A. Iran, the Arabian Peninsula and the Indian Ocean. N. Y., 1972.
162. Campbell J., Caruso H. The West and the Middle East. Council on Foreign Relations, N. Y., 1972.
163. Capital Investments of the World Petroleum Industry, 1974. Chase Manhattan Bank. N. Y., 1975.
164. Capital Investments of the World Petroleum Industry, 1976. Chase Manhattan bank. N. Y., 1977.
165. Choucri N. Analyzing Global Interdependence. Vol. 2. Energy Interdependence. Cambridge, 1974.
166. Churba J. The Politics of Defeat: America's Decline in the Middle East. N. Y., 1977.
167. Collier P., Horowitz D. The Rockefellers: an American Dynasty. N. Y., 1976.
168. Conant M. Geopolitics of Energy. Energy Publication № 95-1, January, 1977. Wash., 1977.
169. Cottrell A., Bray F. Military Forces in the Persian Gulf. Wash., 1978.
170. The Economics of the Oil Crisis. N. Y., 1976.
171. Editorial Research Reports. Oil Antitrust Action. Congressional Quarterly Inc. Wash., 1978.
172. Engler R. The Brotherhood of Oil. Energy Policy and the Public Interest. Chicago, 1977.
173. The Evolution of OPEC Strategy. Lexington, 1978.
174. Evron Y. The Role of Arms Control in the Middle East. L., 1977.
- 174a. Farsy F. Saudi Arabia: a Case Study in Development. L., 1980.

175. Fulda M. *Oil and International Relations: Energy, Trade, Technology and Politics*. N. Y., 1979.
176. Gerson A. *Israel, the West Bank and International Law*. L., 1978.
177. Golan M. *The Secret Conversations of Henry Kissinger. Step by Step Diplomacy in the Middle East*. N. Y., 1976.
178. Gordon D. *Lebanon: The Fragmented Nation*. Stanford, 1980.
179. Graham R. *Iran. The Illusion of Power*. L., 1979.
180. *Great Power Intervention in the Middle East*. N. Y., 1979.
181. *The Gun Merchants: Politics and Policies of the Major Arms Suppliers*. N. Y., 1980.
182. Hinton C. *The Camp David Accords*. Los Alamitos (Cal.), 1980.
183. Hoveyda F. *The Fall of the Shah*. N. Y., 1980.
184. Howe R., Trott S. *The Power Peddlers. How Lobbyists Mold America's Foreign Policy*. N. Y., 1977.
185. Hudson M. *Arab Politics: the Search for Legitimacy*. L., 1977.
186. Hughes B. *The Domestic Context of American Foreign Policy*. San Francisco, 1978.
187. Hurewitz J. *Middle East Dilemmas. The Background of United States Policy*. N. Y., 1973.
188. Hurewitz J. *The Struggle for Palestine*. N. Y., 1976.
189. Ismael T. *The Middle East in World Politics. A Study in Contemporary International Relations*. Syracuse, 1974.
190. *Israel and the Arabs: the October 1973 War*. N. Y., 1974.
191. Issawi Ch. *Oil; the Middle East and the World*. N. Y., 1972.
192. Jacoby N. *Multinational Oil: a Study in Industrial Dynamics*. N. Y., 1974.
193. *The Jewish Community in America*. N. Y., 1974.
194. Kalb M., Kalb B. *Kissinger*. Boston, 1974.
195. Kazzih W. *Palestine in the Arab Dilemma*. N. Y., 1979.
196. Kegley Ch., Wittkopf E. *American Foreign Policy: Pattern and Process*. N. Y., 1979.
197. Khouri F. *The Arab-Israeli Dilemma*. Syracuse, 1976.
198. Klebanoff S. *Middle East Oil and US Foreign Policy*. N. Y., 1974.
199. Koury E. *The Crisis in the Lebanese System. Confessionalism and Chaos*. Wash., 1976.
200. Krueger R. *The United States and International Oil. A Report for the Federal Energy Administration on US Firms and Government Policy*. N. Y., 1975.
201. Kuniholm B. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece*. Princeton, 1980.
202. Laqueur W. *Confrontation. The Middle East War and World Politics*. L., 1974.
203. *Lebanon in Crisis: Participants and Issues*. Syracuse, 1979.
204. [Lenczowski G. (ed.)]. *Iran Under the Pahlavis*. Stanford, 1978.
- 204a. Lenczowski G. *The Middle East in World Affairs*. Ithaca (N. Y.), 1980.
205. Lewis J. *The Strategic Balance in the Mediterranean*, Wash., 1976.
206. Lilienthal A. *The Zionist Connection: What Price Peace?* N. Y., 1978.
207. Looney R. *A Development Strategy for Iran through the 1980*. L., 1977.
208. Lundberg F. *The Rockefeller Syndrome. Secausus* (N. J.), 1975.
209. Maddox J. *Beyond the Energy Crisis*. L., 1975.
210. Mancke R. *Squeaking by: US Energy Policy since the Embargo*. N. Y., 1976.
211. Mangold P. *Super — Power Intervention in the Middle East*. L., 1978.
212. Mangone G. *Energy Policies of the World*. Vol. 1. N. Y., 1976.
213. Mansfield P. *The Arabs*. L., 1978.
214. Meyer G. *Egypt and the United States: the Formative Years*. L., 1980.
215. *The Middle East, 1979*.— «Current History». January, 1979.
216. *The Middle East, 1980*.— «Current History». January, 1980.

217. The Middle East: Critical Choices for the United States. Boulder (Col.), 1976.
218. The Middle East: Quest for an American Policy. Albany, 1973.
219. The Middle East: US Policy, Israel, Oil and the Arabs. Congressional Quarterly Service. Wash., 1977.
220. The Military Balance, 1979—80. International Institute for Strategic Studies. L., 1979.
221. Monroe E., Farrar—Hockley A. The Arab—Israel War, October 1973. Background and Events. L., 1975.
222. Mosley L. Power Play. The Tumultuous World of Middle East Oil, 1890—1973. Birkenhead (Great Britain), 1973.
223. Nakhleh E. Arab—American Relations in the Persian Gulf. Wash., 1976.
224. Newlon D., Breckner N. The Oil Security System. An Import Strategy for Achieving Oil Security and Reducing Oil Prices. Lexington, 1975.
225. Nixon R. The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978.
226. Noyes J. The Clouded Lens: Persian Gulf Security and US Policy. Stanford, 1979.
227. Odell P. Oil and World Power: Background to the Oil Crisis. N. Y., 1975.
228. Odell P., Vallenilla L. The Pressures of Oil. A Strategy for Economic Revival. N. Y., 1978.
- 228a. The Origins and Evolution of the Palestine Problem. P. 1, 1917—1947; P. 2, 1947—1977. N. Y., 1978.
229. Osgood R. Limited War Revisited. Boulder (Col.), 1979.
230. Park Y. Oil Money and the World Economy. L., 1976.
231. Peretz D. The Government and Politics of Israel. Boulder, 1979.
232. Peretz D., Wilson E., Ward R. A Palestine Entity? Wash., 1970.
233. Polk W. The United States and the Arab World. Cambridge, 1975.
234. Polk W. The Elusive Peace: The Middle East in the 20-th Century. L., 1979.
235. Quandt W. Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1967—76. Berkeley, 1977.
236. Ramazani R. The Persian Gulf. Iran's Role. Charlottesville, 1973.
237. Reich B. Quest for Peace: United States—Israel Relations and the Arab-Israeli Conflict. New Brunswick (N. J.), 1977.
238. Republican Platform. Family, Neighborhood, Peace, Freedom. July 14, 1980. Detroit, 1980.
239. Roberts W. The Quest for Oil. N. Y., 1977.
240. Rothenberg G. The Anatomy of the Israel Army. L., 1979.
241. Rustow D., Mugno J. OPEC: Success and Prospects. N. Y., 1976.
242. Safer A. International Oil Policy. Lexington, 1979.
243. Safran N. Israel: the Embattled Ally. Cambridge, 1978.
244. Saical A. The Rise and Fall of the Shah. Princeton, 1980.
245. Said E. The Question of Palestine. L., 1980.
246. Sampson A. The Arms Bazaar: from Lebanon to Lockheed. N. Y., 1977.
247. Sampson A. The Seven Sisters: the Great Oil Companies and the World They Made. N. Y., 1975.
248. Schurr S., Homan P. Middle Eastern Oil and the Western World. N. Y., 1971.
249. Sheehan E. The Arabs, Israelis and Kissinger: a Secret History of American Diplomacy in the Middle East. N. Y., 1976.
250. Shwadran B. The Middle East, Oil and the Great Powers. Jerusalem, 1973.
251. Sicherman H. The Yom Kippur War: End of Illusion? Beverly Hills, 1976.
252. Stevens R. Middle East Oil in International Relations. Cambridge, 1973.
253. Stocking G. Middle East Oil: a Study in Political and Economic Controversy. Kingsport (Tenn.), 1970.
254. Stookey R. America and the Arab States: an Uneasy Encounter. N. Y., 1975.

255. Stork J. Middle East Oil and the Energy Crisis. N. Y., 1975.
256. Travis T. A Proposal to Solve the Arab — Israeli Conflict Muscatine (Iowa), 1978.
257. Trice R. Interest Groups and the Foreign Policy Process: US Policy in the Middle East. Beverly Hills, 1976.
258. Turner L. Oil Companies in the International System. L., 1978.
259. Urofsky M. We Are One: American Jewry and Israel. N. Y., 1978.
260. Vansant C. Strategic Energy Supply and National Security. N. Y., 1971.
261. Vocke H. The Lebanese War: Its Origins and Political Dimensions. N. Y., 1978.
262. Waines D. A Sentence of Exile. The Palestine-Israel Conflict. 1897—1977. Wilmette (Ill.), 1977.
263. White T. The Making of the President, 1972. N. Y., 1973.
264. Wilson R. The Economies of the Middle East. N. Y., 1979.
265. Wilson R. Trade and Investments in the Middle East. N. Y., 1977.
266. World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook, 1979. L., 1979.
- 266a. World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook, 1980. L., 1980.
267. World Politics and the Arab — Israeli Conflict. N. Y., 1979.
268. Wyant F. The United States, OPEC and Multinational Oil. Lexington (Mass), 1977.
269. Yager J., Steinberg E. Energy and US Foreign Policy. A Report to the Energy Policy Project of Ford Foundation. Cambridge, 1975.

#### **Справочные и статистические издания**

270. Ежегодник БСЭ 1978. М., 1978.
271. Ежегодник БСЭ 1979. М., 1979.
272. Ежегодник БСЭ 1980. М., 1980.
273. Современный Иран. М., 1975.
274. Современная Сирия. М., 1974.
275. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1970 г. и начало 1971 г. М., 1971.
276. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1976 г. и начало 1977 г. М., 1977.
277. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1978 г. и начало 1979 г. М., 1979.
278. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1979 г. и начало 1980 г. М., 1980.
279. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1980 г. и начало 1981 г. М., 1981.



280. International Petroleum Encyclopedia, 1978. Tulsa (Okl.), 1978.
281. The Middle East, 1959. A Survey and Directory of the Countries of the Middle East. L., 1959.
282. Middle East Annual Review, 1978. L., 1977.
283. Middle East Annual Review, 1979. L., 1978.
- 283a. Middle East Annual Review, 1980. L., 1979.
284. The Middle East and North Africa, 1973—74. L., 1973.
285. The Middle East and North Africa, 1974—75. L., 1974.
286. The Middle East and North Africa, 1975—76. L., 1975.
287. The Middle East and North Africa, 1976—77. L., 1976.
288. The Middle East and North Africa, 1977—78. L., 1977.
289. The Middle East and North Africa, 1978—79. L., 1978.
290. The Middle East and North Africa, 1979—80. L., 1979.
291. The Middle East and North Africa, 1980—81. L., 1980.
292. Statistical Abstract of the United States, 1974. Wash., 1974.
293. Statistical Abstract of the United States, 1978. Wash., 1978.
294. Statistical Abstract of the United States, 1979. Wash., 1979.

295. Statistical Abstract of the United States, 1980. Wash., 1980.  
295a. Statistical Abstract of the United States, 1981. Wash., 1981.  
296. Survey of Current Business. The USA Department of Commerce. Wash., 1970—1980.  
297. USA Oil Industry Directory, 1979. Tulsa (Okl.), 1979.

### **Периодические издания**

298. «Вопросы истории». М.  
299. «Коммунист». М.  
300. «Международная жизнь». М.  
301. «Мировая экономика и международные отношения». М.  
302. «Правда». М.  
303. «Проблемы мира и социализма». Прага.  
304. «США: экономика, политика, идеология». М.

\* \* \*

305. «Business Week». N. Y.  
306. «Congressional Quarterly Weekly Report». Wash.  
307. «Current History». Philadelphia.  
308. «Daily World». N. Y.  
309. «Foreign Affairs». N. Y.  
310. «Foreign Policy». Wash.  
311. «Fortune». N. Y.  
312. «International Affairs». L.  
313. «International Herald Tribune». P.  
314. «The Middle East Economic Digest». L.  
315. «The Middle East Journal». Wash.  
316. «Military Review». Leavenworth, USA.  
317. «Newsweek». N. Y.  
318. «The New York Times». N. Y.  
319. «Orbis». Philadelphia.  
320. «Petroleum Press Service». L.  
321. «Time». N. Y.  
322. «The Times». L.  
323. «US News and World Report». Wash.  
324. «The Wall Street Journal». N. Y.  
325. «World Politics». Princeton.  
326. «World Today». L.



## СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . . .	3
<b>Глава I. Движущие силы и мотивы политики США на Ближнем и Среднем Востоке</b> . . . . .	9
Роль Ближнего и Среднего Востока в империалистических планах США . . . . .	9
Нефтяные аспекты американской политики и их истоки . . . . .	16
Американские сионистские круги как фактор ближневосточной политики Вашингтона . . . . .	42
<b>Глава II. Стратегия борьбы США против национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке</b> . . . . .	49
Консервативные режимы — ударная сила американского неокOLONиализма . . . . .	51
Соединенные Штаты и Египет . . . . .	58
Иранское звено в неокOLONиалистской политике США и его разрыв . . . . .	63
США и антиимпериалистические страны ближневосточного региона . . . . .	73
«Доктрина взаимозависимости» в действии . . . . .	76
НеокOLONиалистские маневры Вашингтона вокруг национализации нефти . . . . .	83
Борьба США против ОПЕК . . . . .	85
Энергетическая программа США как орудие неокOLONиализма . . . . .	92
<b>Глава III. Ближневосточный регион в военных планах США</b> . . . . .	100
Военное присутствие США на Ближнем и Среднем Востоке . . . . .	100
Поставки американского оружия . . . . .	106
Израиль и консервативные режимы — военные партнеры США . . . . .	110
Развал агрессивного блока СЕНТО. Поиски альтернатив военного союза в регионе . . . . .	120
Угроза американской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке . . . . .	124
<b>Глава IV. Проблема ближневосточного урегулирования: концептуальный подход и практика Вашингтона</b> . . . . .	130
Американская модель «урегулирования» . . . . .	130
«Равноудаленный подход» . . . . .	144
Соединенные Штаты и палестинский вопрос . . . . .	149
Решения Организации Объединенных Наций и obstructионистская линия США . . . . .	160
Тактика «частичного урегулирования» при правительствах Р. Никсона и Дж. Форда . . . . .	165
Президент Дж. Картер и проблема ближневосточного урегулирования . . . . .	173
Подрывная линия США в вопросе о созыве Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку . . . . .	177
Стратегия Кэмп-Дэвида и сепаратный «мирный» договор между Египтом и Израилем . . . . .	185
Тулики кэмп-дэвидской стратегии . . . . .	196
Заклучение . . . . .	202
Список источников и литературы . . . . .	206

1 р. 50 к.